Королева Франции Анна Бретонская

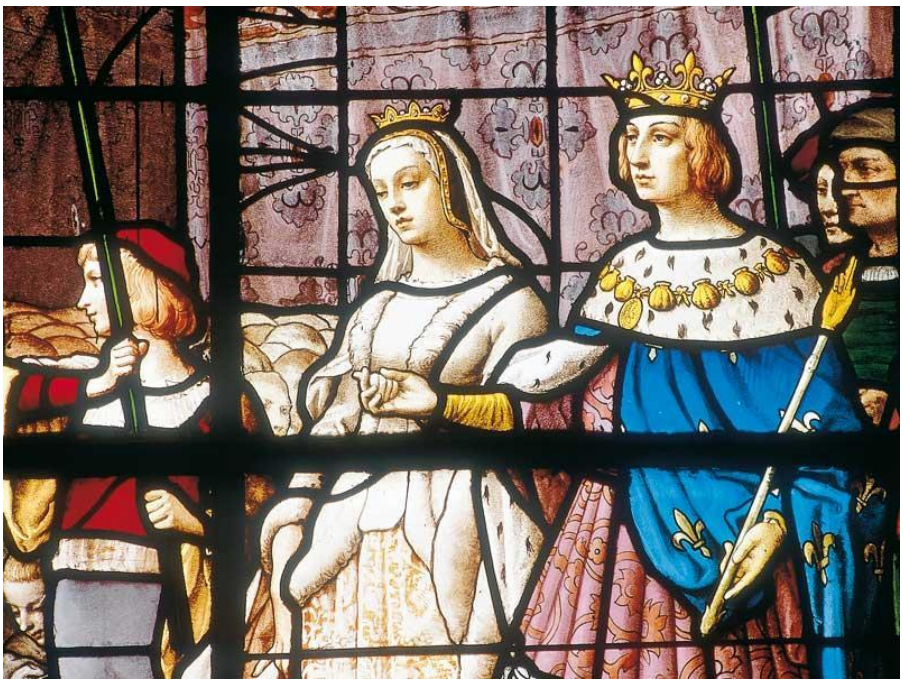
SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Единственная наследница своего отца, Франциска II, герцога Бретонского, Анна, родившаяся в 1477 году, вступила на престол Бретани в 1488 в возрасте одиннадцати лет. Выйдя замуж по доверенности в 1490 году за эрцгерцога Максимилиана Австрийского, юная герцогиня Бретани была вынуждена отказаться от него, чтобы выйти замуж в следующем году за завоевателя ее герцогства короля Франции Карла VIII. Политиче-ский брак, против всех ожиданий, превратился в союз великой любви. После неожиданной смерти Карла (1498), она вновь вышла замуж за преемника своего покойного мужа – Людовика XII, но не ранее, чем получила гарантии автономии Бретани, правительницей которой она вновь стала. Будучи королевой Франции, Анна, тем не менее, всегда выступала в защиту интересов своей родины, хотя и помогла своим двум супругам управлять государством во время их отсутствия в стране. Умная, настой-чивая, изысканная, она придала блеск жизни королевского двора и способствовала по-явлению искусства Возрождения во Франции, в том числе в преобразовании замков Нанта, Амбуаза и Блуа, где умерла в 1514 году. Автор знакомит нас с жизнью невероятной личности королевы, часто обвиняемой в том, что она оставалась более бретонкой, чем француженкой.

- Предисловие
- Глава 1. Анна – надежда независимой Бретани (1477-1483)
- Глава 2. Детство Анны: от надежды до отчаяния (1483-1488)
- Глава 3. Герцогиня в сабо становится королевой Франции (1488-1491)
- Глава 4. От насильственного брака к близости королевской пары (1491-1494)
- Глава 5. Анна мечтает о «новом Карле Великом» (1494-1495)
- Глава 6. Любовь Анны преодолевает легкомыслие Карла (1496-апрель 1498)
- Глава 7. Анна, вновь королева? (1498)
- Глава 8. Чего хочет король… (1498– начало 1499)
- Глава 9. Анна, госпожа Людовика XII? (1499-1506)
- Глава 10. Конец жизни королевы в замке Блуа (1506-1514)
- Эпилог. Людовик XII и Бретань после Анны
- ХРОНОЛОГИЯ
- БИБЛИОГРАФИЯ
- Аннотация

Предисловие



Ванн. Витарж с изображением Анны Бретонской в церкви

Как рождается легенда? Лишь течение времени способно превратить простых смертных в героев. Но этого мало. Должно совпасть несколько причин, чтобы не кануть в Лету Истории. Для Анны Бретонской звезды сложились так, что ей было суждено остаться в веках. Тому было несколько причин. В первую очередь, она стала символом окончания эпохи, совпавшей с потерей независимости Бретани. Она дважды становилась королевой Франции – беспрецедентный случай в девятивековой истории французской монархии от Гуго Капета до Луи-Филипа. И главным образом потому, что она стала олицетворением нового мира, рассветом Ренессанса, его блеска и очарования.

Но История усиливает любой шёпот до крика. Кто-то кричит, что Анна хорошо послужила своей родной земле; кто-то утверждает, что она забыла родину, обвиняя бретонку в предательстве, когда она стала французской королевой. Третьи уверены, что Анна много страдала, подобно мученикам-христианам, ставшим святыми.

Оставив в стороне гул Истории, мы просто взглянем на

рождение девочки, ее взросление и превращение в юную женщину, попытаемся заглянуть в ее сердце и душу, прикоснемся к ее восторгам и разочарованиям.

Приблизимся – насколько это возможно – к тому времени, заглянем в личную жизнь королевы, осветив тёмные углы. Ведь Анна Бретонская не была застывшим персонажем, она жила, страдала, любила. Взглянем на неё, реальную, отбросив тот мифологический налёт исторических сплетен, причисляющий ее то к богам на Олимпе, то к демонам в аду.

Глава 1. Анна – надежда независимой Бретани (1477-1483)

Нант. Памятник Анне Бретонской

Привилегия, данная сильным мира сего: Анна Бретонская появилась на свет под ликование всего народа. 25 января 1477

года церкви старого средневекового города Нанта звонили во все колокола, на перекрестках провозглашалась новость, а радостные толпы следовали к воротам замка, где родилась будущая герцогиня.

Ее отец, Франциск II, также был доволен и приветствовал овации толпы: ведь отныне герцогство Бретань имело наследницу. Дом Монфоров, правивший более 130 лет, был в безопасности. Наконец! Герцогу было за сорок, и он уже давно немолод. Его первая жена, Маргерита Бретонская, умерла, не оставив детей. И Франциск прождал долгие годы, пока его вторая жена, Маргерита де Фуа, не подарила супругу ребенка. Эта маленькая девочка, там, в своей колыбели, стала олицетворением надежд с первого мгновения своей жизни. Это она в скором времени – поскольку в герцогстве не существовало салического закона – продолжит династию на троне!

Подобно своим предшественникам, Франциск II был полновластным правителем, не признававшим иной власти над собой, кроме Бога. Он управлял государством, подобно своему соседу-французу, могущественному и грозному Людовику XI. Герцог располагал хорошо организованными службами, сосредоточенными вокруг его персоны: в Бретани был свой Совет, свое правительство, в том числе канцлер и главный казначей, парламент периодически собирался для принятия крупных решений, политических или финансовых.

Так что Бретань была вполне отдельным государством, со своим правосудием, своими финансами, своими налогами и своим духовенством. Даже во внешней политике герцогство придерживалось линии независимости: имело собственных послов, представлявших исключительно интересы герцога. Бретань могла вести войны и заключать мирные договоры, так как имела свою армию.

Герцог Бретонский ни перед кем не отчитывался. В своем герцогстве он был королем. Так что при своем вступлении на престол герцогства в Ренне в 1459 году, Франциск II получил не корону вассала короля Франции, но личную корону, всемогущего правителя.

И до Франциска II бретонцы всегда стремились к независимости своей родины, отказываясь существовать в качестве фьефа французских королей. Они утверждали, что – в отличие от других крупных феодалов Франции, получивших свои владения из рук короля, – их правители происходили от древних бретонских правителей, независимых от прихотей соседа-француза.

И Анна должна была продолжить эту линию. После смерти

своего отца она унаследует великое герцогство, одно из самых могущественных и обширных в Западной Европе. В ее жилах текла кровь королей. По матери она была внучкой Гастона IV де Фуа, одного из сеньоров, чья власть была неоспорима на Юге. Она была правнучкой Жана II, короля Арагона и Наварры. А по отцовской линии восходила к великому королю Франции Карлу V.

Впрочем, сначала самой важной задачей было обеспечить наследнице саму жизнь. Во времена, когда из-за отсутствия профилактики и ухода множество младенцев умирали в раннем возрасте, нужно было защитить Анну. И в первую очередь остро стоял вопрос кормления. Нужно было найти здоровую кормилицу, способную дать хорошее молоко ребенку, благословенному богами, находящемуся под защитой святой Анны, наиболее почитаемой бретонцами. Кандидатки одна за другой представали перед герцогом. Главный критерий – хорошее здоровье и крепкое телосложение. Поначалу почетную должность кормилицы герцогини получила некая мадемуазель де ля Вир, уроженка Рена. Однако вскоре Франциск отстранил женщину от исполнения почетной обязанности – она не смогла пройти медицинскую комиссию. Не менее строгий контроль прошла и некая Жанна Эон. Недоверчивый, подозрительный, Франциск все же допустил ее к своей дочери, и на некоторое время Жанна стала ответственной за будущее герцогства.

Как только девочка подросла, встал вопрос гувернантки, первой учительницы и воспитательницы юной герцогини. Кандидаток на столь лакомую должность было множество. А у Франциска II были свои требования: высокое происхождение, бретонские корни и безоговорочная преданность маленькой госпоже. Наконец его выбор пал на Франсуазу де Динан, даму де Лаваль де Шатобриан. Она принадлежала к одному из великих Домов страны, имела прекрасное образование и обладала сильным характером. Такой женщине можно было доверить столь ценного ребенка.

Совсем крошкой Анна начала изучать все то, что требовалось даме ее ранга: танцы, пение, игру на музыкальных инструментах. Все это было признаком элегантности, а знание поэзии, живописи являлось отличием господствующего класса в ту эпоху. Хотя вышивание и не относилось к Высоким Искусствам, но в XV веке оно было любимым времяпровождением знатных дам. Кроме того, Бретань гордилась своими кружевами, и Анну обучали азам этого искусства, поскольку Франсуаза стремилась не просто преподавать девочке общие азы знаний, но приблизить к ней собственный народ.

Помимо бретонского, Анна владела и другими языками. Если французский язык использовался при бретонском дворе в течение многих веков, то обучение латыни и древнегреческому стало новшеством. Эти языки считались полезными для развития логики, анализа и синтеза – необходимых качеств для будущей правительницы. Так что мадам де Динан рано приступила к обучению основ этих древних языков. Говорили также, что она преподавала своей воспитаннице иврит.

Так что образование Анны с самого юного возраста было направлено на воспитание блестящей правительницы, способной защищать независимость Бретани от любых посягательств, в том числе от французского короля Людовика XI и его преемников.

Замок в Нанте, который Франциск II сделал своей резиденцией, как нельзя лучше отражал все амбиции герцогства. Внешне суровая крепость с узкими окнами контрастировала с роскошью внутренних покоев! Об этом замке говорили с придыханием. Стены его были увешаны великолепными коврами, покои обставлены редкой мебелью, украшены разнообразными произведениями искусства. Франциск щедро использовал дорогие материалы – шелк и бархат – для украшения и помещений, и одежды. Золотая и серебряная посуда подчеркивали роскошь и изысканность их владельцев. А ювелирные изделия и драгоценные камни еще громче заявляли о богатстве хозяев.

Этот контраст между суровым фасадом и бьющей в глаза роскошью внутреннего убранства символизировал положение герцогства 1480-х годов: защита от внешних врагов и подчеркивание внутреннего благосостояния.

И юная герцогиня в полной мере усвоила свои уроки – блестящие внешние атрибуты в контрасте с ее повседневной жизнью гармонично переплетались под чутким руководством Франсуазы де Динан. А за пределами классной комнаты и тронного зала молодая принцесса росла, играла и баловалась подобно любому ребенку своего возраста. Отец и гувернантка разрешали ей свободно общаться с другими детьми двора.

У нее была младшая сестра Изабо. К тому же герцог имел, по меньшей мере, троих детей от своей официальной фаворитки Антуанетты де Менеле – Франсуа д'Авогура, Антуана и Антуанетту. Они и были первыми компаньонами Анны по играм. Судя по всему, факт проживания детей от связи на стороне не был скандалом при бретонском дворе.

Карл VII в течение своего правления имел двух фавориток: знаменитую Аньес Сорель, после смерти которой преемницей в королевской постели стала ее кузина Антуанетта де Менеле, супруга барона де Вилькер, женщина столь же умная, сколь и

красивая. Зная склонность старого короля к юности, Антуанетта приводила к нему эскадрон молоденьких девушек, что, несомненно, приблизило его кончину. После смерти Карла VII в 1461 году Людовик XI, ненавидевший отца, первым делом очистил двор от фавориток. А вскоре соединил приятное с полезным – он отправил бывшую пассию отца к Франциску II, попутно обретя в ее лице и шпионку.

Дама де Вилькер долгие годы жила с герцогом бретонским в качестве его официальной фаворитки и поставляла информацию королю Франции. Впрочем, эта связь принесла неплохие дивиденты Антуанетте: будучи герцогиней, пусть и без короны, она получила от своего любовника множество подарков и денег. А в ответ подарила ему троих детей, которые воспитывались при дворе, всю свою жизнь получая от отца и поддержку, и внимание.

С прибытием второй жены герцога, Маргериты де Фуа, ситуация не изменилась. Герцог не скрывал от нее свою многолетнюю связь, и законная дочь росла и воспитывалась рядом с бастардами – какой позор в доме того, кто претендовал на звание «герцог милостью Божьей»!

Но Анна не слышала – пока – народного шепота. Она счастливо жила рядом родителями и всеми детьми, что окружали ее, – это и была ее настоящая семья. Жизнь была спокойной для этой девочки, полной обычных радостей детства, и лишь изредка нарушаемой легкими слезами.

Счастье мимолетно. Франциск II пользовался всеми удовольствиями жизни и видел постоянную угрозу со стороны своего неустанного соперника – Людовика XI. Поначалу тот не считал герцога Бретонского серьезным врагом. Король Франции воспринимал его всего лишь непослушным вассалом, подобно другим великим принцам своего королевства, считая, что принесение клятвы верности – оммажа – утихомирит пыл провинциального соседа. А король достигнет своей цели – присоединит Бретань к землям короны.

В декабре 1461 года Франциск II был вызван в Тур, где проходила церемония принесения вассальной клятвы верности новому королю. Однако герцог демонстративно отказался произнести установленную формулу, не преклонил колено перед Людовиком XI и не сдал ему оружия, игнорируя простые правила приличия. Он был хозяином своих земель и не желал делить власть ни с кем, кроме Бога. Король был неприятно удивлен.

И с 1462 года началась война между герцогством и Францией. С рождением Анны Бретонской серьезный конфликт между этими могущественными правителями только усилился. В 1465 году Франциск II заключил военный союз с Шарлем ле

Темерер (Charles le Téméraire) из Общественной Лиги, выступавшей против короля Франции. В 1475 году был создан новый союз, опиравшийся на альянс герцога Бургундского и короля Англии Эдуарда IV. Их амбициозный проект имел целью возложение французской короны на голову англичанина. Людовик XI ловко разбил этот союз: мир в Пикиньи (Picquigny), заключенный в августе и подкрепленный солидной суммой золота из королевской казны, отправил короля Англии обратно на родину, а перемирием в Сулевре (Souleuvres) от 13 сентября Людовик обязал Бургундию сложить оружие на девять лет. Теперь можно было заняться и Франциском II. По условиям мира в Санлисе от 29 сентября герцог Бретонский обязался поддерживать короля Франции против врагов. Договор опасный для независимости бретонцев, ведь герцог был вынужден отказаться от войны с Валуа и вести свою внешнюю политику в соответствии с интересами врага. Франциск надеялся на лучшие времена, ожидая помощи неукротимого Темерера в вопросе освобождения от французского давления.

Увы! 5 января 1477 года, за несколько недель до рождения Анны, Шарль был убит под Нанси. Франциск II остался один, без армии, без мощных союзников. В отчаянии, пытаясь сохранить остатки независимости, Франциск II 15 июня подписал указ о всеобщей мобилизации, подразумевая новую войну. Но этот маневр был призван лишь пустить пыль в глаза, скрывая от Людовика XI факт полной военной недееспособности мятежного герцога. Впрочем, Франциск подстраховался и в тот же день отправил французскому королю прошение о мире. Людовик благосклонно принял эту петицию, был подписан договор в Аррасе, укрепляющий прежние соглашения. Однако условия окончательно связали руки бретонцу.

Пытаясь сохранить лицо, Франциск II заявлял всем и каждому, кто был готов его слушать, что он чихать хотел на все договоренности и будет соблюдать их условия только при большом желании.

Однако благоразумие советовало ему выждать: герцогу необходимы были новые альянсы. А для их создания нужно время. Поэтому, скрепя сердце, он избегал любых конфликтов с Францией, оставаясь в состоянии холодного перемирия с ней.

К тому же в течение первых трех лет жизни старшей дочери, Франциск пребывал в постоянных тревогах за ее права наследования. Причиной тому был заключенный еще в 1365 году договор в Геранде (Guérande), согласно которому в случае отсутствия у герцогов Бретани наследников мужского пола династическая власть переходит к семье Блуа-Пентиевр (Blois-

Penthièvre).

Людовик XI, трепетно относившийся к любым соглашениям, не считал возможным напрямую оспорить этот договор. Французский король действовал более изящно. 20 февраля 1480 года он – как удачно! – выкупил за 50 000 экю у Николь де Блуа, дочери Жана де Пентиевр, упомянутые права на наследование Бретани. И отныне Людовик на вполне законных основаниях мог стать герцогом Бретонским. Анна, как наследница не мужского пола, оставалась не более чем принцессой без короны, а многовековая независимость герцогства закончилась бы бесславным присоединением к французским территориям.

Этого Франциск не мог стерпеть, ведь он отвечал за защиту прав своей дочери, полученные ею от предков. Что делать? Герцог постарел и устал, здоровье его уже пошаливало – кто знает, что будет завтра… Жизненно необходимо было удержать власть в своих руках хотя бы до того времени, когда Анна, пусть еще совсем юная, но сможет принять на себя управление герцогством.

И Франциск приступил к созданию сложной системы защиты против короля Франции. На политической арене Бретани появилось новое лицо. Это личный камергер герцога, начавший свою карьеру с чистки одежды правителя, Пьер Ланде. Неожиданно Франциск назначил его главным казначеем, что вызывало бурные протесты у бретонской знати – ведь Ланде был сыном портного из Витре. Дворяне недовольны настолько сильно, что один из них Лескен (Lescun), правая рука Франциска, покинул бретонский двор и отправился к Людовику XI с предложением своих услуг. Король был необычайно взволнован этим фактом.

Однако Франциск не уступил. В 1477 году Ланде получил в свою руки практически неограниченную власть – он управлял не только финансами, но и внешней политикой, армией, полицией, имея полную свободу действий.

Какова же была причина столь быстрого возвышения за столь короткое время? Ответ прост: Ланде яростно ненавидел французов, короля, его двор. Он агитировал за активное сопротивление любым попыткам вторгнуться в дела Бретани. Если Лескен был дипломатом, умеющим просчитывать на шаг вперед, то Ланде жил сиюминутными порывами истинного бретонца. И Франциску было отрадно слышать речи, призывающими положить конец унизительным договорам и попыткам французов захватить его родину.

Герцог последовал принципу «если хочешь мира, готовься к войне». Для этого нужны были союзники, сильные и многочисленные. В 1481 году был заключен военный альянс между Франциском II и эрцгерцогом Максимилианом

Австрийским, у которого был свой интерес в этом союзе: немец надеялся отобрать у французов земли своего покойного тестя де Темерера (Téméraire). А примерно через месяц, 10 мая 1481 года, был заключен еще один союз – с английским королем Эдуардом IV, тем самым, который шесть лет назад претендовал на корону Франции.

Таким образом, Бретань получила мощных союзников на западе и востоке. Их войска могли бы взять в тиски войска Людовика XI, вздумай тот вторгнуться на территорию герцогства.

Но эти соглашения были не только военными. Одновременно был заключен и брачный договор: Анна выйдет замуж за принца Уэллского, наследника английской короны, как только дети войдут в брачный возраст. Если бы, к несчастью, Анна скончалась до свадьбы, ее место заняла бы младшая сестра, Изабо. Вот так в четыре года маленькая девочка стала главным интересом всей европейской политики.

Впрочем, это соглашение никак не изменило внешнюю политику Бретани. Потомки кельтов, разделенные лишь узким проливом, с древних времен были заинтересованы друг в друге. На момент заключения договора у них были схожие желания: англичане надеялись получить занятые французами земли на континенте – например, Гийень, – а бретонцы видели в островных соседях силу, способную противостоять домогательствам Франции.

Некоторые историки рассматривают союз 1481 года как желание постепенной интеграции Бретани в Англию. Это несправедливо хотя бы потому, что Анне на тот момент было четыре года, а ожидание достижения ею брачного возраста (как минимум двенадцати лет) было слишком долгим. Поэтому были лишь очерчены контуры проекта, а вот подготовок никаких не проводилось. Просто на тот момент Франциск II и Ланде нуждались в Эдуарде IV. Возможно, вскоре ситуация изменится, стрелки часов истории повернутся, найдется более интересный союз… Фактически, этот брачный договор соответствовал сиюминутным интересам герцогства.

На самом деле, заключить подобный союз было непростым делом для Монфоров. Эдуард IV, король Англии, согласился на брак своего сына – старшего сына, наследника короны! – с дочерью герцога Бретонского! Неважно насколько выполним был этот план – но он был несомненным дипломатическим успехом Франциска II: ведь на глазах собственных, не слишком довольных им дворян, герцог получил признание от одного из королей мира.

Эта военная и дипломатическая защита была необходимой, однако недостаточной – слишком много при дворе герцога было

французских шпионов. И не все были так открыты в своих политических убеждениях, открыто предпочтя службу королю Людовику, подобно Леске в 1475 году. Ланде приходилось вести непримиримую борьбу методами, не делавшими его популярным. И неограниченные полномочия, полученные от Франциска II, мало помогали, ибо шпионы были повсюду.

В этом плане показательна история Мориса Гурмеля (Maurice Gourmel), которому была доверена супер-секретная переписка между Нантом и Лондоном. В один из своих вояжей он остановился в городке Шербур, где был подкуплен французами. За некоторую сумму денег, Морис согласился делать копии с доверенных ему писем и отправлять их Людовику XI.

За каждую переданную депешу королевский агент платил Гурмелю 100 экю. Тот успешно передал дюжину писем Франциска II и десяток посланий от англичан, где Эдуард IV обещал своему союзнику высадиться в Кале, если французы вторгнутся в Бретань.

Ланде слишком поздно узнал об этой утечке информации, к тому же она была не единственной, ибо французские шпионы были повсюду – слишком много появилось недовольных политикой герцогского казначея. Тот был вынужден принять ответные меры: отныне каждый житель Бретани находился под подозрением. Напуганный поведением французского короля (тот в 1480 году бесцеремонно вторгся в герцогство Анжуйское после смерти герцога Рене), Ланде теперь подозревал любого – горожанина, крестьянина, торговца. Жизнь для бретонцев становилась все более невыносимой.

Происшествие, случившееся с господином Ле Тонелье (Le Tonnelier), иллюстрирует эту возросшую до абсурда подозрительность. Пьер Ле Тонелье был торговцем трикотажа, он держал собственный магазин в Париже, частенько наведывался и в Бретань, где продавал свою продукцию в течение тридцати двух лет. Чаще всего он бывал в Ренне, где одним из важных клиентов был Мишель Леду (Michel Ledoux), ответственный за гардероб герцога Бретонского. Однажды Леду попросил торговца прислать ему головные уборы для герцога, который любил носить черные шляпы днем и красные ночью. Ценя продукцию парижского мастера, он заказывал по 3-4 дюжины шляп в год, особенно настаивая, чтобы они источали аромат фиалок (герцог любил комфорт и обладал изысканным вкусом).

Так что дела ремесленника шли отлично. До весны 1481 года, когда – как раз во время «воцарения» Ланде – Ле Тонелье прибыл, как обычно, в Ренн, а затем в Нант, привезя с собой уборы для знатных особ: шесть дюжин шляп двух цветов для Франциска II и

полдюжины шапочек для короля Испании, Фердинанда Арагонского.

Ранним утром, когда купец был еще в постели в своем доме на набережной де Ла Фосс, в его опочивальню вступил купеческий прево Нанта (*глава цеха, исполнявший функции судьи) в сопровождении шести лучников. С наступлением ночи, чтобы не привлекать внимания горожан, Ле Тонелье перевели в башню возле ворот Сен-Николя, где он оставался в течение многих недель, теряясь в догадках о причинах своего заключения.

Наконец мучительное и казавшееся бесконечным ожидание закончилось – купца отвели на допрос. Прево интересовался, где, для кого были сделаны шляпы и зачем они были окрашены. С чистой душой Ле Тонелье констатировал, что шляпы были изготовлены в Париже, и был вновь отправлен в камеру.

После долгого ожидания – новый допрос, где торговец с удивлением узнал о предъявленных ему обвинениях: изготовление отравленных головных уборов по наущению французского короля. Изумленный, он отрицал свою вину и не дрогнул перед замаячившими перед ним пытками. Обвинение перешло к методу умасливания, обещая за признание богатые дары.

Не дрогнувший ни перед угрозами пыток, ни перед денежными вознаграждениями, Ле Тонелье все отрицал. Преисполненные решимости довести начатое дело до конца, судьи приговорили купца к… бритой голове: он был обязан носить изготовленные им шляпы (те, что с ароматом фиалок) – не менее суток каждую. Очевидно, трибунал предполагал наличие в головных уборах модного итальянского яда, способного медленно, но верно убить человека, не наводя подозрения на его убийцу.

Однако – кроме удовольствия, которое тридцать раз получил купец от посещения цирюльника – никаких последствий этот приговор не имел. Ле Тонелье получил право на жизнь и свободу. К тому же в Бретань, обеспокоенная необычно долгим отсутствием супруга, прибыла его жена с твердым намерением положить конец бесчинствам местных чиновников. Очевидно, она громко вступилась за парижского купца, и за несколько дней до Рождества Ле Тонелье получил право вернуться в свой дом. Перед ним было поставлено два условия: он не должен был рассказывать о своих злоключениях ни одной живой душе, раз; и не обращаться с жалобами в вышестоящие инстанции (т.е. к французским судебным органам), два. Ведь это могло послужить причиной громкого скандала, чему Людовик XI был бы только рад. За нарушение этих условий купцу пригрозили

лишением головы.

Впрочем, Ле Тонелье не сильно испугался – едва вернувшись на родину, он подал жалобу на герцога Бретонского, обратившись-таки к правосудию короля Франции. Очевидно, обида за перенесенные страдания была столь велика, что торговец обвинил и Ланде, своего гонителя, и Леду, своего клиента, в желании отравить его.

Эта подозрительность по отношению ко всему французскому могла бы показаться чрезмерной, однако необходимо помнить, что короля Франции поддерживали и многие бретонские дворяне, не согласные с проанглийской политикой. Некоторые из них открыто говорили об этом.

Гийом Шовен (Guillaume Chauvin), сеньор де Блуа дю Понтю (Ponthus), канцлер Бретани был одним из таких дворян. Подобно Лескену, он выступал за союз с Людовиком XI. Кроме того, он позволял себе вслух критиковать действия главного казначея, обвиняя в превышении полномочий и упрекая в бесчисленных казнях, которыми тот боролся со своими оппонентами. Безрассудное поведение – в момент возвышения Ланде, ведь герцог Бретонский уже всецело доверял своему советнику, переложив на него обязанности защиты герцогства.

Шовен становился опасным. Он мог увлечь за собой многих дворян, обладающих весом в государстве. Его нужно было устранить. В разгар дела Ле Тонелье, 5 октября 1481 года, канцлер был арестован. В качестве оснований для этого Ланде выбрал именно те обвинения, которые нашли горячую поддержку у герцога Бретонского: предательство и связи с Людовиком XI.

16 октября Шовен предстал перед комиссией, состоявшей из преданных Ланде людей. Даже отсутствие прямых доказательств вины канцлера не остановило главного казначея. Его политический соперник был брошен в тюрьму Буффе (Bouffay) в Нанте, а состояние конфисковано, семья изгнана на улицу. Мадам Шовен, не перенеся нищеты и позора, умерла.

Из Нантской тюрьмы бывший канцлер был переведен в замок Оре (Auray), затем в Эрмин (Hermine) в Ване, условия его содержания были ужасны. Пленник был лишен элементарных удобств, подолгу оставался без пищи.

Однако каким-то образом Шовен сумел передать весточку парижскому парламенту, и король Франции во всеуслышание пообещал свою защиту пленнику. Вот оно, доказательство связи с врагом! Ланде был в восторге от сложившейся ситуации и получил в руки все козыри. Теперь он имел полное право на полное уничтожение своего врага – и в 1484 году Шовен скончался от голода и жажды. Его тело, исхудавшее настолько,

что «кости проткнули кожу в нескольких местах», было спешно похоронено без свидетелей.

Ланде еще раз показал всем свою силу и свои возможности.

Однако нельзя забывать ради чего совершались все эти безумные действия, эта борьба из последних сил – ради наследницы Бретани. Анна, надежда на светлое «завтра», росла, училась.

30 августа 1483 года умер Людовик XI. Бретонцы благословили этот день. Ушел непримиримый враг, оставив после себя болезненного отпрыска тринадцати лет от роду, Карла VIII, нового короля Франции. Согласно завещанию своего отца, Карл вступил на трон под опекой своей старшей сестры, Анны де Божё, и её мужа. Ребёнок и юная женщина – вот кто наследовал ужасному Людовику XI!

Для старого герцога и его фаворита возродилась надежда. Анне было уже шесть с половиной лет, возраст, вполне достаточный, чтобы приступить к правлению при помощи верных советников. Даже смерть короля Англии Эдуарда IVв 1483 году и таинственное убийство его наследника Эдуарда V, которых убрал со своей дороги собственный дядя Ричард III, чтобы самому сесть на английский престол, не поколебало надежд Бретани. Ведь оставался ещё преданный союзник, Максимилиан Австрийский. На тот момент этого было более чем достаточно.

Глава 2. Детство Анны: от надежды до отчаяния (1483-1488)

Сарзо. Выставка, посвященная эпохе Анны Бретонской

Между летом 1483 года и весной 1484 юный Карл VIII и Анна де Божё, чье назначение на должность опекунши короля вызывало

большие споры, испытывали большие трудности. Королева-мать, Шарлотта Савойская, хотела править государством в качестве регентши при сыне, выступая в оппозиции к своей дочери. Он не была одинока в своих притязаниях: первый принц крови, Луи Орлеанский, хотел того же, его поддерживал целый клан симпатизирующих ему и недовольных политикой предыдущего короля.

Королевская власть была настолько неустойчива, что по требованию крупнейших феодалов были созваны Генеральные Штаты. И вот те, кто не желал видеть де Божё в качестве регентов, собрались в Туре с 7 января до 15 марта 1484 года. Герцог Бретонский не присутствовал, продемонстрировав этим независимость своих земель. Он лишь отправил в Тур своего представителя, который внимательно наблюдал за хаосом во французском правлении, – верного Пьера Ланде.

Однако радость бретонца была недолгой: Анна де Божё сумела противодействовать французской оппозиции и настояла на законности своих прав. Отныне она могла править.

Едва вернувшись из Тура, казначей столкнулся с новыми трудностями. За время его отсутствия здоровье герцога Бретонского ухудшилось, современники говорили о травме, в результате которой Франциск стал плохо соображать, ибо «стал он слабым и не было большого смысла в его речах».

Его болезнь была благоприятна для Франции, поскольку все дела герцог доверил фавориту, а без поддержки своего покровителя Ланде терял весь политический вес. Французы ожидали удобного момента, чтобы положить конец кичливой независимости Бретани. Этой оказией оказалась ужасная смерть бывшего канцлера, Гийома де Шовен, произошедшая 5 апреля 1484 года. Вот он, удобный повод выдвинуть обвинения против зарвавшегося диктатора.

Французы не вмешивались лично в дела герцогства, они нашли сторонников непосредственно при бретонском дворе. Маршал Бретани, Жан де Рьё (Jean de Rieux), громко высказывал своё недовольство действиями Ланде. Чтобы он выступал активнее, де Божё выделили маршалу официальную пенсию из своей казны – 12 000 ливров. Еще 25 000 ливров было потрачено на создание крепкой группы поддержки (50 человек). В этот же список включили и Франсуазу де Динан, гувернантку наследницы, которая за 4000 ливров могла повлиять на герцога. В секретной переписке участвовал Жан де Шалон (Jean de Châlons), еще один непримиримый противник Ланде. Он являлся душой заговора, целью которого было уничтожить тиранию фаворита в Бретани.

Анна Бретонская не более своего отца имела представление о заговоре, хотя в свои семь лет была прекрасно осведомлена о многочисленных интригах, сплетаемые вокруг нее французским двором.

В среду 7 апреля в Нант пришла весть о смерти Гийома Шовена. Принцы Оранский (d'Orange) и де Рьё, несомненно разделявшие точку зрения покойного канцлера и глубоко возмущенные его гибелью, решили действовать. Целью принцев крови был Пьер Ланде. Полагая, что главный казначей укрылся в замке, с наступлением темноты они привели к подножию крепости отряд солдат. Воины были переодеты в обычную одежду горожан, скрывшую доспехи, а потому сумели беспрепятственно войти в замок. Отобрав у стражников ключи, заговорщики заперли за собой ворота и ринулись на поиски своей жертвы. Им не помешал и небольшой отряд, охранявший замок. Сопротивление было быстро сломлено, стражники обезоружены и посажены под замок.

Теперь уже ничто не могло помешать мятежникам. Однако напрасно они обыскивали замок – Ланде нигде не было. Кто-то предположил, что он скрывается в покоях самого герцога – и вот уже отряд вооруженных людей ворвался к Франциску II, где находились и его жена с дочерьми. Герцог испытал не самые приятные чувства при виде разгоряченных солдат, но быстро понял, что охота объявлена вовсе не на него. Однако и здесь мятежников ждала неудача – Ланде не прятался под кроватью своего господина.

В общей суете одному офицеру удалось обмануть бдительность охраны и убежать. Он промчался по насыпи и выбежал на улицы спящего Нанта, крича: «К оружию! Принцы хотят оскорбить и захватить герцога!»

Поднялась тревога, жители города бросились толпой к стенам замка. Была как раз Страстная неделя, поэтому в городе было много бретонцев, приехавших со всей страны. Все ринулись на улицу, ведущую к замку, чтобы попробовать узнать больше и, если возможно, помочь правящей фамилии.

Как всегда в подобных случаях, по толпе зациркулировали слухи: вероломные заговорщики хотят увезти силой герцога в Ансени, вотчину маршала де Рьё. Там Франциска II якобы посадят под замок, чтобы заставить подчиниться Франции. Нужно было действовать! При виде этой гневной толпы заговорщиков охватил страх. Они рассчитывали на быстрое завершение операции, а оказалось, что народ выступает против них. Было принято решение разогнать людей, и принцы не придумали ничего лучшего, чем начать стрелять по ним. Со стен замка полетели

стрелы, выпущенные из арбалетов. Множество людей получили ранения. Это вызвало взрыв ярости жителей города: они пришли защищать своего герцога, а по ним палят из его же замка!

В порту Нанта стояло множество кораблей, пришедших со всех берегов Бретани. Матросы развернули пушки в сторону замка.

Так, осаждающие превратились в осажденных. Заговорщики пытались вести переговоры с народом, но их быстро согнали со стен. Жители требовали герцога! Почему он не показывается? Его взяли в плен?

В замок были допущены представители бретонцев, стоявших под стенами замка. Филипп де Монтобан (Montauban), принявший должность канцлера Бретани после смерти Шовена, в сопровождении двух свидетелей добрался, наконец, до Франциска II и начал переговоры с мятежными принцами. Монтобан настойчиво рекомендовал Рьё и Оранскому возвратиться в Ансени. Конечно, за ними будет отправлена погоня, однако дать фору в несколько лье глава парламента все же обещал. Это был лучший выход для мятежных принцев, и они были вынуждены согласиться. Наутро мятежники, сопровождаемые охраной, погрузились в лодку, чтобы воспользоваться водами Луары для отбытия из Нанта. Так очередная французская интрига потерпела поражение.

А что же Ланде? Во время описываемых событий он находился в своем поместье Паботьер (Pabotiére), что в одном лье от Нанта вверх по течению Луары. Узнав о случившемся, он поторопился вернуться к герцогу, еще более могущественный.

Фактически, вся суматоха была напрасной. Хотя главный казначей получил хороший урок – и кто знает, когда сложится новый заговор с целью его свержения? Кроме того, Ансени с сосланными туда принцами оставался опасным.

А Анна и Изабо? Их не могло не напугать вторжение солдат, восстание сеньоров. Они присутствовали при унижении и оскорблении своего отца – того, кого они любили и почитали. Анне было семь лет. В этом возрасте драмы уже оставляют следы в душе. Вместе с отцом она прикоснулась к опасностям жизни правителя.

И это навсегда осталось в ее памяти. Когда Анна станет правительницей, она не потерпит подобных угроз и оскорблений. Герцогине Бретани должны повиноваться беспрекословно! И горе изменникам!

Однако опасность мятежа не была устранена после той ужасной ночи 7 апреля, ведь сеньоры, высланные в Ансени, оставались в силе. И Ланде предпринял дополнительные меры

безопасности. Он призвал на помощь Луи Орлеанского. В день Пасхи молодой герцог покинул Тур, чтобы как можно быстрее прибыть в Нант. Именно тогда состоялась первая встреча принца крови – законного наследника французского престола в случае преждевременной смерти Карла VIII – и будущей герцогини Анны. Впоследствии многие летописцы, историки и писатели романтизировали эту встречу: мол, Орлеанский влюбился в Анну с первого взгляда. Однако вряд ли это было правдой – сложно представить, чтобы 22-летний мужчина воспылал страстью к семилетней девчушке, пусть и «полной изящества, красоты и очарования».

Нет, Луи Орлеанский не был настолько влюбчив. Однако он вполне мог питать самые горячие чувства по отношению к бретонскому наследству. Еще летом 1483 года, сразу после смерти Людовика XI, он отправил к Франциску II доверенное лицо, монаха Гийома Шамар (Guillaume Chaumart), с секретным поручением – просить руки старшей дочери герцога. Франциск, несомненно, был польщен. Однако существовало препятствие…

И теперь, прибыв в Нант, герцог Орлеанский предоставил возможному тестю доказательства серьезности своих намерений преподнести Анне обручальное кольцо: он отправил в Рим прошение об аннулировании своего брака. Восемь лет назад король Людовик XI заставил молодого герцога Орлеанского жениться на своей младшей дочери, болезненной принцессе Жанне по прозвищу «Хромоножка». И как только Луи получит разрешение понтифика, он будет свободен для Анны… и ее чудесного наследства… А Франция получит сильного противника в лице Бретани, объединившейся с герцогством Орлеанским и графством Блуа.

Орлеанскому было выгодно посредничество Ланде, а тот ничего не терял, обещая руку дочери герцога всем подходящим союзникам. Удерживаемый обещаниями, Луи продолжал выступать на стороне бретонского герцога. А Франциск заключал брачные договоры направо и налево – придёт время, он сделает свой выбор в пользу одного из претендентов. Но не сейчас…

Политическая и моральная поддержка, оказанная герцогом Орлеанским, не успокоила Ланде. Восстание бретонских дворян поселило в его душе постоянный страх и неуверенность в будущем. И опасения не были беспочвенными: 28 октября 1484 года маршал Рьё и его сторонники подписали прошение к королю Франции, умоляя его стать «их сеньором после смерти герцога Франциска, поскольку у него нет наследников мужского пола».

А поскольку беда редко приходит одна, то выяснилось, что еще 20 мая маршал де Рьё заключил соглашение с виконтом де

Роган (Rohan) о том, что два сына виконта получат в жены дочерей Франциска. Анна сообразила, что после смерти любимого отца, ей уготована незавидная судьба – насильственный брак.

Какое-то время хрупкое равновесие удерживалось под строгим контролем главного казначея, но как долго это могло продолжаться? В конце концов, Ланде отправил в Ансени армию, чтобы укротить мятежников. Во главе войск он поставил внебрачного сына Франциска II Франсуа д'Авогур (Francois d'Avougour), символизируя этим герцогскую власть. Однако в Ансени произошло неожиданное – для Ланде: армия, присланная с целью приструнить зарвавшихся бретонских дворян, перешла на их сторону. Это произошло 24 июня 1484 года.

Главный казначей оказался лицом к лицу с реальной угрозой. 30 июня он положил на стол герцога декларацию, в которой все мятежные дворяне были бы признаны преступниками, которых требовалось посадить под стражу, а их имущество конфисковать.

Этот шаг был глупым, ибо даже Франциск увидел, насколько его подданные ненавидят главного казначея. Уход армии стал последней каплей в той огромной чаше недовольства, которое накапливалось против фаворита в течение десятка лет.

Военные вернулись в Нант с единственной целью – захват тирана. Никто теперь не препятствовал их входу во двор замка. Фаворит укрылся в покоях герцога. Но единственное, чем тот смог помочь своему бывшему министру – это попросить ворвавшихся солдат не сразу убивать его, а дать возможность предстать перед судом. Наивный поступок слабого правителя? Или герцог рассчитывал на то, что суд пощадит его любимца? Обвинения, выдвинутые против Ланде, не оставляли такого шанса. Ему припомнили не только смерть Шовена, но и обвинили в разграблении герцогской казны – самое страшное по тем временам преступление против своего господина. И 19 июля Ланде был повешен в Бьессе (Biesse).

Франциск ничего не мог сделать для своего фаворита. Где же завтра окажется Бретань, без сильного правителя? Что станет с Анной, уже восьмилетней, при столь слабом отце?

И кто теперь возглавит правительство? Конечно, бывшие обвиняемые в измене: маршал де Рьё, принц Оранский и Лескен, по-прежнему щедро одариваемые Францией. Для их кошельков была выделена 21 000 ливров, о чём свидетельствует запись от 1485 года в бухгалтерских книгах французского казначейства: «для расходов на службу нам в течение этого года». В список входил де Рьё, гувернантка мадам де Лаваль и множество других.

Однако – к счастью для Франциска и его дочери – власть

триумвирата была призрачной. Являясь лишь марионетками в руках де Божё, опекунов нового короля Франции, они не смогли объединиться, хотя и управляли Бретанью в течение двух лет после казни Ланде.

Вторая половина 1485 года не принесла особой радости Бретани. В Бурже подписан договор с Карлом VIII, условия которого еще более суровы, чем в предыдущих договорах, заключенных в Санлисе и Аррасе: герцог обязуется следовать французской политике, обещает помогать королю в случае внутренних волнений в стране либо при вторжении извне. А в сентябре герцог Орлеанский был вынужден принести клятву верности французскому королю, пополняя тем самым ряды врагов бретонцев. Плюс в конце года Николь де Блуа, очевидно, ощущая слабость герцога Бретонского, размышляла на тему восстановления своих наследственных прав на бретонский престол.

Чувствуя притеснения со всех сторон, Франциск сделал новую попытку сохранить права своей дочери. Он решил собрать Генеральные Штаты в Ренне. Заседание открылось 8 февраля 1486 года, и герцог Бретонский вынес на рассмотрение вопрос о признании его дочерей, Анны и Изабо, законными наследницами короны. Ассамблея попросила отсрочки, не будучи готовой дать немедленный ответ.

А 9 февраля господин д'Авогур, торжественно заявил, что не собирается претендовать на наследство своего отца, признавая первое право за своими сводными сестрами, законными наследницами герцога Бретонского.

Заявление бастарда (незаконного, но все же сына герцога Бретонского) развязало руки Генеральным Штатам – и было объявлено единогласное решение: Анна станет (вероятно, уже скоро) следующей правительницей герцогства.

Однако простого голосования было мало. Необходимо действо, не только объединившее бы знать страны, но и умерившее бы амбиции жаждущих власти. 10 февраля все депутаты Генеральных Штатов Бретани собрались перед алтарем церкви Богоматери Сострадающей (Notre-Dame-de-Pitié). Канцлер попросил всех принести клятву верности дочерям Франциска II, и д'Авогур первым подал пример, после чего все хором воскликнули «Аминь!». Так каждый поклялся собственной душой перед Богом оставаться верным девятилетней Анне – наследнице линии герцога Бретонского и гаранта независимости страны.

В пятницу 11 февраля Анна приняла оммаж от подданных – и это была первая присяга на верность, принесенная ей в эти непростые времена кризиса власти. Девочка, вместе с отцом и

сестрой, торжественно благодарила Штаты за их решение. Она благодарила и сводного брата за принесенную клятву – и это несмотря на его предательство в деле Ланде. Однако этой пышной церемонии было мало, ибо враги оставались на пороге страны – Франция, теперь уже под властью де Божё.

Как и в прошлом, необходимы были сильные союзники, способные защитить красивую девочку, будущую герцогиню. Но кто поддержит ее? Где Ле Темерер? Где Эдуард IV, его сын Эдуард V? Кого выбрать? Традиционный союзник – английский король – в тот момент был занят собственными делами: Генрих VII изо всех сил пытался удержаться на троне, полученном после смерти Ричарда III, отвратительного убийцы жениха Анны, на брак с которым возлагалось столько надежд…

Еще был Луи Орлеанский. Но можно ли было на него серьезно рассчитывать? Оставался Максимилиан Австрийский, избранный королем римлян в феврале 1486 года, что делало его будущим германским императором. О да, его можно позвать! Верность Максимилиана никогда не подвергалась сомнению. Но нужен более прочный союз, нежели соглашение о сотрудничестве. Какой? Конечно, брак!

Максимилиан овдовел четыре года назад, так что переговоры о брачном союзе с наследницей Бретани возобновились. К тому же было озвучено предложение отдать в жены младшую наследницу – Изабо – сыну австрийца, Филиппу ле Бо (Philippe le Beau).

И новый брачный проект был заключен в 1486 году. Анне девять. Был ли в восторге Максимилиан от перспективы союза с ней? Скорее всего, он планировал соединить приятное с полезным – союз с Бретанью давал ему возможность вернуть утраченную Бургундию. И император приступил к активным военным действиям, захватив в июне Артуа. Причем, Максимилиан не стал дожидаться помощи от все еще растерянного Франциска Бретонского. Герцог занят и пытается противостоять ставленникам французов? Что ж, зато он, Максимилиан, готов и не желает ждать!

Впрочем, Франциск кое-что смог сделать: надавив на правительство, он сумел выбить из триумвирата созыв очередных Генеральных Штатов, а те в сентябре 1486 года, собравшись в Нанте, проголосовали за необходимость военных субсидий со стороны знати. Ведь после правления Ланде казна была пуста.

Последствия этого можно было предугадать: в декабре в Нант прибыли посланники от де Божё. Герцогу пришлось выслушать упреки в нарушении французско-бретонских соглашений, заключенных в Бурже, недовольство коалицией с врагами

Франции, а также негодование королевского двора по поводу брачных планов, которые не получили высочайшего одобрения. Франциску предписывалось устранить все безобразия, вернуться к начальным соглашениям и продолжать придерживаться предписаний Франции.

Зная натуру герцога Бретонского, вряд ли Анна де Божё рассчитывала на покорное выполнение своих требований, однако она хотела по крайней мере припугнуть Франциска. Ведь его союз с Максимилианом мог спровоцировать вторжение во Францию и Испании с Англией.

Однако особенно герцог не испугался – 15 декабря 1486 года Луи Орлеанский объявил о своих пробретонских настроениях. А к нему тут же примкнули и другие дворяне: Аллен д'Альбре, Дюнуа, граф Ангулемский и герцог Лотарингский. По сути этот союз очень напоминал новую Лигу, объединившуюся против королевской власти. А в Бретани – против власти ставленников французского двора. Союзники потребовали созыва новых Генеральных Штатов под формальным поводом проверки финансового состояния – обычный предлог для давления на правящую верхушку или даже его отставки.

А 22 декабря произошло ещё одно важное политическое событие: правительство, ставленники французского двора, в лице маршала де Рьё и принца Оранского тоже присоединились к бретонской коалиции. Также их поддержала и мадам де Лаваль.

Насколько искренен был этот порыв? Действительно ли они покинули французский двор, отклонив предложенные им вознаграждения, и встали под знамена Франциска II? По сути, министры не имели выбора перед новой набирающей силу коалицией. Вполне вероятно, что они продолжали поставлять информацию де Божё и Карлу VIII.

Однако заметим, что в этой компании переметнувшихся не было Лескена. Не оказался ли он тем единственным человеком, чьи политические убеждения не пошатнулись сиюминутными личными интересами?

Впрочем, маленькая Анна была довольна – ее любимая гувернантка оставалась рядом, доказав преданность и герцогу, и Бретани, и самой девочке.

Однако наследница немного беспокоилась по поводу скорого брака с Максимилианом – о чем, несомненно, напоминал ей отец. Своими действиями во Фландрии с 16 марта 1487 года король римлян подтвердил серьезность намерений и верность договору с Франциском. А развязывание военного конфликта на севере Франции послужило началом к восстанию бретонской лиги.

Получив уверенность в столь сильной поддержке, Франциск II

наконец ответил на послание, полученное от французского правительства еще в декабре прошлого года. 6 января 1487 года он демонстративно проигнорировал все приказы четы де Божё, объявив о свободе и независимости своих земель. Более того, герцог позволил себе заявить о начале войны. Ведь военная защита была обеспечена его землям со стороны Дюнуа, чьи владения в Пуату протянулись от Туара (Thouars) до Партене (Parthenay). Повод для этого? Конечно же, угроза со стороны французского короля лишить Анну и Изабо их законного наследства…

Маршал де Рьё опять переметнулся на французскую сторону (или он не уходил оттуда?), сманив за собой и Франсуа д'Авогура (того самого, что первым клялся в верности своей сводной сестре), герцога де Рогана, графа де Лаваль.

Кто же в конце концов остался верен Франциску II? Луи Орлеанский, Оранский, Лескен, а также Дюнуа, новый протеже Нантского двора. Влиятельные французские дворяне были готовы скрестить оружие с Карлом VIII. Наконец была достигнута определенность в союзниках и врагах, прежние разногласия были забыты, старые обиды прощены.

Прибытие Луи Орлеанского в январе 1487 года чрезвычайно заинтриговало население. Чего может хотеть столь знатный господин, первый в линии наследования французского престола? Не является ли он шпионом короля Карла? Воображение разгулялось, языки развязались: он приехал за Анной, он хочет жениться на наследнице! Чтобы не раздражать Максимилиана, которому маленькая принцесса уже была обещана, чтобы не пошатнуть едва установившееся согласие в стане союзников, 27 января Луи Орлеанский сделал официальное заявление: нет, он не собирается породниться с Домом Монфоров, нет, он не хочет жениться на Анне. Причина его присутствия – война!

Карл VIII проявил большую активность по отношению к Бретани, подстрекаемый сестрой и зятем, имевшими виды на герцогство. 9 февраля король покинул Тур, отправившись на юго-запад своей страны, удаляясь от бретонских границ. 17 февраля он был в Пуатье, 7 марта – в Бордо. Через неделю он покинул и этот город, устремившись по направлению к Партене, владению Дюнуа, одному из защитных оплотов Бретани. Из Нанта Франциск, раздраженный и бессильный, наблюдал за победами своего врага, приближавшегося теперь к Бретани с южной стороны. В стане бретонских сообщников не было единства, герцога окружали многочисленные советчики, что слова часто противоречили друг другу. Его сын, Франсуа д'Авогур, и маршал де Рьё настойчиво советовали герцогу не сопротивляться.

Очевидно, что Анна была подле отца, но что могла знать десятилетняя девочка о военном искусстве? Чем она могла поддержать герцога, кроме своей любви к нему? Армия бретонцев была слишком слаба. 1 апреля Франциск II объявил о всеобщей мобилизации страны – и получил полный провал этой акции: конфронтация внутри правящей верхушки помешала этому проекту. Стало ясно, что нет возможности собрать достаточное количество людей. Чтобы избежать непоправимого – вторжения – Франциск отправил к королю прошение о мире. Лучше договориться сейчас, на относительно приемлемых условиях, пока французы смогли одолеть лишь союзников на юго-западе.

Прибытие послания из Бретани вызывало радость у четы де Божё, особенно у принцессы Анны, пребывавшей в эйфории от своей победы над герцогством. Она даже переименовывала завоеванную провинцию в графство Нантское, словно де Монфоры уже действительно были сброшены с политической арены. В этой войне нужно идти до конца!

«Безумная война» – вот как позднее назовут это противостояние историки. Безумная – потому что сил явно было недостаточно ни для ее развязывания, ни для продолжения при отстутствии компетентных военачальников и сплоченности внутри партии.

Чтобы поднять свои шансы на победу, Бретани нужны были люди, большое количество людей… В 1487 году, несмотря на то, что начальный бюджет составлял 1 850 000 ливров, ввели два дополнительных налога, чтобы собрать еще 815 000 ливров.

Напрасный труд! В мае армия Карла VIII под командованием де ла Тремуйя (de la Trémoille) и группы бретонских дворян-перебежчиков пересекла границу герцогства. 9 мая герцог воззвал к своим бывшим подданным, надеясь вернуть их. Безрезультатно.

К тому же в самой бретонской армии всё чаще и чаще происходили случаи дезертирства. Королевские войска осадили Плоэрмель (Ploërmel), стремясь разделить Бретань пополам и изолировать столицу. Франциск собрал силы в соседнем Малеструа (Malestroit), но когда был отдан приказ выступать на Плоэрмель, из войск дезертировало большое количество офицеров и солдат. За короткий промежуток численность армии, изначально состоявшей из 16 000 человек и 600 копий, сократилась до 4000 пехотинцев.

Беда никогда не приходит одна: в июне сдался осаждённый Ван. 15 числа этого же месяца началась осада Нанта, столицы герцогства. По городу и замку били пушки, среди населения началась паника, вызвавшая массовое бегство. Анна и ее отец нашли убежище в доме зятя Ланде – и очень вовремя: одно из

пушечных ядер угодило в спальню герцога.

Единственным выходом из этой ситуации были лишь военные союзы с противниками Франции. На кого мог рассчитывать герцог Бретонский? Максимилиан был слишком далеко, слишком занят собственными проблемами, чтобы суметь прийти на помощь бретонцам. От него не было никакой пользы!

И графиня де Лаваль предложила нового союзника: раз король Римлян не способен вмешаться, почему бы не обратиться к Аллену д'Альбре? Это влиятельный господин владел на юго-западе графством Фуа (Foix) и управлял Беарном (Béarn) и Наваррой (Navarre). Он с легкостью мог бы снять французскую осаду со столицы Бретани.

Чтобы заручиться его поддержкой, достаточно пообещать брак с наследницей – д'Альбре, увлеченный идеей расширения своих владений, не откажется от такого предложения. Да, в свои сорок с хвостиком он уже имел семерых законных детей и бесчисленное количество бастардов. Да, он был толст, имел красное лицо, усыпанное угрями, обладал громоподобным голосом. Да, молоденькой девушке такой муж вряд ли придётся по вкусу. Но это не имело значения, коль скоро он мог предложить военную силу. Кроме того, всем известно, что французы не жалуют д'Альбре, значит, в его верности Бретани можно будет не сомневаться.

Очевидно, что выходя замуж за д'Альбре, Анна принесла бы себя в жертву в угоду интересам государства. Но что поделать? Судьба великих не отличается гуманностью.

Мадам де Лаваль сумела уговорить и Франциска II, который успел забыть её интриги с де Божё, и влиятельное окружение герцога. За этот план выступили Оранский, Дюнуа, Лескен. Один лишь Луи Орлеанский был против – по понятным причинам. Но это не имело значения. Отныне Максимилиан был забыт. Настоятельная необходимость в немедленной военной помощи принесла в жертву маленькую принцессу.

Франсуаза де Динан, графиня де Лаваль, была полностью удовлетворена: помогая своему господину, она восстанавливала свою репутацию в его глазах, подорванную последними событиями. К тому же можно было соединить политические маневры с личными интересами. Ведь Ален д'Альбре был ее сводным братом: мать Франсуазы Катрин де Роган (Catherine de Rohan) вышла замуж вторым браком за гасконца Жана д'Альбре (Jean d'Albret), отца Алена. В случае успеха предложенного проекта семья мадам де Лаваль извлекала и милость, и славу как от Франциска II, так и от герцогини Бретонской в будущем.

Д'Альбре пришел в восторг от предложения сводной сестры и

поспешил на помощь Бретани. Но – увы! – был остановлен в Нонтроне (Nontron) войсками Карла VIII.

Оставался Генрих Тюдор. Однако новый король Англии был очень осторожен и не спешил откликнуться на призыв о помощи, присланный ему из Арморики. Он хорошо знал эту провинцию, прожив там более десятка лет, когда был изгнан из родной страны. Однако именно французский двор снабдил его людьми и средствами, чтобы помочь завоевать английский престол, и Анна де Божё неустанно напоминала об этом Генриху. Тюдор предпочёл не вмешиваться в «семейные» распри.

Максимилиан? Герцог продолжал думать о нём, несмотря на новые проекты. И сам австрийский император, невзирая на неустойчивость в обещаниях своего союзника, сдержал слово: в июле полторы тысячи солдат под командованием бастарда Бодуэна Бургундского (Baudouin de Bourgogne) высадились в Сен-Мало.

Король римлян прислал подкрепление! Дюнуа спешно поднял свои войска, чтобы объединиться с силами австрийца – и вот уже численность армии достигла 10 000 человек. Войска пересекли французские границы и вскоре вошли в Нант, чего никак не ожидали их противники. После шести месяцев отчаяния в сердцах бретонцев возродилась надежда. Тем более, что французы были вынуждены снять осаду столицы (6 августа) и отступить к Витре, которым Карл VIII овладел 17 сентября.

Радость той победы короля и четы де Божё разделяли мятежные сеньоры из Ансени, Шатобриана, Дола, Сент-Обен-дю-Корьме, Ланьона, Трегье, Вана, Оре…

Обессиленный финансовыми и военными потерями, Франциск II предпринял собственные меры по привлечению Максимилиана. Теперь это были уже не просто обещания – 23 сентября герцог Бретонский торжественно согласился на брак Анны с королем Римлян, а Изабо – с эрцгерцогом Филиппом ле Бо. Взамен он просил лишь одного – немедленного выступления австрийца в Бретань. А сразу по прибытии будут отпразднованы две свадьбы.

Что могла думать Анна о тех обещаниях, которые, в четыре года соединили ее с принцем Уэльским, в девять лет – с Максимилианом, в десять – с Аленом д'Альбре, а потом опять с Максимилианом? Конечно, она безропотно соглашалась с желанием своего отца и его окружения, принуждавшим ее связать свою жизнь с чужаком, иностранцем, которого она совсем не знала. К десяти годам девочка была самой лучшей разменной монетой для обеспечения безопасности своей страны.

Однако не только политические интересы делали Анну

«самой желанной невестой Европы». Слава о красоте юной бретонки, о ее блестящем образовании разнеслась далеко за пределы герцогства. В то время, когда из Италии только-только проникали вкус к изяществу и утонченности, эта принцесса была олицетворением будущего блеска…

В ожидании прибытия австрийского императора, бретонцы приступили к очередному дипломатическому маневру: 10 декабря произошла встреча с королем Карлом VIII в нормандском городке Пон-де-л'Арш (Pont-de-l'Arche). Лескен изложил некие предложения, расцененные как «дерзкие и безосновательные», однако ничего непоправимого не случилось.

Наоборот! Неожиданно маршал де Рьё, который со времён Ланде составлял оппозицию бретонскому двору, вдруг сплотился с Франциском II. Что вызвало столь крутой поворот у этого сеньора, остаётся неясным, но факт налицо: 28 декабря 1487 года маршал получил обратно все бретонские титулы и в звании генерал-лейтенанта поставлен во главе армии наряду с принцем Оранским. Возможно, современники маршала удивились.

Однако известно, что французская казна выписала маршалу 7000 ливров – вместо 12 000, получаемых три года назад. Возможно, это сокращение и вызвало приступ патриотизма у де Рьё…

Счесть это предательством? А нужно ли?.. В XV веке феодалы самых чистых кровей запросто продавались наиболее выгодному покупателю, воюя за разные армии с одинаковым пылом, не задавая лишних вопросов. Так что всё зависело от личных интересов, в первую очередь – финансовых. Подобные переходы совершили и Оранский, и мадам де Лаваль.

Итак, Рьё стал ярым бретонцем. Очевидно, что герцог Франциск сделал хорошее предложение в подходящий момент, гарантируя также безопасность. Или же Карл VIII не смог предложить что-то поинтереснее… Были забыты и выступления на стороне королевских войск, и роль в унизительных для герцога Бретонского договорах, к условиям которых де Рьё, несомненно, приложил руку. Вернувшись в Нант, маршал больше не был ни изменником, ни злодеем. Типичный персонаж для своей эпохи, преследовавший в первую очередь личные интересы.

В первой половине 1488 года дела для Бретани шли успешно. В апреле в герцогство прибыли 1000 испанцев под предводительством Фердинанда Арагонского, которых призвал Ален д'Альбре. Максимилиан, вопреки своей занятости во Фландрии, также пообещал военную поддержку. Даже Генрих VII Тюдор наконец закончил колебаться – и 5 июня отряд англичан прибыл в Ренн. Армия союзников была готова.

Фигуры расставлены на доске, однако главный вопрос еще не был решен: кому именно отдастся Бретань? Иначе говоря: за кого выйдет Анна? Три с половиной года уловок, обещаний, предварительных договоренностей подошли к завершению. Пришло время сделать окончательный выбор. Д'Альбре или Максимилиан? И вновь окружение Франциска II разделилось. Мадам де Лаваль поддерживала кандидатуру своего сводного брата. Герцог Орлеанский склонялся к королю Римлян, который обещал ему посредничество в процессе аннуляции брака с Жанной Хромоножкой…

Бретонский двор лихорадило от споров, в которых Анна служила главной ставкой. Однако случилось неожиданное. В свои одиннадцать лет, большую часть которых девочка провела в страхе за свою судьбу, неразрывно связанной с судьбой родины, Анна вмешалась в планы окружающих. Несмотря на желание отца, невзирая на аргументы гувернантки, наследница категорически отказалась от брачного союза с Аленом д'Альбре, один вид которого вызывал в ней ужас. Впервые Анна вышла из тени своего отца. При поддержке Луи Орлеанского – хотя, возможно, его участие в этом заявлении и приукрашено летописцами. Пока же первый принц крови лишь поддерживал политику маленькой девочки, не претендуя на ее руку и сердце. По его мнению (совпадающему с мнением Анны) союз с австрийским императором более предпочтителен, поскольку расстояние между немецкими землями и бретонским герцогством стало бы гарантией сохранения независимости последнего.

Увы! Все мечты рухнули 28 июня 1488 года, когда состоялась решающая битва при Сент-Обен-дю-Кормье (Saint-Aubin-du-Cormier), в семи лье от Ренна. Бретонская армия (под командованием маршала де Рьё, принца Оранского, д'Альбре и Луи Орлеанского) потерпела сокрушительное поражение от французских войск (под командованием де Ла Тремуйя). Франциск II потерял в этой схватке 6000 человек, половину своей армии, в то время как Карл VIII лишился всего лишь 1040 воинов.

Несогласие в рядах высших чинов Бретани оказалось роковым. Как они спорили в зале парламента, так они продолжили и на поле битвы. Результатом стало поражение Бретани, «Безумная война» оправдала своё название.

Ответственные за это поражение по-разному заплатили за свои ошибки. Алену д'Альбре и де Рьё удалось сбежать.Принц Оранский был отправлен на французскую территорию, в Анже, где его освистали в Анжевене (Angevins). Герцога Орлеанского арестовали, отправили сначала в Сабле (Sablé) , затем в Лузиньян (Lusignan), наконец в Бурж, где он оставался в заточении два года,

и единственный человек, который мог его посещать, была его жена Жанна Французская.

Что до Франциска II, то он, растерявший своих союзников и свои иллюзии, был вынужден просить мира у Карла VIII. Герцог отправил Дюнуа и Лескена в замок Верже (Verger), резиденцию маршала Жие (Gié) и Анжу, где король пребывал с 14 до 21 августа со своим Советом. Только 21 числа Карл согласился принять делегацию и подписал договор с весьма жесткими для герцога условиями. Во-первых, он отдает французской короне земли Сен-Мало, Динана, Фужера и Сент-Обен-дю-Кормье (король незамедлительно отправил туда свои войска). Во-вторых, – и это было особо подчеркнуто – герцог Бретонский обязуется не выдавать своих дочерей замуж без согласия французского короля.

Условия этого мира в Верже выявили очевидный факт: настоящей заботой Франции в тот момент был брак Анны Бретонской. Все – и сам Франциск в первую очередь – осознавали, что весьма скоро одиннадцатилетняя девочка станет герцогиней Бретани. Но вряд ли она сможет в столь юном возрасте управлять герцогством, пусть даже и с помощью советников.

Будущее герцогства зависело от Анны, однако в гораздо большей степени оно зависело от мужа, которого ей навяжут. Очевидно, что матримониальные проекты Франциска были известны чете де Божё (к этому времени – а точнее 1 апреля 1488 года, когда скончался коннетабль де Бурбон, – они уже обрели титул герцога и герцогини де Бурбон, под которым и остались в истории). Но прежде Анна де Божё ничего не могла противопоставить брачным планам бретонского герцога, несмотря на свои интриги. Победа на поле Сент-Обен-дю-Кормье изменила всё: победители могли диктовать свои условия. А они не желали ни Максимилиана, ни д'Альбре – никого из врагов Франции.

Чуть позже Карл VIII и Франциск II ещё раз подтвердили условия заключенного мира. Произошло это в Куэроне (Couëron), неподалеку от Нанта, где герцог оплакивал потерю независимости Бретани, а с ней – и крах дома Монфоров.

8 сентября, спустя меньше трех недель после заключения мира в Верже, Франциск составил завещание: маршал де Рьё назначался опекуном дочерей герцога. Ответственность за личную безопасность девочек должна была взять на себя вдовствующая графиня де Лаваль. Таким образом, заботу об Изабо и Анне должны были взять на себя предатель и интриганка. Увы, за неимением лучшего… Впрочем, де Рьё был знатным бретонским сеньором, опытным как в политике, так и в военном

деле. А мадам де Лаваль все эти годы блестяще выполняла функции гувернантки. Да и Лескен с Дюнуа оставались рядом – на случай возникновения сложностей. Больше ничего сделать Франциск не успел – 9 сентября 1488 года он скончался в возрасте 53 лет.

Анна должна была теперь стать герцогиней Бретонской. Но ее будущее, ее личная жизнь, как и судьба ее страны, теперь зависели исключительно от короля Франции.

Глава 3. Герцогиня в сабо становится королевой Франции (1488-1491)

Ланже. Бракосочетание Анны Бретонской и Карла VIII. Восковые фигуры в замке.

Однако между почестями вступления на трон и реалиями жизни была существенная разница. Трудности, несчастья, превратности судьбы предстали перед Анной. Если в течение многих лет главной заботой бретонского правительства был поиск мужа для наследницы, союз с которым ослабил бы французские тиски, то отныне герцогиня оказалась зависима от милости злейшего врага Бретани. Теперь Карл VIII будет искать ей супруга – и цель его совершенна противоположна.

Еще в начале 1486 года – то есть задолго до открытых проявлений враждебности – Анна де Божё размышляла на тему свадьбы своего царственного брата со старшей дочерью Франциска. В 1488 году этот союз представлялся прекрасным финалом затяжной битвы, изящным способом объединить великое герцогство с землями французской короны. Об этом же мечтал Людовик XI.

Но какими были намерения у самого Карла VIII? Известна

фраза, которую обронил в августе 1488 года, в разгар переговоров в Верже, король. Соглашаясь на брак Анны с бретонским дворянином, он добавил: «если она не примет меня самого». Это была просто форма вежливости. Однако и Карлу, и его сестре было необходимо более осторожно делать подобные заявления. Ведь по договору, заключенному в Аррасе (Arras) в 1482 году между Людовиком XI и Максимилианом, в невесты Карлу была назначена внучка Шарля ле Темерер, законная дочь императора Маргарита Австрийская. Опрометчивые слова Карла VIII вызвали гнев короля Римлян. Тому были две причины: во-первых, Анна Бретонская была уже обещана ему самому; во-вторых, высказывания французского короля унижали и дочь Максимилиана. С двухлетнего возраста Маргарита воспитывалась при французском дворе, проходя подготовку к своей будущей роли жены Карла VIII, и ее называли не иначе, как «маленькая королева».

Заявить о своих претензиях на руку Анны означало разжечь войну с австрийцем – на северо-востоке, едва завоевав мир на западных границах. Также это означало и недовольство бретонских претендентов, провоцируя их на новые альянсы против Франции, пусть и немыслимые ещё вчера.

Даже для соратников французского короля выбор между двумя невестами не был очевиден. Маргарита или Анна? Первая приносила в приданое (согласно договору в Аррасе) всё бургундское наследство своей матери – Артуа и Франш-Комте. Вторая давала гарантию на владение Бретанью плюс защиту от Англии. Какая же из партии более выгодна для Франции? Анна де Бурбон предпочла политику выжидания, решив, что плод созреет в свой срок.

Однако идея брака с бретонкой вовсе не была изобретением сестры короля. Задолго до смерти Франциска при дворе короля Людовика XI появился некий отшельник Франциск де Поль (François de Paule), которого набожный король пригласил с верой в целительные руки последнего. Доставшись в наследство сыну, экзальтированный монах возвестил Карлу VIII об идее брачного союза Франции и Бретани. Помимо церковников, эту же мысль высказывали и французские дворяне: 16 октября Луи де Лаваль Шатийон (Louis de Laval-Châtillon) сделал аналогичное предложение. Известно, что Франциск де Поль посещал бретонский двор еще при жизни герцога Бретонского. И что Анна тогда не согласилась с предложенным ее отцу проектом.

Да и как могло быть иначе? Французы – во главе с Карлом VIII – в течение четырех лет воевали с ее землями. С раннего детства она слышала речи, исполненные ненависти к врагам. И

вот сейчас они вторглись, ограбили и поработили ее страну. Только что был заключен договор в Верже, условия которого унижали ее, Анну Бретонскую. Он сделали ее своей заложницей, уничтожили свободу и независимость герцогства, растоптали ее гордость. Вот ее бедный отец, Франциск, он не стерпел. Да, воистину, этот мальчишка-король, рвущийся в ее мужья, – настоящий убийца ее отца! Он унизил, обесчестил его! В свои одиннадцать с половиной лет Анна полна гордости и стойкости. Как же могла она согласиться на этот брак? Как отказала Алену д'Альбре, так же она отказала и отвратительному королю Франции.

Карл VIII стремился преодолеть эту враждебность – ради земель Бретани, конечно. Бурбоны предложили использовать и военные, и политические средства, чтобы вынудить Анну на брак. Ведь это необходимо королевству…

И нельзя было терять время! Через несколько дней после смерти Франциска II, 18 сентября к бретонскому двору, находившемуся в Геранде из-за разразившейся в Нанте эпидемии, была отправлена делегация с четкими инструкциями: послы должны были донести до Анны Бретонской приказ французского короля не принимать официально титул герцоги.

Карл стремится помешать Анне вступить в отцовское наследство. Еще вчера от короля зависел только выбор мужа для нее – сегодня он уже отказывался признать ее права на престол Бретани. Иначе говоря, французский король возжелал лишить ее всего. А она – она не могла этого допустить!

Также послы короля напомнили Анне о договоре в Геранде от 1365 года – о передаче прав на Бретань дома Блуа-Пентьевр королю Франции. Итак, она – всего лишь заложница.

Тут выяснилось, что не только Карл VIII претендует на титул герцога Бретонского. Герцог де Роган, пользуясь неразберихой, заявил о своих собственных правах на эту корону, ссылаясь на права собственной жены – дочери предыдущего герцога Франциска I. Он настолько был уверен в своей победе, что 20 сентября прибыл в Генгам (Guingamp), где собирался провести церемонию собственной коронации. Только молниеносная реакция маршала де Рьё помешала Рогану воплотить этот проект в жизнь.

Карл VIII увидел в Рогане прекрасного союзника – и меньше чем через две недели для дома Роганов открывается французская казна. В 1488 году члены его семьи получили следующие суммы: Жан – 8600 ливров, Пьер – 4000 ливров, Луи – 1200 ливров, Франциск – 1200 ливров. Официальная награда за службу королю. Однако, ни Карл, ни его сестра не питали иллюзий по

поводу верности де Рогана.

Немедленным ответом Анны на эти поползновения де Рогана стала торжественная церемония ее коронации 10 февраля 1489 года. Этим наследница подчеркнула свои права на бретонскую корону.

Одновременно продолжались и другие интриги – хотя, казалось бы, война уже завершена, и мир подписан. Но поскольку Анна сопротивлялась, Карл VIII решил использовать и другие методы убеждения. С 12 сентября 1488 года французские войска во главе с де Ла Тремуйем по-прежнему находились в полной боевой готовности. В ноябре армия прибыла в Лаваль.

«Претендент» Жан де Роган вступил под флагом короля в Бретань, делая за Карла то, что тот не решался сделать сам. В декабре виконт де Роган и его брат Пьер, сеньор де Кинтен (Quintin), в союзе с французскими войсками начали военное наступление. Цель их была проста: завоевать Нижнюю Бретань. Жан де Роган направился в Генгам, стратегически важную точку на западе Сен-Брие. Город сдался в январе 1489, и – как обычно после осады – был разграблен. Дорога для королевской армии была открыта.

Успехи Роганов продолжались. После взятия Конкарно (Concarneau) он стал хозяином Бреста, где находилась значительная часть герцогского флота. Уже половина Бретани находилась в его руках. Может быть, завтра он завоюет ее всю? Да, это была самая большая мечта Рогана. Успех вскружил ему голову настолько, что он позволил себе отправить письмо к маршалу де Рьё и канцлеру Филиппу де Монтобану с предложением женить своих сыновей на Анне и Изабо. А для себя самого он планировал корону герцогства – ведь он же являлся наследником мужского пола!

Однако Карл VIII резко остудил пыл зарвавшегося «союзника», отказавшись поддержать его, в том числе и финансово. Анна избавилась от очередного жениха, однако враг по-прежнему стоял у ворот. Она не могла продолжать войну ради войны.

В конце февраля 1489 года герцогиня отправила королю претензии по поводу несоблюдения пунктов мирного договора в Верже. На что Карл ответил, что и она совсем не уважает данные соглашения – разве не она получила военные силы испанцев и 500 английских лучников?

Поскольку Анна не имела никакого желания присоединиться ко двору Франции, она, как прежде ее отец, искала союзников, способных осуществить военную поддержку. В течение зимы 1488-89 года герцогиня и ее генеральный штаб провели несколько

успешных дипломатических операций. Им удалось склонить на свою сторону вечно колеблющегося Генриха VII. Английского короля беспокоило присутствие французов столь близко от берегов его страны, и он предпочитал иметь в соседях бретонцев, а не многовековых соперников.

10 февраля, в день коронации Анны, в Ренне было наконец подписано англо-бретонское соглашение, по которому Генрих обязался ввести в герцогство 6000 солдат на период с середины февраля до Дня Всех Святых. Однако нельзя отказать королю Англии в практичности: в обмен на свои военные услуги он потребовал оплаты себе лично и содержание армии на указанный период.

Это соглашение немедленно привело в движение и другие европейские страны, создавая новую коалицию против Франции. 14 февраля в Дордрехте (Dordrecht) были подписаны австро-испанские и австро-английские пакты. 27 марта в Медина-дель-Кампо (Medina del Campo) союз дополнился англо-испанским пактом. Так Англия, Испания и Австрия договорились о взаимном союзе в ожесточенной борьбе Бретани. Ситуация казалась благоприятной для Анны Бретонской. Но насколько надежны были эти соглашения?

Несмотря на условия договора в Верже – по которому, напомним, Анна не могла выйти замуж без королевского одобрения, и который явно исключал из списка женихов и Максимилиана, и д'Альбре, – последний вернулся к идее брачного союза с герцогиней.

Очевидно, что маленькая герцогиня ответила категорическим отказом – как и прежде. За прошедшие годы ее поклонник не стал привлекательнее ни физически, ни морально, поэтому неприязнь к его кандидатуре не могла уменьшиться. И ныне она уже являлась сама себе хозяйкой, и могла распоряжаться собственным будущим.

Вновь мнения окружавших Анну разделились. Графиня де Лаваль, как обычно искавшей выгоду себе и своей семье, настаивала на кандидатуре брата. Маршал де Рьё поддерживал гувернантку, правда, по другим причинам, более практическим: военная и политическая ситуация момента требовала союза с д'Альбре. Анну поддерживали Дюнуа и канцлер Монтобан.

Ален д'Альбре тем временем отправил делегацию в Рим, чтобы получить согласие Папы на брак с родственницей. Таким образом, его предложение стало официальным и публичным. Анне ничего не оставалось, как предпринять ответные публичные действия: она высказала и даже нотариально заверила свой категорический отказ. В заявлении герцогиня объяснила и то,

почему раньше она не была столь откровенна в своих желаниях: ее сдерживала любовь и уважение к отцу. Канцлер Монтобан посоветовал Анне обязать де Рьё и д'Альбре подписать отказ от брачных планов. После тяжелого разговора, полного оскорблений в сторону канцлера (вплоть до угроз), декларация была подписана. Анна выиграла. Но это означало разрыв с прежними союзниками.

Вместе с Дюнуа и Монтобаном Анна уехала в Редон, в то время как Рьё и сир д'Альбре, полные злобы, остались в Нанте. Французская армия тут же воспользовалась моментом и подступила к городу, где была герцогиня, с явным намерением захватить ее. Пришлось спешно выбирать меньшее из двух зол – и Анна отправилась обратно в Нант.

Отвергнутые соратники герцогини обрадовались этой новости: под предлогом эскорта они направили к Анне вооруженный отряд, имея целью захватить девочку и привезти к д'Альбре для церемонии бракосочетания.

Однако де Рьё так и не решился на открытую схватку со свитой Анны, понимая, что этот шаг не вызовет положительной реакции у населения. К тому же он вовсе не был уверен, что солдаты выполнят такой приказ. Так что кампания ограничилась захватом нескольких заложников из свиты – на всякий случай.

А Анна колебалась на протяжении всего пути. Въезжать в столицу? Ее приезд, несомненно, вызовет взрыв энтузиазма у населения, укрепит ее позиции. Однако не было уверенности в том, что в столице де Рьё не решится всё-таки захватить свою правительницу. А если не въезжать в Нант? Не будет ли это выглядеть поражением, признанием силы своего заместителя и своей собственной слабости? Герцогиня не может уступить – это дискредитирует ее в глазах подданных.

В конце концов, следуя совету Монтобана, она приняла решение временно остановиться в пригороде Нанта, отправив к Рьё делегацию с вопросом – может ли герцогиня войти в город своих предков со всеми подобающими почестями. Рьё дал тревожный в своем подтексте ответ: да, разумеется – но без шума и помпы, через боковую дверь, в окружении исключительно узкого круга слуг, в который не входят ни Дюнуа, ни Монтобан. Анне (и ее советником) дали понять, кто на самом деле является хозяином положения. Дальнейшие планы Рьё просчитать было нетрудно: демонстрация силы, устранение соперников, возвращение к проекту брака с Аленом д'Альбре…

Анна приняла трудное решение: она не войдет в город на таких условиях. Единственный возможный вариант – это торжественной вступление в столицу полноправной

правительницей. Поэтому она осталась в пригороде Нанта, ожидая уговоров и улещивания. Две недели минуло – но ожидаемой реакции не последовало. Рьё запретил дворянам предпринять те шаги, которых ждала маленькая Анна.

Пойдет ли он дальше? Повторит ли он попытку захватить ребенка? Нет. По тем же причинам, что и раньше – из страха, что подданные откажутся исполнить этот приказ – Рьё не посмел. Филипп де Монтобан от имени маленькой герцогини заявил, что она в любом случае не согласится на брак с д'Альбре.

Это заявление, высказанное столь категорично маленькой девочкой, взбесило Рье и вселило неуверенность: как можно хорошо управлять, если его подопечная отказывается от столь подходящей партии – да и от любых предлагаемых им партий? Анна стала упрямой и решительной и очень отличалась от своего отца, вечно увиливавшего и сомневавшегося – что и привело в конечном итоге к поражению. А вот она прекрасно знала, чего хочет! Отказавшись от роли заложницы собственного опекуна, герцогиня покинула нантский пригород и отправилась в Редон.

… Однако этот городок не слишком подходил для защиты главы герцогства. Анна нуждалась в надежном приюте, крепких стенах, верных людях. И в феврале 1489 года жители Ренна с ликованием встретили свою герцогиню. Этот хорошо укрепленный город мог дать ту надежность, в которой отказал Нант.

В то время как великие европейские государства объединились против Франции, чтобы помочь Бретани, сама Бретань раскололась. Теперь в ней было две столицы, два правительства, два лагеря. В Нанте сидел Рьё, отстаивавший свою политику. Его группу поддержки составляли Лескен, негодующий д'Альбре и графиня де Лаваль, интриганка. В Ренне Анну Бретонскую поддерживали преданный канцлер Филипп де Монтобан и Дюнуа, друг герцога Орлеанского. Это была гражданская война.

А двор Франции ликовал. И увеличивал напряжение между партиями, отдавая предпочтение Реннской коалиции. А ведь д'Альбре рассчитывал на Карла VIII, надеясь на финансовые вливания. Однако у короля Франции и четы де Бурбон были свои заботы: наступление виконта де Рогана на Нижнюю Бретань прошло успешно, Верхняя Бретань разрывалась между двумя партии – это хорошо; однако коалиция европейских стран, созданная по просьбе Анны, являлась серьезной угрозой.

В марте и апреле 1489 года Максимилиан Габсбургский прислал войска в Бретань, Фердинанд Арагонский выделил 2000

человек – армии отправились в Ренн для защиты интересов герцогини. К сожалению, на большее Анна не могла рассчитывать – оба ее союзника были заняты и своими собственными войнами. Испания воевала с мусульманами за освобождение Андалусии, а Максимилиан разбирался с новыми конфликтами во Фландрии, плюс на востоке его беспокоил король Венгрии.

Анне Бретонской пришлось довольствоваться полученным. Однако и эту небольшую армию она была обязана содержать. Особенно щепетильны в вопросах своевременной оплаты были немцы. Исчерпав имевшиеся запасы, будучи не в состоянии взять откуда-то новые средства, герцогиня была вынуждена продать часть своих личных вещей.

В это же время английские войска высадились в Бретани. Однако они направились не в Ренн – Генрих VII решил поддержать партию Рьё. Именно в маршале он видел человека, способного управлять герцогством, чьи военные таланты могли бы помочь королю Англии вернуть наконец потерянную Гиень.

Тюдор был стратегом и для достижения своих целей он выбрал опытных военных – маршала де Рьё и Алена д'Альбре. Ибо чем могла ему помочь двенадцатилетняя девочка вкупе со своими политически подкованными, но не разбирающимися в военном деле советниками?

Карл VIII и чета де Бурбон внимательно следили за развитием событий в Бретани, гражданская война в которой не могла не разгораться в ситуации, когда внешние союзники поддержали разные партии.

Каждая сторона интриговала. По совету де Рьё англичане попросили встречи с Анной Бретонской. Герцогиня ответила, что лично присутствовать на аудиенции не будет, а отправит вместо себя Дюнуа и Монтобана. Поскольку главной целью маршала де Рьё оставался захват правительницы, то встреча с ее советниками не представляла интереса – и проект контакта противоборствующих партий провалился.

Одновременно с мая по октябрь 1489 года Рьё и его соратники приступили к военным действиями в Нижней Бретани, стремясь освободить ее от французов.

Все эти военные действия – как со стороны бретонцев, так и со стороны французов – не могли не уничтожить земли, по которым проходили солдаты. Они третировали местных жителей, вымогая у них еду, одежду, не говоря уж о сбережениях. Войска грабили земли, сжигали дома, травили колодцы, оставляя после себя изнасилованных женщин, искалеченных мужчин, медленно, но верно превращая Бретань в филиал ада.

Произошло неизбежное. Летом 1489 года по герцогству

прокатились восстания крестьян. Жители черных гор Корнуайя (Cornouaille) объединились в целую армию под командованием некоего Жана д'Ансьен (Jean d'Ancien). И эта армия прямиком отправилась к… французскому королю, в надежде, что тот усмирит заигравшихся в войну сеньоров. На некоторое время Нант и Ренн перестали грызться, чтобы остановить эту угрозу. За крестьянской армией были посланы испанские войска, которые эффективно устранили мятеж, устроив настоящую резню.

Если простые бретонцы столкнулись с нуждой, то и положение как Нанта, так и Ренна было не лучше. Обоим правительствам были нужны деньги, в первую очередь на оплату военных услуг. Рьё, стремясь сохранить лицо в условиях нищеты, отдал приказ расплавить блюда, хранившиеся в замке герцогов. Узнав об этом, Анна, скорее из мести, чем из насущной необходимости финансов, приказала сделать то же самое с посудой маршала – в Ренне были вычеканены деньги. Впрочем, этого оказалось недостаточно – и Анна пожертвовала своей золотой и серебряной посудой, а также украшениями, начав продавать собственность Короны.

Иначе говоря, вся Бретань была в разной степени нищеты, вызванной сначала Безумной войной, а потом и гражданской.

Однако, несмотря на все беды, похоже, судьба начинала быть благосклонной к герцогине. Несомненным был ее дипломатический успех – ведь крупнейшие дворы Европы встали на ее сторону, прислав войска в Бретань. Даже англичане в конце концов пришли в Ренн: нантский лагерь маршала де Рьё не оправдал надежд Генриха VII.

Анна одержала победу и в гражданской войне. Оставленный союзниками, Рьё решил отказаться от своих амбиций и перейти на сторону законной герцогини. Не без оплаты своих услуг, разумеется, но всё же прийти ей на помощь. Рьё обставил своё возвращение не как смиренное поражение, а как приход равного по силе, но мудрого политика. Немного беспринципно, конечно…

Анна не была удивлена ни поведением англичан, ни решением Рьё. Она прекрасно знала обычаи своего времени и о привычках союзников менять свои цели еще со времен Франциска II. Даже если герцогине и были не по душе эти методы, она должна была молчать. Главное – интересы герцогства. И ее собственные.

Однако в октябре 1489 года эти переговоры двух дворов остались без ощутимого результата. Новый 1490 год принес изменения в расстановку сил. Лескен покинул партию Рьё и д'Альбре, присоединившись к Анне Бретонской в Ренне. Насмешка судьбы – в апреле Лескен умер, после тридцати лет

разнообразных интриг, почти поймав свою удачу…

Остальные участники Нантской партии настаивали на своих условиях присоединения к герцогине. Рьё, официальный регент, графиня де Лаваль, ответственная за охрану Анны, Ален д'Альбре, вечно отвергнутый жених – все они жаждали возвращения с подобающим их титулам блеском. В чем-то они были правы – в глазах общественности, особенно, в глазах Карла VIII и четы де Бурбон, необходимо было помпезное воссоединение бывших противников.

И было решено собрать заседание Штатов – 4 июля, в Ванне, – чтобы ознаменовать окончание двухлетней гражданской войны. Попутно требовалось ввести новые налоги – в дополнение уже собираемым, что доказывало решимость герцогини Бретонской продолжить борьбу за независимость герцогства.

Однако главным вопросом повестки дня было, конечно, воссоединение противоборствующих партий. Маршал де Рьё предстал перед ассамблеей честным человеком, уверенным в себе. Речь его была исполнена достоинства и гордости. Разве не его назначил на главную военную должность страны сам Франциск II? Разве плохо он выполнял свои функции? Да, он признаёт некоторые свои ошибки и согласен передать все свои полномочия Генеральным Штатам Бретани… Блестящий манёвр (принесший маршалу 1000 экю золотом)! Анна одобрила и подписала эти решения, торжественно приняв руку помощи бывшего противника. Заодно она простила и остальных участников нантской коалиции, подтвердив свои добрые намерения некоторыми финансовыми вливаниями в их кошельки. Все эти решения были запротоколированы 9 августа 1490 года.

По отношению к Франсуазе де Динан, которая уже много лет интриговала против своей воспитанницы, условия ее возвращения были и вовсе королевскими: 100 000 экю золотом. Анна и ее советники не питали иллюзии по поводу искренности своих бывших союзников, а банально перекупили их преданность у короля Франции. Если Карл VIII назначил Рьё и графине де Лаваль по 10 000 лье ежегодных выплат, то Анна предложила им по 15 000….

Оставался Ален д'Альбре. Он оставил – по понятным причинам – свои претензии на руку герцогини. Однако – видимо, в качестве компенсации – ему была обещана Изабо. Точнее – его сыну Габриэлю, сеньору д'Авесне (Gabriel d'Avesnes). Брак действительно был заключен, но продлился всего несколько недель – Изабо скончалась от пневмонии вскоре после медового месяца.

Печальный опыт показал, что из своих зарубежных партнеров

по-настоящему Анна может положиться только на Максимилиана. Чтобы подбодрить своего 50-летнего поклонника, герцогиня выделила ему 100 000 экю.

Вот так закончилась гражданская война, в пользу Анны и бретонской партии. А поскольку эта война позволила французской армии значительно продвинуться по землям герцогства, мир и единство внутри страны были жизненно необходимы. Этим и объясняется необычайная щедрость правительницы – щедрость, обошедшаяся в четыре годовых бюджета Бретани.

Однако теперь герцогиня надеялась получить силу для борьбы с Анной Французской. Или хотя бы заключить с ней мир, условия которого смогут стереть из памяти унизительное поражение герцога Бретонского.

И момент был благоприятным. Все трения с зарубежными союзниками к этому времени были улажены, каждый имел свой интерес к войне (Англии нужна была Гиень и деньги, Испания жаждала противоборства с Францией на юге, Максимилиану нужно было развязать второй фронт в его войне с фламандцами) – и каждый союзник выставлял перед собой благородную цель защиты Бретани.

Король Франции мог искать помощи у других европейских стран, поэтому было совершенно необходимо было остановить его наступление на запад.

Для Максимилиана 1490 год закончился грандиозным успехом: во Фландрии, непокорные жители Брюгге были вынуждены просить его о мире, условия которого были крайне жестоки по отношению к побежденным. На востоке своей империи Максимилиан отвоевал Нижнюю Австрию и захватил половину Венгрии, отняв ее у Ладислава Ягеллона.

Военно-политические успехи императора подкреплялись и удачно складывавшейся личной жизнью. Еще 20 марта того же года Максимилиан отправил ко двору герцогини Бретонской маршала Вольфганга де Полхейм (Wolfgang de Polheim) в сопровождении двух сановников с официальным предложением руки и сердца Анне. Очевидно, что предложение было принято, так как Полхейм и двое его компаньонов больше года жили в Ренне, согласуя детали проекта и делая необходимые приготовления.

Очевидно, что герцогиня завоевала уважение в глазах своего жениха. Она смогла вернуть мятежных союзников в свой лагерь – неважно, во сколько ей это обошлось! – но этот политический успех теоретически уравнивал ее с многоопытным королем Римлян. Вчерашняя «герцогиня в сабо», погруженная в нищету и

хаос гражданской войны, смогла подняться, утихомирить волны и оправдать свое наследное имя. Максимилиан Австрийский уже готов был рассмотреть ее в качестве важного союзника, равного по силе и достойного доверия. Даже если французы будут угрожать.

Анна и ее советники, окруженные ореолом славы от своих дипломатических успехов, теперь довольны ещё больше. Ведь брак с Максимилианом – это больше, чем политический альянс. Это союз крови, обещание эффективной защиты, военной помощи. Да, да и ещё раз да – отвечает Бретань на предложение Австрии.

Что могла думать сама Анна об этом браке? Эрцгерцог Австрийский, первым браком женатый на Марии Бургундской, дочери Шарля ле Темерер, стал королем Германии в 1486 году. Несомненно, он станет императором Священной Римской империи после смерти своего отца Фредерика III. Он был отцом «маленькой королевы» Франции, Маргариты Австрийской. И он сделал предложение ей, маленькой Анне!

Королева! Королева Римлян, почти императрица! Анна всегда была амбициозна – и для себя, и для своей страны. Без труда можно представить себе грезы 13-летней девочки, подростка, чья жизнь до сих пор была полна неуверенности, бедствий. Ведь королю чуть больше 30 лет, говорят, он галантен и красив…

… Было необходимо созвать Генеральные Штаты Бретани, чтобы проинформировать дворянство о предстоящем браке и получить их согласие на этот союз. В декабре 1490 года Штаты собираются – а 16 декабря, как по волшебству, к ним присоединяются маршал де Рьё и графиня де Лаваль, чтобы принести свои уверения в верности герцогине.

На что же действительно надеялось бретонское правительство? Чего оно ожидало от этого союза с германцем? Беглый взгляд на условия брачного контракта дает ответ. Всего их было три. Во-первых, Максимилиан не получит никаких прав на земли супруги. Во-вторых, Бретань останется свободной и автономной. В-третьих, старший ребенок супругов будет наследовать отцу, следующий – матери. Иными словами: этот брак – союз двух людей, но не объединение двух стран. Важный факт, хотя некоторые историки и вспомнили об этом браке после немецкого вторжения во Францию в 1870 году, а потом и во время Второй мировой войны, чтобы заявить о присоединении Бретани к Германии еще с XV века. Ничего подобного. Анна, конечно, хотела этого союза, но гораздо сильнее ее интересовала возможность вывернуться из французского захвата. Она хотела гарантировать бретонскую независимость – и приняла помощь и

поддержку от иностранца. Император далеко, он отделен от Бретани землями врагов – и он менее опасен для герцогства, чем соседняя Франция. Решительно, выгода была большой, а риск минимальным…

В декабре 1490 года Анна вышла замуж за короля… Поскольку Максимилиан был занят своими фламандскими и венгерскими войнами, он отправил маршала Полхейма выступить в качестве представителя жениха.

И чудесная мечта стала реальностью… Странным способом… Вместо того, чтобы совершить обряд по французским законом, союз был скреплен немецкой церемонией. Почти 14-летняя Анна легла в брачную постель, а Полхейм, в присутствии всего двора Ренна, обнажил ногу и засунул ее под простыни брачной постели, имитируя супружеское соединение тел. На этом маршал остановился. В глазах общественности, мужчина побывал в постели герцогини Бретонской… Нет сомнения, Анна вышла замуж. Символически.

Не все приняли этот брак. Например, англичане вообще считали, что ничего не случилось. Так, пародия на свадьбу. Обычная для Европы и Востока практика заочного брака казалась им эксцентричной, варварской, не имеющей смысла. Королевская свадьба должна совершаться в присутствии и жениха, и невесты. Король должен лично выразить свое согласие на брак с Анной. А вместо этого – церемония, лишенная какой-либо реальной сути.

Кроме того, упорно ходили слухи о том, что Полхейм был «миньоном короля Римлян», его любовником. И Максимилиан отправил гомосексуалиста быть своим заместителем в брачной постели жены…

Несмотря на эти тайные усмешки, бретонское правительство праздновало на широкую ногу: Анна, нравится ли это кому-то или нет, стала королевой Римлян. Она получила гарантию своего будущего и будущего своего герцогства, ведь австрийский супруг явно стремился – доказывая это в том числе и военной помощью – признать этот брак и послужить опорой своей жене. Всем было ясно, что Бретань вскоре освободится от ига Франции.

В конце декабря и первые недели января в Ренне только и делали, что устраивали праздники. Гремели салюты, банкеты следовали за банкетами – пир во время чумы. Вином и танцами отмечали и дворяне, и простолюдины воссоединение Бретани, действие, предшествующее следующему грандиозному событию: независимости!

Все это было слишком беззаботно! Договор в Верже от 1488 года ясно формулировал мысль: никакой брак Анны Бретонской не может быть заключен без согласия короля Франции. Очевидно,

что с Карлом VIII никто не советовался – он бы никогда не согласился на столь опасный для страны союз Бретани и Германии. Недовольные поворотом событий поспешили донести до французского двора горячую новость. Более всего возмущался Ален д'Альбре. Во-первых, его самого сбросили с брачных счетов – и это после стольких лет обещаний! Во-вторых, союз его сына сеньора д'Авесне с Изабо не принес желанных дивидендов из-за смерти девушки. Д'Альбре почувствовал себя униженным, растоптанным, преданным. И принял решение броситься в объятия того, с кем в течение долгих лет так страстно боролся. Конечно, примирение с Карлом VIII не могло произойти в один день. Но у французского короля были дальновидные советники. Пьер де Бурбон, зять и попечитель короля, имел большое влияние на него. Даже сейчас, когда Карлу было уже 20 лет, Пьер мог вложить свои мысли в его голову. Ален д'Альбре, униженный и оскорбленный, просит о милосердии? Что ж, пожалеем его, это ведь ценный союзник. Альянс с ним, несомненно, принесет плоды.

2 января 1491 года в Мулен (Moulins) был заключен союз между королями Франции и Наварры. И Алену д'Альбре нашлось в нем место. За свои услуги он попросил немного – денег и город Нант. Таким образом, столица бретонских герцогов стала просто разменной монетой в этой войне. Однако это могло существенно приблизить конец Бретани, которого ждут уже более трех лет… Ален – из ненависти к Анне – стал ценным помощником Карла VIII.

На тот момент Рьё был губернатором Нанта. Д'Альбре – после свадьбы герцогини – стал никем: из осторожности его удалили из замка. Однако там оставались его люди. И им ничего не стоило нанести удар по замку. Захватив крепость, они вызвали своего господина, чтобы удержать захваченное. 19 марта 1491 года Ален д'Альбре прибыл в Нант, и его единственным желанием была месть. Ярость свою он обрушил на ценную мебель бретонских герцогов: предварительно сняв оттуда ценные украшения, д'Альбре изрубил ее на кусочки.

Теперь он стал хозяином Нанта. Что дальше? Рьё, который в момент захвата изволил охотится, был предупрежден и попытался отвоевать город. Однако Карл VIII и чета де Бурбон, действуя в соответствии с заключенным два с половиной месяца назад соглашением, сделали все, чтобы помочь своему новому союзнику: из Анже были присланы войска. В день Пасхи 1491 года король Франции торжественно вошел в захваченный город. 11 апреля жители Нанта принесли ему клятву верности. Так столица герцогства была потеряна – без битвы. Маршалу де Рьё не

оставалось ничего другого, как бежать в Ренн.

Бретань была практически вся оккупирована – либо французами, либо предателями-бретонцами. Оставалось лишь завоевать новую столицу, где Анна нашла убежище в 1490 году.

Герцогиня растерялась при виде окружавших ее врагов. Все ее надежды были связаны с Максимилианом. К заочному супругу немедленно отправилось посольство с криком о помощи. Австриец начинал с того, что взбудоражил общественное мнение дворов Европы: король Франции угрожает его жене и ее имуществу! Безобразие! Одновременно он отправил ноту протеста и самому Карлу VIII. Однако ощутимой реакции не последовало: Карл не торопился извиняться, прочие королевские дворы осуждали политику Франции, но не спешили прислать подмогу Бретани. Драгоценное время было потеряло в пустых разглагольствованиях.

Однако будущий император Священной Римской Империи и сам по себе достаточно силен. Он сумел собрать отряд из 2000 солдат: ожидаемое время их прибытия в Бретань – август. Слишком долго ждать!

Анна обратилась к другому участнику их коалиции – к Англии. Она находится ближе, может быстрее предоставить войска, чтобы помочь ослабить удушающие объятия Франции. 23 мая Лондон получил просьбу о помощи из Бретани. Просьба дополнена обещаниями компенсировать все издержки экспедиции. Главное – получить поддержку! Наконец, 30 мая отряд англичан высадился в Бретани.

Увы! Вся эта внешняя поддержка была либо слишком слабой, либо слишком поздней. А вот французские войска после получения Нанта вели активную политику продвижения по бретонским землям. За несколько весенних недель было взято достаточное количество точек на карте, чтобы Бурбоны и Карл VIII могли предвкушать близкую победу. И вот в конце июля 1491 года Ла Тремуй, победитель битвы при Сент-Обен-дю-Корьме, привел войска под стены Ренна, приступив к осаде города. Падение столицы будет означать конец Бретани, герцогство окажется во власти Карла VIII.

Каким был последним оплот герцогини-королевы, чьи мечты разбились с приходом французской армии? Оставались верные, но немногочисленные сподвижники: канцлер Филипп де Монтобан и Дюнуа. Другие? Австрийцы с Полхеймом во главе уже уехали; соратники, вроде де Рьё, искавшие в Ренне убежища, вновь не были надежны – маршал предпочел присоединиться к

принцу Оранскому, возродив аналогию прежнего триумвирата. И эти два главнокомандующих терялись в сомнениях – на кого же сделать ставку? На короля Франции или на Анну, которую годы испытаний весьма закалили, выработав властный и решительный характер (главным образом, из-за отсутствия рядом мужа)?

Осажденное бретонское правительство располагало, к счастью, большим количеством людей – 12 000 человек, в основном, торговцы – но они могли и выдержать осаду, и выйти за пределы городских стен для открытого боя. А вот военные были слишком разнородны – немцы, англичане, испанцы с трудом могли сосуществовать рядом, были более талантливы в спорах и драках, чем в повиновении.

Это сопротивление было лишено смысла. Генрих VII понял это первым и отозвал английские войска из Бретани. Анне нужно было решить: продолжать ли борьбу или уехать к Максимилиану, чтобы начать с ним совершенно другую жизнь. После недолгих колебаний и совещаний с окружением она решила: остаётся. Бретань – ее судьба.

В осажденном городе ей пришлось заниматься требованиями иностранных наёмников, чьи аппетиты возросли в экстремальных условиях. Особенно отличились немцы. Например, они вламывались в таверны Ренна, отбирали бочки с вином у хозяев, чтобы перепродать их втридорога жителям города. Речи о выплате ограбленным хозяевам не шло, разумеется. Если к ним являлись с претензиями, то посланцев просто напросто убивали. Типичная картина конца Средневековья. Да и прочие солдаты не отличались гуманностью, грабя слабых – крестьян и ремесленников. Перед осажденным городом вставала реальная угроза нищеты, в условиях многочисленных краж и надругательств – и это был последний бастион независимости Бретани.

И вновь Анна Бретонская пустила в ход личные сокровища, чтобы утолить хоть немного жажду серебра и злата у своего войска. Этим она ещё и подавала пример своему народу.

Чего в действительности хотел Карл VIII? Желал ли он форсировать капитуляцию города, устроив продовольственную блокаду? Или же наоборот, пытался выглядеть великодушным и щедрым – согласно рекомендациям четы де Бурбон?

Даже в разгар войны звучал дипломатический язык перемирия. Нужно было лишь услышать его. В то время, как французская армия окружила Ренн, в то время как внутри городских стен готовились к решающей битве, к бретонскому правительству прибыл богато разодетый посланник французского

короля с просьбой… устроить рыцарский турнир.

Крайне курьезное предложение в тот момент. Несомненно, в этом проявляются отголоски рыцарских времен, желание покрасоваться перед дамами. Изящный жест? Без сомнения – но не только! Выступать со стороны французского короля должен был «бастард де Фуа», то есть родственник Анны со стороны матери, Маргериты де Фуа. И тот факт, что представителем был избран незаконнорожденный сын, вовсе не был синонимом бесчестия и унижения. В те времена своим происхождением от короля или принца гордились абсолютно все побочные дети. Франсуа д'Авогур носил официальный титул «Бастарда Бретонского», Бодуэн – «Бастарда Бургундского». Не смущаясь и не колеблясь, они подписывались этими титулами официальные письма. То, что сегодня считается постыдной тайной, в те времена было поводом для гордости.

Итак, Карл VIII отправил Анне достаточно знатного дворянина, дабы тот принес оммаж прекрасной даме без военной проформы. Король Франции желает устроить турнир? Анна решила – пусть состоится! Ристалище развернули прямо под башнями осажденного города. Сама герцогиня Бретонская присутствовала на празднике, сопровождаемая пышной свитой – предосторожность или торжественный выход? После завершения представления она лично угостила французов кондитерскими изделиями и охлажденными напитками. После чего стороны вновь разошлись на исходные позиции осаждаемых и осаждающих. Великолепное двуличие на рыцарском языке…

Однако реальность оставалась суровой: война продолжалась. Анна не желала становиться нежной только из-за того, что галантный француз продемонстрировал ей свою любезность. Этим же вечером, когда стемнело, гарнизон совершил отважную вылазку против французов. Отважную, но бессмысленную. Бретонцы поспешно отступили, спасаясь от атакующих. Вот и весь ответ женщины на прекрасно устроенное развлечение!

Но что могла сделать дерзость и гордыня против целой армии? После последней вылазки уже не оставалось сомнений: вся Бретань находилась в руках врагов герцогини. К тому же еще и герцог Роган – пусть и в ожесточенной битве, – но погасил от имени короля последние очаги бретонской независимости.

Оставался только Ренн. Осада не могла тянуться вечно. Жители города не хотели умирать голодной смертью. Гарнизон, желавший получать регулярно своё жалование, также перестал быть опорой. Наёмники… Сначала ушли немцы, затем англичане, за ними быстро последовали и испанцы. Оставалось единственное решение: сдаться. И тут на первый план выступал вопрос: как и на

каких условиях? Даже доведенная до края, герцогиня Бретонская не могла банально капитулировать. Честь Дома Монфоров не должна быть запятнана!

И Карл VIII придумал совершить элегантный дипломатический ход. Втайне от всех (даже от своих главных советчиков – четы де Бурбон), он призвал герцога Орлеанского, всё ещё бывшего пленником в Бурже.

Карл VIII всегда симпатизировал герцогу Орлеанскому. Он рассчитывал на знакомство Луи с Анной. К тому же, отправляя бывшего союзника бретонцев в качестве своего посланника, король давал понять, на чьей стороне действительная сила.

Орлеанский отправился в Ренн, чтобы послужить интересам освободившего его короля. Сразу по прибытии он встретился с прежними соратниками, уговорил одного за другим согласиться, что единственный правильный выход из сложившейся ситуации – это… брак Анны с королем Франции. Оранский, Рьё и Монтобан согласились с лестным проектом сразу же, ведь заключение этого брачного союза означало установление долгожданного мира. Максимилиан? Но «законный супруг» до сих пор ничего полезного для Бретани не сделал. Да и уже не сделает. Ставка оказалась бесполезной. Политика и война требовали жертв.

Оставалось уговорить Анну. Нет, Карл VIII не приказал ей прямо выходить за него замуж, позаботившись о том, чтобы не шокировать чувства юной женщины. Его предложение было подкреплено финансово (100 000 ливров), политически (ей разрешалось свободно перемещаться по герцогству) и морально (герцогине предложили выбрать жениха из трёх кандидатур, весьма голубых кровей). Да, король был умелым дипломатом, дав ей хотя бы видимость свободного выбора.

Что могла думать Анна об этом союзе? Она понимала, что на самом деле выбора нет. Но так ли уж она была этим огорчена? Ведь союз с Карлом делал реальностью мечту, которую она лелеяла с конца 1490 года, когда Максимилиан попросил ее руки: Анна хотела стать королевой. А чем плоха корона Франции?

Мудрость советовала проявить благоразумие. На предложения, переданные от имени Карла, Анна ответила – крайне официально, – что она уже замужем, а потому никак не может выйти за кого-либо другого. Впрочем, если бы Максимилиан скончался, она бы и вышла замуж – но только за короля или сына короля… «Короля или сына короля?» Но разве это не прямой ответ Карлу VIII? Так, завуалировано и витиевато, но герцогиня согласилась на предложение короля Франции.

А может быть, так она пыталась отказаться? Какими могли

быть ее реальные чувства в той ситуации? Несомненно, она хотела стать королевой. Но ведь через брак с Максимилианом – она уже была ею. Как всякая девочка, она могла мечтать о прекрасном принце, о сильном муже. Но ведь именно Карл являлся сыном врага ее любимого отца. Именно Карл обесчестил Франциска II и ускорил его смерть. Именно Карл в течение последних трех лет воевал с ее страной, доведя Бретань до унизительной капитуляции. А теперь этот добрый принц желает, чтобы она бросилась в его объятия! Желает, чтобы она любила его как мужа! Высшее унижение!

Нет, Анна не желала этого брака. Между детской мечтой и честью она выбрала честь. Вопреки давлению своих советников, раз за разом Анна отвечает отказом на уговоры. Лишь одно смогло поколебать ее уверенность: ведь после заключения этого брака Бретань станет свободной и мирной. Именно этот аргумент перевесил чашу весов. Последние колебания касаются религиозного аспекта: может ли герцогиня выходить замуж – ведь в ее жизни существует тот самый брак с Максимилианом, да и сам Карл VIII имеет невесту.

Советники уверили свою госпожу, что это вовсе не проблема: брак с Максимилианом не является действительным, поскольку был заключен по доверенности и не доведен до конца. А «маленькая королева» Маргарита Австрийская всего лишь только обещана Карлу, ничего более.

Анна не доверяла больше своему окружению, она обратилась за советом к богословам – что говорит на эту тему Церковь. Ответ был предсказуем: да, брак по доверенности не считается браком в глазах Господа, и герцогиня может выходить замуж за короля Франции.

Побежденная, юная герцогиня, от которой ждут определенного ответа, наконец сдалась. Последней каплей стало собрание Генеральных Штатов в Ванне, где от Анны требовали согласия на брак с королем. Тем более, что по договору, заключенному в Лавале 15 ноября и подтвержденному герцогиней в Ренне, этот брак приносил ей и значительные выгоды – 120 000 ливров ежегодной пенсии. Плюс Карл взял на себя уплату долгов Бретани иностранным солдатам. И заодно снял осаду Ренна.

Великодушие короля, точно рассчитанное, вынуждало Анну на согласие. Теперь уже не оставалось сомнения: она выйдет замуж за француза.

Даже не дожидаясь официального согласия предполагаемой невесты, Карл подписал приказ о традиционном предсвадебном

мероприятии. 14-летняя Анна должна была предстать обнаженной перед королевскими посланниками, желавшими убедиться от имени своего господина в хорошем телосложении герцогини и ее способности родить наследника мужского пола, продолжателя династии Валуа. На «презентации» присутствовали чета де Бурбон, герцог Орлеанский и господин д'Обиньи. Последняя унизительная процедура была наконец позади.

Настал час встречи. Карл, под предлогом паломничества в церковь Нотр-Дам возле Ренна, дважды встретился со своей будущей женой. Первое свидание. Неудачное, ибо суверен оказался разочарован внешностью юной герцогини – она не соответствовала его вкусу. Второе свидание – это обручение. Скромная, чуть ли не секретная церемония в капелле пригорода Ренна, имела место 17 ноября 1491 года. Помимо жениха и невесты присутствовали: герцоги де Бурбон и Орлеанский со стороны Карла, последний оплот Бретани со стороны Анны – Монтобан, Оранский и Дюнуа. Полхейм, полный ярости и позора, демонстративно отсутствовал.

На следующий же день Карл покинул свою невесту, чтобы отправиться в Турень для подготовки к свадьбе. Анна, оставшаяся в одиночестве, уже считалась королевой Франции.

Глава 4. От насильственного брака к близости королевской пары (1491-1494)

Амбуаз. Фигуры Анны и Карла VIII над входом в часовню Сен-Юбер.

Будущая супруга не оставалась долго одна в Ренне. Через несколько дней после отъезда своего царственного жениха она покинула Бретань, чтобы присоединиться к нему в Турени, в замке Ланже, где должна была состояться церемония бракосочетания.

Она отправилась по дороге на Анжу в сопровождении Филиппа де Монтобана, своей сводной сестры Франсуазы и нескольких достопочтенных буржуа Ренна. Это путешествие Анна совершала в большом экипаже, стоимостью 120 000 ливров, которые презентовал ей щедрый жених. За каретой следовала большая телега, набитая черно-малиновым бархатом. Также герцогиня везла с собой две походные кровати. Одна, более скромная, имела балдахин и занавеси из дамасской ткани чёрных, белых и сиреневых оттенков. Вторая, более роскошная,

обладала постельным бельем цвета золота с вкраплениями малинового и фиолетового. Для придания величественности этому ансамблю, балдахины обеих постелей были подбиты красной тафтой.

Анна прибыла в Ла-Флеш (La Flèche), где ее ожидала сестра короля Анна де Бурбон. Ожидала не просто так, а с кипой прекрасной одежды, которая должна была соответствовать новому рангу Анны Бретонской. Среди прочего там было прекрасное платье из черного бархата, украшенное прекрасно выделанными шкурками 139 соболей. Комплектом к этому наряду шла туника (cotte – так называли один из видов нижней юбки) из черного атласа, с нижней юбкой из сукна того же цвета.

Более важным был подарок от Карла VIII – свадебное платье будущей королевы. Оно было сделано из золотого сукна, украшенного тисненым орнаментом, и отделано шкурками 160 соболей. Качество работы, ее великолепие наводило на мысль, что платья были изготовлены задолго до того, как было принято решение о свадьбе. Кроме того, в общем стиле должны были быть одеты и дамы из свиты королевы – для каждой из них также было привезено соответствующей по цветовой гамме платье.

Кортеж невесты прибыл в Боже (Baugé), где герцогиня разместилась в одном из богатых особняков герцогов Анжуйских. Несколькими днями ранее из этого особняка спешно увезли в Блуа Маргариту Австрийскую, чье место возле короля теперь должна была занять другая женщина.

Изменения великих судеб зачастую непредсказуемы и жестоки. Ради брака с Анной Карл VIII должен немедленно порвать с Маргаритой, с которой у него были прекрасные отношения со времени заключения договора в Аррасе в 1482 году и ее переезда ко двору жениха. Разница в возрасте поначалу не имела значения. Сейчас ему был двадцать один год, Маргарите – одиннадцать. Он уже стал взрослым, она – еще совсем юная девушка. Ради государственных интересов, ради присоединения Бретани к Франции, ради исполнения мечты Людовика XI и его дочери – Маргариту приносили в жертву.

Душераздирающая сцена расставания произошла 25 ноября, в Боже, накануне прибытия туда Анны Бретонской. Мучимый раскаянием, весь в слезах, Карл с трудом находил слова, чтобы приказать Маргарите уехать. Дочь Максимилиана выслушала пылкое признание короля, что «он всегда любил ее всем своим сердцем», разрыдалась, но не проронила ни слова упрека, позволив Карлу взять на себя всю вину за их разрыв, о котором он, возможно, сожалел.

Окончание этой мучительной сцены вовсе не означало

окончание проблем Карла VIII. После сердечных проблем наступила очередь вопросов религиозных: поскольку будущие супруги являлись родственниками в четырнадцатом колене, их брак не мог быть заключен без согласия Папы. В случае непослушания супругов отлучили бы от Церкви. 5 декабря в Рим прибыл аббат монастыря Сен-Дени, дабы умолять Иннокентия VIII о выдаче разрешения на брак короля Франции. С другой стороны прибыл Максимилиан, чтобы умолять об обратном – ведь Анна уже являлась его, императора, супругой, а Карл гнусно похитил женщину. Понтифик размышлял, не давая ответа ни тому, ни другому.

Однако Карл не мог ждать. Побежденная Бретань лежала у его ног, но упрочить победу можно было только через брак с герцогиней. Впрочем, запрос к Римскому престолу ведь был послан – так размышлял король Франции. И 6 декабря, ранним утром, задолго до рассвета, Карл отправился по Луаре к месту церемонии. По всему пути его следования была выставлена охрана, сам же король, хоть и с разбитым сердцем, был намерен довести свои планы до конца.

6 декабря 1491 года Анна Бретонская стала королевой Франции в замке Ланже. Свадебная церемония проходила в два этапа: заключение контракта и таинство венчания. Чтобы уж наверняка: юридическая часть подкрепляла часть божественную.

Этот договор, подготовленный в Ренне, был для Анны не просто формальностью при вступлении в брак, ведь принося в качестве приданого все свои земли, она фактически лишалась прав на них. Супруг становился хозяином имущества своей жены – обычная форма брачного договора, без намека на взаимное овладение добром мужа со стороны женщины. Более того, согласно этому же контракту, Анна не получила бы свободу и после смерти своего царственного супруга. В случае смерти Карла его жена обязалась выйти замуж за его преемника. Так что речи о возможности Бретани вырваться из-под господства Франции не шло даже теоретически. В обмен Анна получала корону Франции. Карл VIII и де Бурбоны успешно продолжили дело своего отца Людовика XI по созданию объединенной нации.

Никаких сантиментов. Однако без сомнения Карл понимал жестокость требований, выдвинутых Анне, поэтому тревожился о том, чтобы ее пощадить и не слишком уж унизить. Король вписал дополнительный пункт в брачный контракт: в случае смерти короля его жена может остаться во вдовстве, подобно покойной королеве-матери Шарлотте Савойской, сохраняя при этом все привилегии жены короля Франции.

Итак, будущее было обеспечено, внешние приличия

соблюдены – можно и отпраздновать свадьбу с подобающей пышностью. Церемонию провели в большом зале замка со всей помпой. Карл VIII и его невеста, одетая в ослепительное свадебное платье, произнесли брачные обязательства перед епископом Анжуйским Луи д'Амбуазом. В свидетелях были наиболее важные люди королевства, одетые в невероятной пышностью.

В отличие от брака с австрийцем, этот союз был скреплен и телесно. Шестеро буржуа из Ренна, которые прибыли с Анной, были приглашены в 7 утра в королевскую опочивальню, чтобы лично констатировать факт свершившегося соития. Анне на тот момент ещё не исполнилось пятнадцати лет.

Новобрачные не остались в замке. Ланже не был королевской резиденцией, Анна Бретонская покинула его в семь вечера, отправившись в Плесси-ле-Тур (Plessis-lès-Tours), любимое место покойного короля Людовика XI. Ситуация в Плесси иллюстрирует истинное отношение к Анне в декабре 1491 года. Казалось бы, новая королева должна быть встречена со всей положенной ею рангу торжественностью. Ничего подобного. Абсолютное равнодушие. Выглядело так, словно новой королевы и не существовало в действительности, а Карл женился на ней по принуждению. Такая холодность продолжалась до января 1492 года.

И распространялась, видимо, в том числе на интимные отношения – король не приходил к ней после свадебной ночи. Хотя и преподнес в дар украшения, достойные ранее подаренного свадебного платья: крупный бриллиант, украшенный «цветами из золота и белой с голубым эмалью». Восхитительный дар юной женщине… и это было единственное, чем она могла побаловать себя в эти грустные дни.

Может быть, это сам король по причинам, известным лишь ему одному, не желал устраивать празднества в честь своей жены. Ведь маленькая Маргарита еще не успела даже покинуть Францию, его чувства к ней, возможно, были слишком сильны – а обстоятельства вынудили его жениться на девушке, долгие годы считавшейся врагом. Вряд ли Анна нравилась ему сильнее в эти дни, чем во время встречи в Ренне. Что может быть хуже, чем оказаться связанным с незнакомой женщиной – по выбору войны и политики? Возможно ли было влюбиться в Анну, пусть даже юную и красивую, когда ни она, ни ее муж еще не были готовы к формированию настоящего союза? Конечно, истину знали лишь сами участники этой драмы. Потратив годы на взаимную вражду, достаточно сложно было воспылать друг к другу нежными чувствами, пусть даже и благословленными церковью и людьми.

На тот момент это было невозможно. Лишь время – эта мощная сила – было способно помочь молодым супругам. Время и возможность предстать друг перед другом как просто мужчина и женщина, Шарль и Аннета, а не в ролях короля Карла VIII, всесильного победителя, и герцогини Бретонской, униженной и побежденной. Однако оставался вопрос: сможет ли Анна, эта упрямая юная женщина, простить и забыть? Захочет ли она этого?

Можно бесконечно выдвигать предположения о личных отношениях молодых супругов в начале зимы 1491-1492 года. Неизменен факт: никаких торжеств и празднеств в честь новой королевы Двор не устраивал. Этого достаточно, чтобы понять: между Карлом и Анной не существовало реального согласия.

В отношении королевских пар не всё объясняется любовью или ее отсутствием. Часто причины кроются в политике, весьма далекой от сентиментальных чувств.

Этот недостаток тепла, видимый со стороны короля, мог быть вызван простой осторожностью. На горизонте сгустились тучи из-за брака короля Франции. Карл VIII не мог забыть о Максимилиане, который являлся мужем – пусть и по доверенности – его собственной жены и, разумеется, был недоволен поворотом событий. Австриец уже начал обвинять Францию в похищении женщины, почему бы не пойти дальше словесных угроз? Его войска всегда стояли у границ королевства, хотя до сих пор не причиняли соседу особых неприятностей. Но теперь император, ставший посмешищем в глазах всей Европы, оскорбленный и униженный, мог нанести удар. Похищение? Почему нет? Все возможно…

Именно поэтому Карл VIII выбрал Ланже, замок с репутацией неприступной крепости. Простая предосторожность. Вот почему он приказал расставить охрану и вокруг замка, и в окрестностях. Нельзя быть слишком осторожным, когда задета честь будущего императора Священной Римской империи.

Эта бдительность и лишила Анну королевских почестей – но лишь для ее же собственной безопасности. Подальше от толпы, зачастую буйной и пьяной в своей радости, королева находилась под хорошей защитой. В том числе и от покушений…

Еще одна причина, по которой французский двор не организовывал празднеств в честь новой королевы. Она заключалась в том, что для большинства населения до конца 1491 года невестой их короля была Маргарита Австрийская. В течение почти десяти лет формировалось общественное мнение, что быть этой девочке королевой, ее уже готовы были любить и чествовать. И вдруг новость – король женился на бретонке, девушке из земель, с которыми Валуа не прекращали сражаться. Разве можно

доверять ей? Необходимо было изменить общественное мнение, сделать это осторожно, деликатно – и уже завтра королеву Анну будут любить и льстиво почитать. Но это будет завтра. Пока же началась кампания по знакомству жены Карла VIII с населением. Городские власти устраивали праздничные приемы, и окружение постепенно свыкалось с новой королевой.

Но было еще более опасное обстоятельство – опаснее Максимилиана Австрийского или недовольства населения: Папа Римский. Он так и не прислал согласия на брак, а венчание уже состоялось! Королевская пара находилась под угрозой отлучения от церкви, а это процедура автоматически лишала Карла титула короля в глазах Рима и всех католиков. По средневековой традиции король был самым христианнейшим из христиан, и отлучение от церкви означало конец его власти. Важно было не вызвать недовольства Папы. Возможно, он рассердился, узнав о церемонии в Ланже, а потому не спешил выслать столь желанную буллу. И эта сторона сюжета также может служить оправданием отсутствия положенной пышности. Чем тише – тем лучше. Дипломатия и сдержанность в действии.

Анна должна ждать. Она, конечно, являлась королевой – и это служило ей моральной поддержкой удовлетворенных амбиций. Впрочем, даже если она и разделяла внешне с Карлом его тревоги по поводу понтифика, то в глубине души серьезно не беспокоилась, успев познать и худшие бедствия, нежели недовольство Папы Римского. Пусть в тот момент ее никто не любил, но и не предавал! Герцогиня Бретонская получила наконец спокойствие и безопасность.

Несомненно, личные качества новоявленной супруги повлияли на изменение позиции Карла VIII. Чуть ли не тайная свадьба в декабре – а спустя два месяца королева уже находилась в центре всеобщего внимания: 8 февраля 1492 года Анна была коронована в Сен-Дени – высшая привилегия жены короля. В тот день в соборе было не протолкнуться. Королева заняла место на специально сооруженном помосте в центре базилики. В белом атласном платье, с уложенными в косы волосами, спускавшимися ей на плечи, пятнадцатилетняя королева, по свидетельству очевидца, «была красива, молода и столь изящна, что доставляла радость взору». После помазания состоялась торжественная месса, во время которой герцог Орлеанский держал над головой Анны корону, слишком большую и тяжелую для нее.

Помазанная королева – каков поворот! И какой почет! И это ещё не всё: на следующий день была назначена церемония торжественного въезда Анны в Париж. Той, на ком тайно и поспешно женился король Франции, будут рукоплескать

парижане! Главы города, дворяне, простолюдины – все выйдут ей навстречу, разодетые в свои лучшие одежды. Ей останется только отвечать на приветствия – как настоящей королеве.

Всё это никак не могло произойти без согласия, без ведома Карла VIII. Ещё вчера он держался холодно и на расстоянии от своей жены – а сегодня готов вознести на небеса, заставляя и других сделать то же. Каприз? Определенно нет! За прошедшие два месяца после свадьбы король был «побежден» своей собственной женой, главную роль в этом сыграли ее молодость, ее красота и ее темперамент. При первой же возможности Анна приходила в постель своего мужа, игнорируя и собственные роскошные апартаменты, и неизбежные пересуды. Она разбудила в своем супруге страсть первой любви. Отбросив скромность, она источала соблазн и сластолюбие, вызывая ответные стремления у Карла. Предвидела ли это Анна де Бурбон? Так или иначе, но теперь Анна Бретонская стала для короля главным человеком в королевстве. Вот откуда эта коронация, вот откуда торжественный въезд в Париж.

Еще одно событие сблизило супругов: Анна забеременела. В 15 лет она носила в себе наследника короны. Два незнакомца из Ренна, соединившиеся в Ланже, сейчас стали единомышленниками, полными надежд на будущее династии Валуа и на будущее Франции. С февраля жизнь Анны текла безмятежно в ожидании счастливого события. Любила ли она Париж, в котором жила? Мы не знаем. Но вопрос о переселении в Амбуаз – месте, где Карл VIII родился и вырос, – не поднимался: слишком неудобным был этот замок для проживания в нем будущей матери. Безумно влюбленный король приказал приступить к переделке замка, чтобы в один прекрасный день его королева восхитилась этим королевским жилищем. Работы начались 1 октября, о чем нам известно из налоговых записей (как обычно, все бремя расходов легло на общественность). Работы длились шесть лет.

А летом 1492 года, когда Анна проживала в Париже, Карл VIII получил долгожданную буллу понтифика. Разрешение на брак было выписано задним числом – от 15 декабря 1491 года (а брак был заключен неделей раньше, шестого числа). Этот документ был очень ценен для обоих супругов, ведь он успокаивал их души и укреплял их дух. Хотя некоторые сомнения ещё оставались: а вдруг божественный гнев все же настигнет королевскую пару и падет на их первенца? Единственный повод для тревоги в тот год, полный счастья…

В ночь с 9 на 10 октября, когда король и королева находились в замке Плесси, Анна почувствовала первые схватки. Карл,

обеспокоенный, не знал что делать – и отправил немедленно посыльного к Франциску де Поль, старому наперснику своего отца, с крайне ответственной миссией – попросить отшельника молиться о благополучном разрешении королевы и о рождении сына. Беспокойство за жену и политические амбиции… Франциск ответил, что все будет хорошо, что королева родит мальчика, и что мальчика назовут Орланд. Чуть позже, около четырех часов утра 10 октября, предсказание святого человека сбылось – родился мальчик.

Все ликовали. Король не мог не выполнить предсказание Франциска де Поль, чтобы не разгневать небеса. Его сын, его наследник получит имя Орланд. Революция во дворце! До сих пор правящая династия не имела короля с подобным именем. Означало ли это нарушение традиций Дома Валуа? Было быстро проведено лингвистическое исследование, и под выбранное имя подвели крепкое основание: Орландо – это итальянский вариант имени Роланд. Наследник Карла VIII будет носить имя великого Роланда Ронсевальского (Roland de Roncevaux), воевавшего с сарацинами, чей подвиг увековечен в литературе («Песнь о Роланде»). Ведь Франция в те времена находилась в сердце католического мира, поставившего своей задачей борьбу с неверными. 6 января Фердинанд Арагонский бился в Гранаде с мусульманами. Новорожденный принц был обязан продолжить эту славную традицию войны с варварами и еретиками. Имя героя будет его воодушевлять! Ну а раз мир так волнует необычность имени – решил Карл, – то мальчику было дано двойное имя Карл-Орланд, в честь отца и по небесному повелению.

Спустя всего три дня после рождения, 13 октября, Шарль-Орланд был крещен в часовне замка. Если имя у него было новым, то церемония – традиционной и помпезной, как любая подобная ей. Крестными отцами стали герцог де Бурбон и герцог Орлеанский, крестной матерью – Жанна де Лаваль, королева Сицилии. Все гости были пышно одеты, увешаны золотом. Жан де Шалон, принц Оранский, нес маленького дофина. За ним шествовали все дамы двора, затем 500 стражников и офицеров с факелами в руках. Это великолепный кортеж приблизился к королю, который стоял у алтаря в компании Франциска де Поль, который и крестил новорожденного. Величественная церемония для маленького наследника великого имени и будущего величайшего героя западных христиан.

Через месяц после крещения, 13 ноября, Анна Бретонская получила благословение священника (*relevailles – церемония в церкви, когда женщина идет туда в первый раз после родов, чтобы получить благословение от священника). Именно этот

момент она выбрала для того, чтобы торжественно продемонстрировать разрешение понтифика, полученное ее мужем еще прошлым летом. Она поклялась перед архиепископом Турским, что не была взята замуж силой и что по своей воле покинула Ренн для свадьбы в Ланже.

Можно удивиться тому, что Анна сделала это заявление именно в тот момент. Разве не логичнее было бы обнародовать папское разрешение пораньше? Ведь в июле она уже была замужем и беременна. Вопрос остается без ответа. После рождения наследника французской короны Анна была уверена в своем будущем. Возможно, она хотела доказать сомневающимся, что ее сын имеет законное право на трон.

Период счастья! Весной 1493 года Анна вновь была беременна. Сын рос очаровательным мальчуганом, она сама была довольна и спокойна. Это ее безмятежное счастье даже распространилось на печальную Маргариту Австрийскую, которой королева Франции отправила летом роскошный подарок – украшение для головы. Величественный жест дружбы.

Ее главным достижением, из которого последовали и другие, был успех любовной жизни с Карлом. Что, в общем-то, было странным. Да, физическая сторона брака привлекала молодых супругов. Да, Анна ревновала мужа к придворным дамам, что свидетельствовало о более глубокой привязанности. У молодых супругов были все условия, чтобы понять и полюбить друг друга. Природное обаяние королевы, ее молодость, страстность, красота – ничто не мешало созданию крепкого союза. Но ведь на другой чаше весов были разочарования, принесенные из детства. В пятнадцать лет Анна потеряла все – родителей, сестру, страну. И король лучше, чем кто бы то ни было, знал об этих потерях. Если поначалу он лишь со стороны наблюдал за кознями своего отца против Франциска Бретонского, то после его смерти в 1483 году лично приложил руку к бедствиям своей будущей жены. Интриги, сплетаемые вокруг маленькой герцогини, совершались им, пусть и с подачи безжалостных де Боже. И битва при Сен-Обен-дю-Кормье, и завоевание Бретани – это из-за него, короля Франции. И осада Ренна, и капитуляция Анны, и захват ее земель – это тоже все из-за него. По крайней мере, он официально был ответственен за это.

Разве мог король, не лишенный чувствительности – а Карл, выросший на традициях рыцарских романов, вроде «Романа о Розе», несомненно, был таким, – остаться равнодушным к трагической судьбе своей жены, тем более, что сам был причиной этой драмы, пусть и по причинам государственной необходимости? Долгая война, жестокая ненависть бывших

врагов, которые вдруг стали супругами. Им не нужно было ничего скрывать, они были подобны старым сообщникам – только отныне им предстояло научиться жить не в злобе, а в любви.

Что же изменило точку зрения двадцатиоднолетнего короля? Несомненно, и нежность Анны, и ее юная красота, и ее несчастное детство. Плюс другое: жестокость судьбы самого Карла, вынужденного унизить Бретань, отказаться от Маргариты. Он не был властен над своей жизнью, за него всё решала История. Оставалось принять предложенные условия. А пыл и страсть юности лишь помогли смириться со своей судьбой каждому из супругов.

Снисходительность и жалость? Конечно, нет, ведь Карл хотел, чтобы Анна разделила с ним честь коронации в Сен-Дени. Король и королева Франции соединились в простом счастье, знакомом любому смертному. Нежность помогла супругам сблизиться. Карла в конце концов привлекла эта юная женщина, в которой соединилось множество достоинств: юность, страстная жажда жизни, желание любви, живой и пытливый ум.

А что же привлекло Анну в Карле, что заставило ее столь пылко влюбиться в своего супруга? Ведь короля никак нельзя было назвать красивым мужчиной. Маленького роста, из-за которого его зачастую не было видно в толпе придворных, он был попросту уродлив: глаза навыкате, крупный нос с горбинкой, толстые губы, длинные волосы до плеч, лоб закрывала длинная челка, смешная рыжая борода – совсем ничего, что могло бы вызвать томление страстной влюбленности у романтичной девушки. Но не только внешность важна в человеке. Карл, подобно Анне, страстно любил читать, отдавая предпочтение рыцарским романам. Как и бретонка, он был хорошо образован – в отличие от большинства своих современников. Подобно жене, он знал латынь, изучал итальянский язык. Бывшая ученица мадам де Лаваль не могла остаться равнодушной к настоящей образованности. Были и другие достоинства Карла, которые привлекли Анну. По характеру он был игрив и общителен – ценные качества для девушки, чье детство прошло в печали и разочарованиях. Рядом с супругом Анна ожила, он помог ей изгнать кошмары юности. А от душевного согласия рукой подать до согласия телесного.

Отсутствие физической привлекательности Карла не стало препятствием для королевы, поскольку она сама с рождения имела небольшую хромоту. Анна умело скрывала ее с помощью обуви: на одной ее туфле был высокий каблук, позволявший уравновесить походку. Собственный недостаток помог ей

сблизиться с мужем, которого, возможно, лишь завистливые клеветники называли уродливым. А может быть, Карл специально делал себя некрасивым – чтобы подчеркнуть красоту королевы, поселить в ее сердце уверенность в своей женственности. Так недостатки внешности поспособствовали укреплению союза молодой пары.

Свидетельство современника: «Королева маленького роста, худая, хромает на одну ногу, что почти незаметно из-за особо скроенной обуви; брюнетка и очень хорошенькая на лицо; для своего возраста она очень хитрая, способная заставить короля смеяться или плакать; она ревнива и страстно желает Его Величество – а поскольку она его жена, то король редко проводит ночи в одиночестве».

Карл мог быть привлекательным для Анны еще и на фоне многочисленных женихов из ее прошлого – отвратительных или незнакомых. А король Франции убедительно демонстрировал свою привязанность – коронация в Сен-Дени и триумф в Париже стали лишь прелюдией его щедрости. Карл хотел, чтобы его жена вела образ жизни настоящей королевы. И она это делала.

Амбуаз подвергся глобальным переделкам, как в архитектуре (были добавлены новые помещения), так и в интерьере – ради того, чтобы это великолепное сооружение было достойно женщины, любившей роскошь и красоту. Были куплены золотые простыни, шелка. Ковры приобретались в огромном количестве во Фландрии, Франции, на Среднем Востоке. В 1494 году по стенам развесили многочисленные гобелены с изображением известных исторических сцен: например, по ним можно было изучать историю Александра Македонского, Давида или Геракла. Сцена битвы при Форминьи (Formigny) – когда Карл VII одержал победу над англичанами в 1450 году – оживляла интерьер замка. Мебель была украшена золотыми пластинами. Анне уже была знакома подобная роскошь – замок бретонских герцогов в Нанте во времена своего величия не уступил бы новому замку короля Франции. Королева не могла не оценить усилий своего супруга по украшению ее быта.

Кроме этого, Карл преподносил жене многочисленные украшения. Например, «золотое кольцо с рубином» было подарено в ноябре 1494 года. Шкатулка Анны пополнилась также колье с «семью бриллиантами, семью рубинами и десятью крупными жемчужинами», великолепным гарнитуром, состоявшим из «большого бриллианта в форме наконечника, двух маленьких бриллиантов, крупного рубина … и одного изумруда». Изумительная роскошь!

Но и этого было мало. Нужно, чтобы королева не чувствовала

себя одинокой, чтобы была окружена сонмом слуг, ведь это являлось доказательством состоятельности страны. В 1492 году, во время своего неприкрытого счастья, королеву обслуживали 79 слуг. И это число приблизительно, ибо многие не были внесены в списки поименно, а лишь упоминались в рубриках, без точного количества.

Этот Двор Королевы состоял из высокородных аристократов и тщательно выстраивался согласно иерархии. Известно, что у королевы было 8 управляющих, 8 конюших, 6 копьеносцев, 4 официанта, 4 повара, 6 пробователей еды, 3 врача, 3 музыканта. Нужно добавить персонал на кухне, в посудной, в апартаментах и т.д. Можно смело утверждать, что на обслуживание Анны было выделено не менее 120 лиц мужского пола.

А ведь были еще и дамы – для 15-летней королевы было необходимо женское окружение для общения, женских рукоделий и игр. Так что в свиту королевы Франции входили 17 высокородных дам, 3 девушки ее возраста и 17 прочих персон. В сумме, 150 или 160 человек составляли Двор Королевы – и все находились на зарплате. Антураж и декорум французского двора был соблюден.

Однако, спустя почти 18 месяцев счастливого брака, на горизонте семейной жизни сгустились тучи. Летом 1493 года Анна, так радовавшаяся второй беременности, потеряла ребенка, приняв опрометчивое решение участвовать в охоте в лесу Курсель (Courcelles). Подавленная и усталая, она пребывала в печали, но недолго, ибо в январе 1494 года Карл вновь сделал жену беременной. Однако, радость оказалась недолговечной: уже весной у королевы произошел выкидыш. То же повторилось и следующим летом.

Анна, крайне благочестивая по натуре, вспомнила о тех сомнениях, что терзали ее двумя годами ранее, во время ожидания Шарля-Орланда. Неужели сбылись опасения короля и королевы Франции – и заключение брака без разрешения понтифика принесло проклятие Небес на их потомство? Четыре беременности за тридцать месяцев – прекрасное доказательство страсти и пыла супругов. Но безрезультатность этих попыток начала раздражать Карла. Если он и разделял опасения Анны по поводу духовной стороны вопроса, гораздо больше его волновало отсутствие многочисленного потомства, способного обеспечить будущее династии. Шарль-Орланд оставался единственным ребенком, к тому же он находился в том юном возрасте, когда в любую минуту с ним могла приключиться неожиданная смерть. И Карл считал, что исключительно Анна несет ответственность за неудачи в рождении детей. Именно с этого началось охлаждение

в любви…

Впрочем, голова Карла была занята и другими проблемами, более для него важными, чем переживания его жены. Конечно, он ее любил, однако его королевские амбиции обращались к иным горизонтам, нежели радости супружества. Мечтатель и идеалист, этот король лелеял великий проект: он хотел завоевать Неаполь и Иерусалим. Франция должна править Италией и Востоком!

Эта идея не была лишь авантюрной надеждой. Совсем недавно иссяк Дом Анжу, завещав Людовику XI свое состояние – а это и земли Мена и Анжу на западе, и королевство Неаполь, и Иерусалим. Покойный король, более озабоченный территориальной целостностью страны, чем отдаленными проектами, ничего не предпринял для утверждения своих прав на средиземноморские владения. Однако его сын, Карл VIII, имевший как раз амбиции по распространению влияния Франции на весь мир, был полон решимости сделать это. Он вступит в Неаполь, тем самым овладеет Италией. Затем отправится в Иерусалим, со священной миссией, достойной его предков, освобождения Святой Земли от неверных. Утвердит права на отцовское наследие – и заодно сделает богоугодное дело. План, достойный романтического отца маленького Орланда. Да, решено: Карл понесет факел нового Крестового похода, станет последователем Людовика Святого.

Этот проект имел два крепких основания: Италия XV века находилась в зените Возрождения, ее экономика и искусства процветали. Взятие Неаполя было бы блестящим политическим маневром с несомненными дивидендами в пользу Франции. Второй причиной активного интереса Карла VIII были сами итальянцы. Лодовико Сфорца по прозвищу «Мавр», правитель герцогства Миланского, просил у французского короля помощи, как и богатая венецианская республика – они были озабочены угрозой вторжения со стороны Максимилиана Австрийского, ставшего императором в 1493 году. Так что у Карла был и личный, и политический интерес. Не говоря уж о священности миссии, славе и материальных мотивах.

Но Неаполь и Иерусалим были далеко. Анна не пришла в восторг от перспективы разлуки, несомненно, долгой, с мужем, с которым она не расставалась с декабря 1491 года. Будучи рядом с супругом, она могла контролировать легкомысленного короля. А теперь она опасалась в том числе и любовной авантюры. Кто знает, не захватит ли Карла какая-нибудь красивая и богатая итальянка в сети страсти? Так что Анна была категорически против итальянской экспедиции, считая ее капризом и глупостью. Неожиданную поддержку королева получила от Анны де Бурбон,

которая – как трезвомыслящая дочь Людовика XI – предпочитала, чтобы ее брат занимался как следует делами своей собственной страны, а не отправлялся за призраками славы столь далеко. Эти дамы разными путями оказывали давление на суверена, пытаясь отговорить его от авантюры. Тщетно. Карл VIII был непоколебим.

Так мало-помалу душа и сердце монарха отдалялись от супруги. Не оказался ли король, двадцати трех лет от роду, столь недавно ставший мужем и отцом, утомленным брачной жизнью? Разве в этом его историческая судьба? Карл уже был мысленно далеко.

Карл приступил к активным действиям для обеспечения успеха своему итальянскому проекту. Для начала ему было необходимо заключить мир со своими прежними врагами, чтобы спокойно отправиться в Италию и далее на Восток. Подписаны соглашения. Незадолго до рождения Шарля-Орланда, в октябре 1492 года, англичане высадились в Кале, а потом организовали осаду Булони. Французское правительство не желало продолжать с ними войну – и были заключены торговые соглашения, а заодно (3 ноября) в Этампе и перемирие. Солидная сумма денег, перешедшая в карман английского короля Генриха VII, укрепила этот мир. Так что отныне западные земли не грозили Карлу неожиданностями.

Следующими в списке были испанцы на юге. 19 января 1493 года в Барселоне подписан очередной мир. Но на каких условиях! Карл отдал Сердань (Cerdagne) и Руссильон Испании! Ради своего великого плана он уступил часть земель, а Фердинанд Арагонский просто не мог упустить такой шанс. Отныне испанский король мог контролировать южные земли Франции – а молодой король получил возможность делать всё, что ему хотелось. Фердинанд не считал предприятие Карла важным или серьезным. Зато получил неплохой куш на этом!

Оставался Максимилиан, дважды оскорбленный. Как можно было заключить с ним мир, если император не желал простить ни увод у него жены, ни отказ от его дочери, а заодно и французские интриги во Фландрии? Ответ прост: Карл предложил вернуть несостоявшемуся тестю земли, полученные им в приданое за «маленькой королевой». 23 мая 1493 года в Санлисе был подписан договор, согласно которому большая часть бургундского наследства – а это Артуа, Франш-Конте, Аррас и графства Масон (Mâcon) и Оксерр (Auxerre) – возвращались своему бывшему владельцу.

Итак, Карл VIII обеспечил себе гарантии мира со стороны соседей. Не слишком ли дорого он заплатил за свою мечту? Ведь в конечном итоге Франция потеряла приличный кусок своих

территорий. Удовлетворив текущие амбиции иностранных государств, французский король породил у них же новые притязания на свои же земли (они проявятся чуть позже).

Однако он совершенно не думал об этом. Даже Анна, чувствовавшая охлаждение в их отношениях, предпочла сделать вид, что смирилась с затеей супруга. Очевидно, она поняла бесплодность своих усилий, бесполезность своих возражений. Сделав хорошую мину при плохой игре, она уступила.

1494 год! Настал момент великого отбытия. Король, королева, весь двор отправились в Италию – и по пути остановились в Лионе. Горожане встретили гостей с величайшей пышностью, ибо до сих пор еще не удостаивались чести королевского визита. Кортеж поражал великолепием и пышностью. Карета королевы была украшена темно-красным бархатом с вышитыми на нем золотыми буквами «А» и украшенным горностаями. Тянули эту карету шесть прекрасных лошадей в попонах, на которых восседали шесть пажей, одетых с подобающей пышностью. Затем следовала такая же кареты для дам из свиты Анны. И наконец кобыла королевы, на которую та садилась, когда позволяло самочувствие. Сбруя животного украшена все с той же роскошью, которую так любила королева Франции: черно-золотая ткань была обшита золотой бахромой и белым шёлком. Большое седло было также богато украшено темно-красным атласом. Но самое главное – именно королева привлекала все внимание публики. Очаровательная, она была одета в платье из золотой ткани, украшенное горностаями и алмазными пуговицами. На голове у нее был бретонский головной убор, также обильно украшенный золотом, шелком и драгоценными камнями. С плеч королевы ниспадал длинный плащ из красного бархата, подбитый мехом горностаев. Этот блестящий ансамбль впервые появился на публике 15 мая, во время празднеств в соседнем Мулене (Moulins), столице владений Бурбонов.

Пара надолго остановилась в Лионе. Король и его окружение предавались многочисленным развлечениям, связанных с военной тематикой: турниры, имитации битв и осад. Но «чаще всего доблестные дворяне слонялись по улицам в поисках авантюр». А король подавал в этом пример своим подданным, поскольку весьма ценил подобные развлечения. К тому же, военные игры были хорошей тренировкой в преддверии битв, ожидавшихся в Италии. В общем, подготовка к войне больше походила на празднества с тематическим уклоном.

Наконец Карл собрался присоединиться к армии, ожидавшей его в Гренобле. Анна настояла на том, чтобы сопровождать мужа,

чья голова кружилась в предвкушении приключений. Нетерпение и надежда одного – и уступка и горечь второй. 23 августа они вошли в столицу Дофине, где королевскую пару встретились с роскошью, подобной лионской. Улицы города были увешаны коврами, в честь короля и королевы давались театральные представления. Празднества продолжались все шесть дней, пока царственные гости находились во дворце Парламента.

Однако при всем этом король и королева не забывали о том, кого не было рядом с ними – о Шарле-Орланде. Маленький дофин, которому еще не исполнилось полутора лет, остался в Турени, в замке Амбуаз. И это расставание было разумно необходимым. Ведь не мог Карл взять с собой своего единственного наследника в страну, где широко процветало искусство отравления. 27 августа 1494 года Карл VIII оставил жесткие инструкции опекунам и нянькам своего сына, составленные, несомненно, с согласия Анны Бретонской.

Сто шотландских гвардейцев должны были постоянно контролировать ворота города и замка. У дверей донжона обязано было круглосуточно дежурить четыре камергера. В окрестностях Амбуаза была запрещена любая охота. Любой чужестранец, пожелавший остановиться в пределах ли города, в его ли окрестностях, немедленно брался на заметку капитаном шотландских лучников. Даже Франциск де Поль, этот святой человек, которому покровительствовали и Людовик XI, и сам Карл VIII, не мог без разрешения навестить своего крестника. В случае непредвиденных трудностей Амбуазу были готовы предоставить своих гвардейцев Турень и Берри, которым король выслал необходимые инструкции.

Карл и Анна также позаботились о здоровье своего единственного сына. Долгая поездка не была бы полезной для него, лучше было оставить Шарля-Орланда в знакомом окружении и знакомом климате. В случае известия о подозрительной смерти в окрестностях, ворота города должны были быть немедленно закрыты для входа любого чужестранца. Если же внутри самого Абмуаза разразится эпидемия, опекуны принца должны были увезти его в Турень, в замок, как можно более отдаленный от заразы.

Наконец, юная пара отдала приказ – известия о здоровье сына они должны получать как можно чаще, минимум – раз в две недели. Кроме того, Анна, остававшаяся на юго-востоке страны, должна была получать новости и от своих доверенных лиц – и в случае чего Карл дал ей право принимать необходимые меры в дополнение к собственным инструкциям.

Утром 29 августа 1494 года сразу после мессы Карл VIII

обнял на прощание жену. Он был готов отправиться в Италию. Анне оставалось лишь с беспокойством ожидать его возвращения. Благословил ли Господь их союз, наконец? Ради мужа, королева молилась об исполнении его надежд. Для себя же она надеялась, что он вернется из своего похода, чтобы увидеть первую улыбку ребенка, которого она носила.

Глава 5. Анна мечтает о «новом Карле Великом» (1494-1495)

Ланже. Портреты Анны Бретонской и Карла VIII.

Король уехал. Королева ожидала его недалеко от итальянской границы – в Лионе или в Мулене, рядом со своей золовкой Анной де Бурбон. Будучи ближе к мужу, она быстрее получала известия от него. Это помогало легче переносить их первую разлуку.

Анне было 16 лет – слишком молода для управления государством, несмотря на все перенесенные испытания, интриги и поражения, включая битву при Сент-Обен-дю-Кормье. Делами государства в отсутствие Карла VIII занимался его шурин, Пьер де Бурбон, «лейтенант короля».

Анна же погрузилась в женские заботы жены и матери и целиком посвятила себя четвертой беременности, одновременно чутко реагируя на все новости, связанные с маленьким дофином.

Она ждала возвращения короля, надеялась на скорую встречу с человеком, которого любила, чье охлаждение не могла не почувствовать. Когда закончится война, когда Карл удовлетворит свои амбиции, он вернется к ней – навсегда!

Что могло поддержать Анну Бретонскую в ее надеждах? Ответ прост – Небо, и она со всем пылом устремилась в религию. Королева ежедневно посещала мессы, активно участвовала в церковных делах. Чтобы усилить свои личные молитвы, она обратилась к помощи народа – и вот уже Бретань (конечно же), Турень, Иль-де-Франс, жители Бурбона и Лиона дружно возносили под своды церквей слова молитв «Отче наш» и «Аве, Мария» за здоровье дофина и королевы, за успешное возвращение короля. И уверенность Анны постепенно крепла: да, Карл не погибнет; да, он победит; да, он вернется!

Но достаточно ли молитв? Нужны были еще более веские гарантии божественной благосклонности. И она остановила свой выбор на Святом Дени. Не в его ли честь дано имя аббатству, где короновались правители Франции? Не он ли являлся духовным защитником Карла VIII? И перед статуей святого Анна зажигала огромные свечи.

Анна обязала всех жить в состоянии перманентной религиозности. Истово верующая, исполняющая все предписания церкви – не слишком ли усердно? Не смешивала ли она религию с суеверием?

Молитвы – это хорошо, но все же в первую очередь нужны были реальные действия, чтобы обеспечить здоровье Шарля-Орланда. Мать не могла не беспокоиться об оставленном сыне, требуя регулярных докладов от его опекунов. И сама отсылала многочисленные указания – для собственного спокойствия. Ведь в те времена слишком много детей умирало в юном возрасте – от лихорадки или же от эпидемий. Едва получив успокаивающее послание, она тут же бралась за перо, чтобы сообщить отправителям, что «она находится в доброй радости». И сразу же отправляла сообщение с курьером к Карлу, прося в свою очередь и от него новостей, ибо «это самое большое удовольствие, которое король может принести».

Те, кто обеспечивал наследнику хорошее самочувствие, имели право на признание и поощрение. В Истории осталось имя некоего Симона Лельевр (Simon Lelièvre), «хозяина кухни», которого Анна рекомендовала личным письмом к опекунам принца. О его дальнейшей судьбе уже неизвестно, однако несомненно он работал в Амбуазе, покрытый славой личного протеже королевы.

В те дни, когда Шарль-Орланд приближался к своему

трехлетию, королева получила два воодушевляющих послания: одно от Карла с уверениями, что все идет хорошо, и что после заключения мира он быстро вернется к ней; и другое – из Турени, в котором ее информировали, что ее «сын находится в хорошем состоянии тела». Полная счастья, Анна написала из Мулена 21 сентября 1495 года: радуясь полученным новостям, довольная здоровьем дофина, она вновь и вновь просила опекунов слать ей вести как можно чаще. Уже год королева находилась в разлуке с мужем и сыном, только о них были ее мысли. Главным событием, вокруг которого строились все надежды и планы, оставалось возвращение Карла из Италии, а затем – возвращение в Амбуаз. Герцогиня Анна, королева Франции – просто женщина? Несомненно. И в тот период она была более жена, чем мать. Количество писем, которыми она обменивалась с Карлом, убедительно это доказывает. Ее молодость, ранний брак, безмятежные годы счастья, последовавшие сразу за свадьбой – все это хорошо объясняет выбор Анны. В Лионе ли, в Мулене – ее мысли всегда за итальянской границей.

Королеву регулярно информировали о том, что происходит за Альпами. Ее секретарь Андре де ла Винь (André de la Vigne) вел журнал получаемых новостей от Карла VIII, который он озаглавил «Путешествие в Неаполь». Эти записи стали ценнейшим источником сведений о первой экспедиции Итальянских войн для историков – и для Анны, покинутой и страдающей.

А новости прибывали. Небольшую тревогу вызвало известие в сентябре: король заболел. Проигнорировав совет врачей, настаивавших на отдыхе, Карл решил продолжить свое путешествие. Ведь его телом он был крепок, а Небеса не оставляли его своей поддержкой. И спустя восемь дней король выздоровел. Больше уже ничто не могло сдержать его военный пыл. 14 октября Карл триумфально вошел в Павию, спустя четыре дня – в Плезанс. В ноябре он прибыл во Флоренцию, где совсем недавно Савонарола изгнал Пьетро ди Медичи.

Встреча Карла и Савонаролы вызвала у Анны приступ восхищения своим мужем. Тут нужно сказать несколько слов об этом персонаже, сумевшим сместить всесильных Медичи. Изначально Савонарола был религиозным деятелем, чьи мысли вызывали сочувствие в Франциска де Поля (а этого святого человека почитали и Анна, и Карл). В своих проповедях он воспламенял флорентийский народ, критикуя власти и без устали призывая на них божью кару. В апреле 1492 года он провозгласил себя «Мечом Господа». 12 февраля 1494 года, имея уже большой авторитет у населения и зная, что Карл VIII готовится к вторжению, он предсказал прибытие нового Кира, который

«придет из-за гор». В Великий Пост Савонарола страстно вещал о предстоящей каре, которую нашлют небеса на Флоренцию за ее грехи. 21 сентября, когда умы верующих волновали сообщения о приходе Карла из-за гор, он провозглашал с вершин своей кафедры: «и насылаю я воды потопа на землю», цитируя строки из Библии. Несомненный ужас для душ, которые боялись конца света и вечного ада.

Когда в ноябре «новый Кир» встретился с Савонаролой, событие было обставлено со всем возможным почтением, положенным рангу правителя: «Наконец, ты прибыл, о король! Ты прибыл как посланник Господа, как министр правосудия!» Карл, несомненно взволнованный и впечатленный, был увлечен Савонаролой в его покои. Никто не знает, о чем беседовали они тет-а-тет в течение часа. Возможно, флорентиец умолял француза о содействии в реформе церкви, которая погрязла в худших пороках. Сначала нужно было обратить Флоренцию, затем Рим (изгнав мерзкого Папу Александра VI Борджиа), а затем весь христианский мир и, в заключение, неверных. Общность интересов и веры фанатика-доминиканца и будущего освободителя Иерусалима… Нет сомнения, что король Франции был страстно религиозен.

Но одной веры было недостаточно. Необходимо, чтобы посланник Господа удостоил милости своего прощения жителей Флоренции. Последователь Савонаролы, священник Марсиль Фичино (Marsile Ficin), выступил с длинной речью, в которой нарек Карла VIII Rex Pacificus – король-миротворец, новый Карл Великий, которого так давно ждали. Он умолял короля даровать прощение народу, долгие годы жившему в грехе, оградить его от обещанной кары небесной.

Король Франции, несомненно потерявший голову от обилия хвалы и оказываемой ему чести, переполненный божественностью своей миссии, согласился на церемонию всеобщего отпущения грехов. Так «меч» сделался мирным. Для своей большей славы.

И для большей радости Анны Бретонской. Новый Кир, новый Карл Великий, Меч Господа! Какие хвалебные титулы! Можно понять, почему воображение 16-летней королевы было взбудоражено – ведь еще вчера подобное и не снилось. Честолюбивой Анна была всегда, но той осенью 1494 года ее восхищение достигло наивысшей точки. И ведь как все изменилось по сравнению с теми днями, когда обстоятельства вынудили ее к браку с королем Франции. Отныне она разделяла славу своего мужа, ее тоже опьяняли его успехи. Северная Италия, затем весь полуостров и – почему нет? – Европа лежат у ног Карла VIII. Каков поворот событий! Какой реванш для дочери

герцога Бретонского и наследницы Дома Монфор!

Гордость – без сомнения. Но не только. В признании Савонаролы, этого фанатичного человека Церкви, Анна видела ответ на свои многочисленные молитвы. Господь признал короля Франции человеком, способного очистить мир от скверны. Это же его величайшая цель – освобождение Иерусалима во главе нового Крестового похода. Вечная слава христианства.

Сияющий триумфатор, Карл считал себя чуть ли не новым мессией. Разве не означало это и конец проклятия, посланного на супругов? Так что Анна радовалась и с религиозной точки зрения, надеясь, что отныне она сможет родить мужу множество здоровых наследников, укрепив династию.

На Карл стяжал не только славу «нового Карла Великого», посланного Небом со священной миссией. Именно он оказался тем человеком, который открыл для Франции искусство Возрождения. Во Флоренции он оказался в окружении искусств, известных миру как «эпоха Кватроченто» (Quattrocento). Савонарола познакомил французского короля с известнейшим ученым своего города – Пико делла Мирандолла (Pico della Mirandola), который в 28 лет славился необыкновенной эрудированностью. Очевидно, что Карлу VIII было приятно встретиться с этим «принцем-гуманистом» до того, как он скончался 17 ноября 1494 года.

Впрочем, ни для него, ни для Анны веяния эпохи Возрождения не были таким уж новшеством. Оба имели склонность к искусству. Почему бы Карлу не вернуться было из своего похода, обогащенным новыми знаниями? Это только порадовало бы его королеву, воспитанницу графини де Лаваль, развившую в своей подопечной вкус и ум. Вся ее жизнь была – и оставалась – пропитанной культурой. Анну окружали книги, не просто богато украшенные, но и развивавшие ум.

Вскоре королева Франции получила и другие поводы для восхищения супругом. Из Флоренции король отправился в Рим, столицу Понтифика, где правил Александр VI Борджиа, на кого нацелился «Меч Господа». 31 декабря 1494 года Карл VIII вошел в Вечный город. На следующий день, 1 января, кардиналы Святого Престола принесли ему оммаж. Церковь была у ног французского короля! Пожалуй, слава Карла достигла своего зенита в этот момент – он стал даже могущественнее, чем Карл Великий, который никогда не бывал в Риме.

Правда, появлялась деликатная проблема: а что делать с Папой? Принять с благодарностью клятвы верности высших религиозных сановников, уже сделавших свой выбор в пользу француза? Это породит опасное соперничество с Папой.

Отказаться? К этому Карла склоняют скорее психологические причины, чем военные. Не стоило в открытую воевать с Александром, 7 января 1495 года удалившегося под крепкие стены замка Сант-Анджело под охраной своей личной гвардии из испанцев и нескольких итальянцев.

Хотя Карл и имел законное право на Неаполь и север Италии, хотя он вполне мог одолеть Папу Римского, известного своей распутной жизнью и, несомненно, заслужившего низложения (на что надеялся Савонарола и многие другие), французский король не выступал против Александра. Почему? Какие причины? Ответ прост: Карлу нужно было покорить центральную Италию перед отправлением на юг. Нужно помнить, что в те времена христианство не было пустым звуком, особенно для монархов, глубоко и по-настоящему верующих. Мало было получить корону в наследство, необходимо было и благословение Церкви. Лишь после этого король мог чувствовать себя настоящим сувереном.

С точки зрения военной Александр VI был бессилен. Однако как Папа он был всемогущ: стоя во главе Церкви, он располагал силами всех армий, всех дипломатов. Потому что он был Папой, потому что Европа была христианской, потому что фактически он правил миллионами… не считая монархов, правителей государств.

План Александра VI был прост: если Карл VIII применит силу к понтифику, тот выйдет к миру в папском одеянии с самыми священными реликвиями христианства в руках – головами святых Петра и Павла, покрывалом святой Вероники с изображением Святого Лика. Он напомнит пастве об основах основ их мира. Пусть униженный и побежденный, но Папа сможет пригрозить отлучением от Церкви королю Франции. Сила духовная против силы военной. Неравная битва…

Карл изучил степень риска. Его набожность, а также здравый смысл политика посоветовали уступить. Король начал переговоры с Папой. 11 января 1495 года компромисс был найден: Александр VI согласился на коронацию Карла в качестве короля Неаполя.

Все это заняло не более нескольких дней. Поэтому, к счастью, Анна не успела узнать об опасности, которой подвергался ее муж – отлучение от церкви! Медлительность почты сыграла свою роль – королева получила известия пост фактум, когда уже все вернулось на круги своя. Сколько изменений за столь краткое время! Во Флоренции Карл был принят в качестве «Меча Господа», в Риме же его душа находится под угрозой вечных мук. К счастью, худшего удалось избежать. Вздохнув с облегчением, можно было возрождать надежды, ведь Карл мечтал вступить во владение своим анжуйским наследством. Разве не обещал ему

поддержку Папа Римский?

Однако, французский король не торопился на юг. Он вел совершенно иной образ жизни, словно не было у него великой цели, словно не произошла размолвка с понтификом, грозившего ему вечными карами.

С необыкновенной энергией Карл взялся за демонстрацию своей религиозности. Бесчисленные посещения храмов, публичные молебны перед священными реликвиями, получение индульгенций для обеспечения безмятежного будущего его души и тела – все это превращало визит в Рим в грандиозное паломничество, предшествовавшим визиту в Священную Землю.

Савонарола принял Карла с почестями, Рим был в восторге от суверена – его любили, им восхищались. Не рассматривали ли Карла как нового императора, нового героя, более знаменитого чем его античные предшественники? Не размышлял ли сам король Франции о возрождении Рима, воссоединив античность с подъемом Церкви? Не желал ли он вернуть славу Вечному Городу, чтобы он доминировал над всем миром?

Да, Карл Римский! Анну очаровал этот герой новой легенды. Пусть их разделяли расстояния и горы, однако их объединяло нечто большее. Оба имели вкус к славе. С той поры, как Франция присоединила к себе Бретань, она стала одним из сильнейших государств мира. Анна всегда имела хорошо развитое чувство собственного достоинства и остро ощущала свое превосходство. А Карл взрастил в себе эти качества, доходя в мечтах до завоеваний – порой абсурдных, подобных миражу: Неаполь, Иерусалим… Анна обожала своего нового Цезаря, разделяя с ним его мечты. Обоих увлекала слава. И оба были невероятно набожны. Амбиции и религиозность тесно переплелись в их союзе.

И как могло быть иначе? Каждый раз, получая письма от мужа, Анна уединялась в своей комнате, подальше от Бурбонов, чтобы перечитывать в тишине послания Карла VIII. Он описывал богатства увиденных им городов – ей, которая так любила красоту, роскошь, наслаждения… Политика их разделила – а великолепие сблизило.

Сведения продолжали поступать. Анна узнала, что с 16 до 25 января Карл был гостем самого Папы! Выдающаяся честь, высокая привилегия, всегда приводившая верующих в восторг. Ее муж, едва помирившись с Александром VI, стал его официальным гостем! Несомненно, это свидетельствовало о величии французского короля, наконец-то он станет новым Карлом Великим (ведь имя его он уже носит!).

Из Рима Карл отправился в страну своей мечты – в Иерусалим! И его жена, та, что столь долго и старательно

отговаривала от этой «глупой авантюры», теперь тоже была опьянена дарами щедрой фортуны. Смущало лишь, что Папа, наобещавший столь многое Карлу VIII, почему-то медлил с выполнением своих обещаний. Анна, как и ее супруг, забыли о хитрости Понтифика.

Карл вступил в Неаполь. Новая победа, легкая: 25 января король Альфон Арагонский, соперник Анжу, отрекся от престола, несмотря на поддержку и протекцию могущественного короля Испании Фердинанда Арагонского. Половина успеха, поскольку желанная корона в тот момент Карлу не досталась – у отрекшегося короля оказался в наличии сын Феррандино, который вступил на престол под именем Ферранте II. Однако 21 февраля неаполитанцы с таким восторгом встретили прибывшего Карла VIII, провозгласив его освободителем от многолетней тирании Дома Арагон, что Феррате II был вынужден бежать.

Реальность становилась легендой. После первых побед на северо-западе последовал флорентийский триумф, римская благодать, затем была победа над двумя королями Неаполя – и всё это меньше чем за месяц! Король Франции сам ковал свою судьбу, следуя за мечтой. И Карл написал Анне, что задержится в летней резиденции королей Неаполя. Под восторги толпы он предстал перед ней тем, кого напророчил доминиканец Савонарола: подобием Бога на земле.

Впрочем, он вполне укладывался в рамки легендарных созданий – ангел и чудовище в одном лице. Опьяненный своим триумфом, Карл дал себе полную свободу в сексуальном плане, пристрастившись к изыскам Капуи. Население праздновало, а женщины легко падали к ногам победителя. Так что «новый мессия» отмечал свои победы разгульными оргиями… А примеру короля следовало и его окружение. Прекрасные неаполитанки с особым рвением занимались лечением ушибов и шишек участников этой славной экспедиции.

И тревога быстро омрачила дни радости. Французские войска начала валить с ног болезнь, до того еще не встречавшаяся в Европе. Без разбора поражала она всех подряд – и солдат, и офицеров. Даже король озаботился собственным самочувствием. Откуда же пришла эта болезнь, ошибочно называемая «неаполитанской»? (*речь идет о сифилисе). Впрочем, поскольку вспышка эпидемии совпала с приходом армии Карла VIII, сами неаполитанцы именовали заразу «французской болезнью». Прежде делившие радости разгульной жизни, теперь уже бывшие друзья обвиняли друг друга, не зная источника болезни. Но, пожалуй, можно с изрядной долей уверенности сказать, что разносчиками оказались моряки, недавно вернувшиеся из Нового

Света – после известного открытия Христофора Колумба в 1492 году, они захватили с собой и неизведанную эпидемию. А дочери радости сделали свое дело.

Очевидно, что обо всех этих излишествах, Карл не писал королеве. Резвясь в объятиях некой прекрасной Гасталлы, он сообщал жене, что чахнет без нее, что желал бы ее присутствия рядом… Лицемерие? Не совсем. Король получил известие о смерти новорожденной девочки – того ребенка, что ждала Анна, когда французские войска покинули Гренобль. Карл всегда был добр, и пребывая в роскошном чувстве опьянения и неги, смог издалека посочувствовать жене в ее горе…

В действительности же, он совершенно не сдерживал свои любовные порывы, едва покинул постель супруги. Во время своего триумфального шествия, он не отказывал себе в удовольствии собрать все сочные плоды, что попадались на пути. Не то, чтобы он совсем уже забыл о жене, но было так приятно пользоваться всеми радостями жизни, поскольку все чувственные порывы Карла легко удовлетворялись.

То, что так пугало королеву, когда она пыталась отговорить своего мужа от планируемой экспедиции, произошло. Вступив в мир любовных утех в столь раннем возрасте, Анна не могла не влюбиться в своего первого мужчину, – а он бросил ее, забыл. Как можно было стерпеть такое? Пусть Карл и отправлял регулярно письма – Анна хорошо знала фривольную натуру мужа, чтобы пребывать в иллюзиях. Приходилось утешаться посланиями и – за неимением лучшего – смириться.

Впрочем, Карл достиг желанной цели. 12 мая 1495 года Анна узнала, что ее муж был провозглашен королем Неаполя и Иерусалима. Наконец-то – желанная слава и окончание путешествия! Он возвращался во Францию!

Гордость королевы подпитывали все победы Карла, она восхищалась королем, однако не могла не заботься вопросом: каким вернутся ее муж из своей столь долгой экспедиции? За эти девять месяцев он был слишком поглощен итальянскими миражами, слишком многое произошло с ним после их последнего поцелуя. Как король изменился в Италии? Или – правильнее спросить – как изменили его итальянки? Не забыл ли он о своей любви к жене? Ни одно из многочисленных писем короля не могло успокоить душевное волнение восемнадцатилетней королевы, влюбленной, пылкой и лишенной мужа столь долго…

Однако все эти сомнения Карл рассеял одним простым жестом. В Лион, задолго до прибытия самого короля, привезли длинный обоз, высланный любящим супругом из Италии. Что же

там было? С волнением вчитывалась Анна в длинный список содержимого: это были подарки короля для нее! Все то, что она обожала! Гобелены, подобные тем, что украшали замок Бретонских герцогов в Нанте – но более многочисленные, более красивые, более великолепные. Всего 130 штук. Ковры, некогда украшавшие итальянские палаццио. Более 170 штук. И книги! 1140 томов ценного содержания и не менее ценного оформления. Все они были взяты из библиотеки арагонских королей. И тщательно отобраны – на тех языках, которые знала Анна: французский, латынь, иврит, а также греческий и итальянский. А еще мебель. Ведь замки Франции конца XV века не были слишком богато обставлены. Основное внимание уделяли обеденным залам и спальням, остальные же помещения практически пустовали. А тут прибыл целый обоз мебели, в том числе комоды, сундуки, изящно расписанные и украшенные резьбой.

А еще персонально для королевы: ценные ткани – шелка и бархат из Милана. Ведь она так любила заботиться о своей одежде! И ничто не могло быть достаточно восхитительным для этой женщины. Список подарков был дополнен произведениями искусства: картинами, написанными известными мастерами; скульптурами, которые носили название «Головы Неаполя», ими жители указанного города любили оформлять свои палаццио. Все эти сувениры наполнили душу Анны радостью и удовольствием, ведь ее вкус к прекрасному никуда не делся с тех пор, как она стала королевой Франции.

Говорят, что Карл VIII брал все подряд, сваливая в кучу все ценные вещи, найденные на завоеванных территориях. Однако можно высказать мысль, что он все-таки лично отбирал трофеи – слишком уж совпал его выбор со вкусом Анны Бретонской! В коллекцию попало все, что она любила. Строительные работы в Амбуазе завершались, пришла пора украшать интерьеры, чтобы они стали достойным жилищем для королевской пары.

Таковы были подарки любящего мужа жене, демонстрировавшие внимание и участие. Как будто король желал извиниться за что-то… Словно он хотел напомнить ей о своем скором возвращении, психологически подготовить, подогреть знаком любви и подчеркнуть свое расположение великолепием даров.

Анна немедленно отправила груз в Амбуаз. Теперь Карл мог поселиться в замке своего детства – и вести там роскошную жизнь, так впечатлившую его в Италии.

Впрочем, не стоит думать, что король занимался исключительно грабежами, чтобы обустроить свой родной замок. Скорее, эти «заимствования» понравившихся вещей

воспринимались им как подарки от радостных подданных. Даже беглый взгляд на подсчет трат, совершенных с момента отбытия в Италию, доказывает, что в основном французский король заплатил за все эти предметы роскоши, которые прибыли в Амбуаз.

В огромном количестве была закуплена мебель, среди прочего – сундуки, комоды и книжные шкафы «для удовольствия короля». Специально для Анны (и ее обеденного зала) приобрелся комплект из длинного стола со скамьей, сделанные из дуба. Не забыли и ее окружение. В списках видим шкафы для прислуги (2 штуки), деревянные кровати для ее фрейлин (2 штуки), стол для покоев мадемуазель де Монпансье (1 штука) и большая постель для двух врачей королевы. Все это показывает, что в конце XV века появляются намеки роскоши будущих королевских дворцов.

Как можно посчитать истинную стоимость великолепных коллекций оружия и исторических реликвий? Все оригинальные, очень древние, напоминавшие о начале и истории славной французской монархии: топор Хловиса, меч Дагобера, кинжал Карла Великого, шпага Филиппа Красивого. Одним своим присутствием в стенах замка короля они должны были напоминать о древности Дома Франции, его величии и достижениях.

Другие сувениры относились к прочим героям королевства – и символизировали прочность страны, пережившей самые тяжелые времена: топор Бертрана дю Гесклена, доспехи Жанны д'Арк. Так что трофеи нового завоевателя должны были занять почетное место в этом ряду…

В те времена одним из способов увековечить память об исторических событиях было вышить их на гобеленах. Высокие стены замка одевались этими тканными произведениями искусства, одно богаче другого. Из Турции, Фландрии и даже Франции прибывали богатейшие гобелены, покрывавшие белые камни стен. Все гобеленовые мастерские Турени работали день и ночь. Гийом Менажье (Guillaume Ménagier) привез из Тура великолепную «Историю Моисея», полностью вышитую шелком. А также достойны упоминания ковры, множество великолепных ковров, сделанных из турецкого бархата – ведь каменные полы также необходимо «одеть» в приятную для глаз и ног «одежду».

В обновленной королевской резиденции утонченность сквозила даже в мелочах. Покрывала из черного сукна были украшены вышитыми золотыми королевскими лилиями. Соответствовали им и наволочки, простыни и салфетки. На королевском столе присутствовала серебряная посуда, на кухне – оловянная. Везде сверкали драгоценные металлы, подчеркивая

блеск королевской короны. Главное, что привез из Италии триумфатор, – это блеск Возрождения. Сокровища утолили жажду Анны к роскоши. Оставалось лишь обнять супруга, чтобы стать полностью счастливой.

Тем временем Карл выдвинулся в обратный путь. В четверг 18 июня, в праздник Тела Господня, он вновь встретился с Савонаролой. Король исповедался этому знаменитому священнику, затем принял причастие из его рук, после чего они провели день вместе. Спустя пару дней, 21 июня, доминиканец произнес одну из своих пламенных проповедей, суммировав в ней пожелания флорентийцев к французскому королю, чтобы «было хорошо и их дружбе, и его королевству, и его душе». Карл слушал «с мягкостью», пообещав выполнить просьбу Савонаролы. А просил тот немногого: не оставлять французскую армию во Флоренции. Впрочем, для короля был важнее тот факт, что он получил отпущение грехов от проповедника, известного во всей Италии своей чистотой и твердостью в вере. Так чтопобедитель ощутил благословение Небес.

Итак, от Савонаролы к Александру VI, затем обратно к Савонароле – вот замкнувшееся кольцо путешествия Карла, предварявшее великую экспедицию в Иерусалим и завершившееся благословением Церкви!

Чуть позже Анна узнала другую новость, наполнившую ее новой порцией радости, гордости и восхищения. С 1 апреля 1495 года королю угрожала могущая международная лига, обеспокоенная его успехами. И вот Карл одержал великолепную победу над войсками лиги в битве при Форну (Fornoue). Снова и снова перечитывала королева отчет супруга об этом событии.

Король и его армия покинули Пизу, где – уже традиционно – были встречены с великим энтузиазмом. До Флоренции было рукой подать, когда на пути войска встала армия из 30 000 человек – отважных, свежих, полных сил. Они сгруппировались на правом берегу реки Таро, притока По, перекрыв французам путь до Пармы или Плезанса, а следовательно, и выход к Альпам. В ночь с 5 на 6 июля военный совет собрался в лагере Карла. Нельзя не учесть, что его силы состояли из 10 000 солдат, несколько утомленных десятимесячной экспедицией по полуострову. Однако Карл был уверен в успехе. Утром следующего дня они перешли через реку, расположившись на левом берегу, прямо перед армией врагов.

Разразилась жестокая буря, с небес обрушились потоки воды. Карл не сомневался: это знак его непременной победы. Ведь Савонарола предсказывал, что перед лицом нечестивых врагов, Господь возьмет его за руку и в итоге «честь ему останется» – что

это означает, как не победу? Разве можно было сомневаться в этом? Доминиканец, как и прежде Франциск де Поль, никогда не обманывал.

Ранним утром к шести часам король уже был на ногах. Выслушав мессу, в честь и славу Господа, он наскоро перекусил и с головы до ног облачился в доспехи, не забыв и о своём верном коне – черный, кривоглазый, тот носил кличку «Савойя». Маленького роста, Карл однако производил внушительное впечатление своим величием. Итак, он был готов. И полон нетерпения. С самого начала итальянской экспедиции у него до сих пор не было возможности покрыть себя славой на поле битвы, подобно своим знаменитым предкам. Так что король Франции, а с недавних пор – и Неаполя с Иерусалимом – жаждал этого священного действа.

Карл произнес пламенную речь, воодушевляя солдат перед боем. Над головами взметнулся баннер Святого Дени – покидавший Францию только для сопровождения королей в их крестовых походах. Тем временем Венецианская коалиция решила нанести первый удар по врагу. Их план был прост – жестокая атака, паника в рядах противника, истребление поверженных. Однако тот самый проливной дождь, что шел всю ночь, помешал армии лиги совершить быстрый переход по броду через воды реки Таро – воды вздулись, брод исчез под бурными потоками. Пока искали его, время было упущено, эффект неожиданности не случился. Но все же атака коалиции была проведена по всем правилам военного искусства. Однако к тому моменту Карл успел сгруппировать силы и встретить соперника как следует.

Подав воодушевляющий пример, он лично бился с врагами с настоящим неистовством. Так что не последняя заслуга победы принадлежала именно королю Франции. Несмотря на то, что он получил несколько ударов, отчего его забрало отвалилось от шлема, Карл продолжал энергично сражаться. И вражеские войска были вынуждены спешно отступать через реку, в великом беспорядке, что привело к жестокой смерти от мечей французов одних и утоплению в бурных водах реки других. План итальянцев потерпел неудачу, Карл VIII остался хозяином на левом берегу реки и сохранил свободным проход на север. Он не стал преследовать разгромленных врагов – его армия устала, в этом преследовании не было особенного смысла, так что можно было позволить себе поиграть в благородство. И 6 июля 1495 года стало днем личного триумфа французского короля, хотя и было потеряно в битве 4000 солдат (у итальянцев потери исчислялись в 3000 человек).

Разве не эту великую победу подсказывал Савонарола? Разве

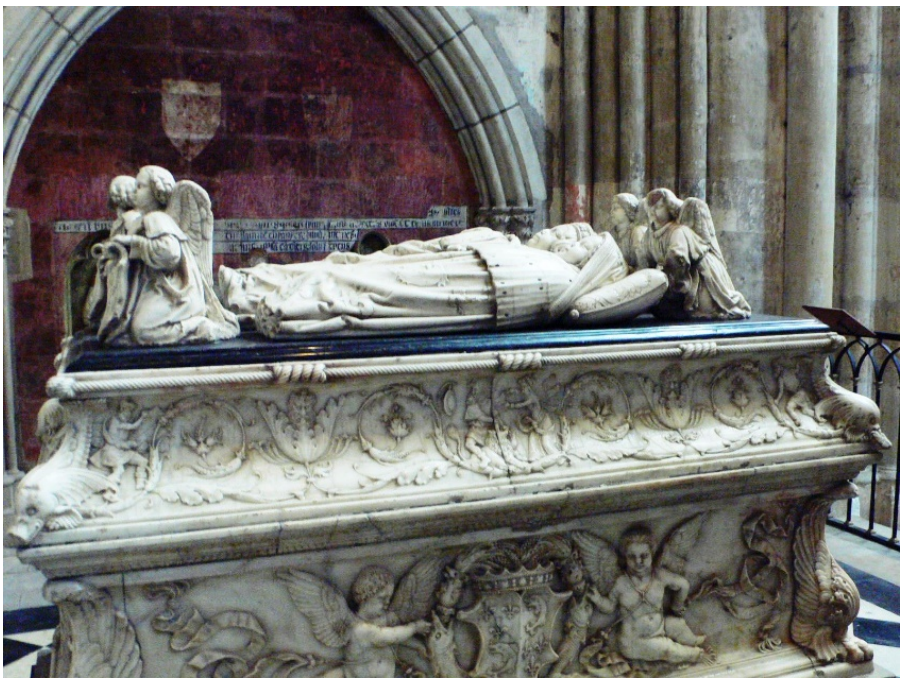
не означало это избранность принца? «Новый мессия», посланец Небес. Разве не был он подобен библейскому существу, явившемуся с громом и молниями посреди бушующих вод потопа? Чем было это наводнение, как не Божественным знаком? Господь отметил Карла – великий среди великих. Так что он действительно стал «новый Карлом Великим».

Все эти подробности воспламенили воображение Анны. Она ожидала встречи со своим супругом, которому исполнилось 25 лет. Среди пальмовых ветвей и лавровых венков она не желала видеть плохих предзнаменований. 6 июля Феррандино с помощью итальянцев отвоевал себе Неаполь. Но что для Карла эта маленькая неудача перед ликом сверкающей победы при Форну? Так что ничто не могло омрачить восторг королевы.

В субботу 7 ноября Карл прибыл в Лион, завершив свой 15-месячный поход. Лионцы вышли ему навстречу, организовав блестящий кортеж – герцог де Бурбон во главе, духовенство, главы города, дворяне. Обменявшись приветствием, процессия устремилась обратно за стены города, готового к празднованию. В честь короля были возведены триумфальные арки. По всему пути следования в сердце города были развешаны гербы с «императорским плющом». В дополнение к обычным королевским лилиям под короной были изображены символы нового владения Карла VIII – гербы Иерусалима.

Под приветственные крики народа король прибыл в сердце города. Его глаза были прикованы к Анне. Стоя на балконе дворца архиепископа, окруженная фрейлинами, рядом с герцогиней де Бурбон, она ожидала супруга, одетая в платье из золотой ткани. И единственное, чего сейчас желала королева, – это чтобы супруг всегда оставался рядом с ней…

Глава 6. Любовь Анны преодолевает легкомыслие Карла (1496-апрель 1498)



Тур. Надгробие детей Анны Бретонской и Карла VIII.

Недавняя переписка с Карлом, его роскошные подарки погрузили королеву в мечты о любви. Это был час праздника. Пара собиралась отправиться в Амбуаз, чтобы созерцать там все итальянские сувениры. К тому же, это возвращение означало и воссоединение с Шарлем-Орландом, который, должно быть, за время долгой разлуки вырос и изменился.

Однако радость воссоединения супругов была омрачена новостью об эпидемии, разразившейся в Турени – оспа или корь, пока не было ясно (историки склоняются, что это все же была корь). Обеспокоенный Карл VIII отдал приказ собрать врачебный консилиум. Оливье Лоран (Olivier Laurens), Бернар Шоссад (Bernard Chaussade), Жан Мишель (Jean Michel) и другие собрали почти что военный совет. После тщательных консультаций они поспешили заявить королю, что эпидемия, хотя и гуляющая по Турени, уже пошла на убыль и близится к концу. Успокоенный,

Карл отдал приказ как следует охранять ребенка и запретить любые контакты. Увезти же Шарля-Орланда из Амбуаза не решились, опасаясь, что смена климата плохо отразиться на его здоровье.

Так что тревога быстро сошла на нет, и успокоенная Анна писала гувернантке сына мадам де Буссьер (Bussières) послания с благодарностями за заботу. Да и последние сообщения из Амбуаза, которые королева могла продемонстрировать супругу, были полны успокоительных отчетов.

Однако несчастье разразилось. Несмотря на все принятые меры предосторожности, Шарль-Орланд заболел. 12 декабря его состояние вызвало тревогу у Франциска де Поля, который немедленно погрузился в неистовые молитвы, прося небеса излечить лихорадку крестника. Тщетно. Страшное послание прибыло в Лион 20 декабря: 16-го числа Шарль-Орланд умер в возрасте чуть старше четырех лет. Карл огорчился, поскольку предпринятые им меры охраны здоровья принца оказались напрасными, и династия вновь под угрозой. Однако благодаря природному оптимизму, король довольно быстро утешился: у него ещё будет наследник, благодаря Анне. А вот королева очень тяжело переживала эту утрату. Ее первенец умер – а ее даже не было рядом с ним в этот момент. Отчаяние королевы было столь велико, что окружение даже опасалось за ее душевное равновесие.

В конце XV века лучшим средством от депрессии считались развлечения и праздники. Потому Карл организовал пышный бал, на котором перед печальной Анной танцевали молодые сеньоры в парадных одеждах.

Несмотря на траур, королева была обязана присутствовать на празднествах. Особенно задело ее поведение Луи Орлеанского, который был бестактно весел и беззаботен. Анна возмущалась до глубины души, видя в легкомысленном поведении герцога провокацию – ведь после смерти ее сына он вновь стал официальным наследником трона. Королева настолько явно высказала свое неодобрение, что Луи пришлось покинуть двор – то ли по приказу, то ли из предосторожности – и удалиться в свой замок в Блуа.

Не слишком много судьба выделила Анне времени на счастье после возвращения Карла VIII. Да, муж ее вернулся, но сын покинул навсегда – и ей казалось, что вновь вернулись трудные времена ее детства.

Конечно, король был рядом. Но могла ли она теперь рассчитывать на него, на все его обещания и любовные признания. Складывалось впечатление, что пылкая страсть Карла

была лишь кратковременным увлечением юноши, воспламеняющегося при виде любой юбки. Какое же унижение для королевы, остававшейся в одиночестве по ночам, знать, что ее супруг веселится где-то в компании самых прекрасных дам Лиона! И уж совершенно не сомневалась она в том, насколько распутен был ее супруг в Италии. Часть его подвигов не имела никакого отношения к военным и политическим успехам. И измены продолжались… Что могла поделать Анна? В течение первых двух лет своего брака она смогла удержать внимание короля – обольщением, смехом, слезами, но она добилась тогда всего. А теперь Шарль-Орланд исчез, Карл отдалился, и она была одинока и забыта, совсем как в ужасные годы франко-бретонской войны…

Конечно, Карл не желал причинять боль своей юной супруге, склонный по своему характеру вообще избегать всяких проблем. Так что он старался не слишком афишировать свои похождения перед женой.

Когда он отправился в Амбуаз в марте 1496 года, его главной целью было ускорить продвижение работ, акцентировав внимание архитекторов на том, что замок должен получиться шедевром, достойным королевы. Итальянские сокровища, предназначенные Анне, уже прибыли. Поскольку она любила роскошь, то в очарование и блеск Турени могли бы помочь королеве забыть легкомыслие супруга. Поэтому по прибытию в Амбуаз летом 1496 года, Анна нашла там все доказательства преданности короля.

Строительные работы проводились под управлением главного каменщика Раймона де Дезес (Raymond de Dezest), под чьим началом были Колин Бьяр (Colin Byart), Жийом Санол (Guillaume Sanault) и Луи Арманжеар (LouisArmangeart). Из Италии Карл VIII привез многочисленных художников и мастеров своего дела – именно с прицелом на реставрацию Амбуаза. История сохранила их имена: архитектор Доминик де Кортон (Dominique de Cortone), ставший позднее известным под именем Боккадор (Boccador); инженер, Венитьен Фра Джакондо (Vénitien Fra Giacondo); скульптор Гвидо Мадзони (Guido Mazzoni), известный как Паганино (Paganino); столяр, в совершенстве владевший искусством инкрустации, Бернандино де Брескья (Bernandino de Brescia); ландшафтный дизайнер Дом Пачелло (Dom Pacello)… Как французы, так и итальянцы, без устали трудились над приданием особенного шарма французскому замку.

Были возведены роскошные покои для королевы, которые позже получили название «Семь добродетелей» – в признание личных достоинств Анны. Рядом с ними протянулись вдоль

Луары апартаменты короля – с окнами, выходящими на юг. Этот ансамбль вписывался в высокий каменистый мыс реки, удлиненный феодальным донжоном, и сочетал в себе как свидетельства прошлого, так и современные веяния в строительстве, превратившись в удобную резиденцию для королевской четы. Помимо зала королевского совета, где при необходимости вполне можно было собрать все правительство для решения насущных вопросов, были и другие апартаменты, предназначенные для приемов и праздников. Все для короля, все для королевы, все для роскошной жизни двора… И над всем этим господствовал великолепный пейзаж, спокойные воды Луары способствовали душевному спокойствию, даря ощущение полной безопасности.

В этих работах французская традиция строительства уступила итальянской. Изначально, поскольку перестройка началась задолго до Великой Авантюры, в 1492 году, в плане были исключительно устоявшиеся архитектурные традиции. Изменение генеральной концепции отразилось больше во внутреннем убранстве замка. Со стороны Луары, на севере, добавили галерею, позволявшую сеньорам и принцессам любоваться пейзажем, оставаясь под крышей.

Из своего детства Анна принесла любовь к садам. В Нантском замке бретонских герцогов в часы печальных раздумий она уходила в цветники, ухаживая за растениями. Король же со своей стороны был полон воспоминаний о великолепных неаполитанских садах, где ароматы цветов витали над фонтанами и большими прудами. Скопировать Италию? Перенести ее в Амбуаз? Вряд ли это было возможно, ведь замок располагался на возвышенности, подземные воды находились на довольно большой глубине. Но Дом Парчелло, этот великий садовник, знал, как сотворить чудо.

Он спроектировал между двумя жилищами королевской четы великолепную садовую композицию, выдержанную в идеальных традициях французского садоводства XV века: закрытый прямоугольник с цветниками той же формы, окаймленные ящиками с фруктовыми деревьями – яблонями и грушами. Однако Парчелло был итальянцем – это подразумевало человека вкуса и решимости. Он добавил в дизайн апельсиновые деревья, полагая, что эти растения прекрасно акклиматизируются под солнцем Долины Луары. По периметру сада стояли раскрашенные решетки, гармонирующие с цветниками. Начал он и возведение фонтана со статуями, дав простор для творчества резчиков по камню.

И еще одно новаторство предложил король. Пожелав, чтобы

всадники могли въезжать на террасы замка из города не спешиваясь, он приказал сконструировать в двух больших башнях огромные винтовые скаты. Безумный проект, ибо в 1496 году подобных сооружений не существовало. Какая смелость!

Помимо всех сокровищ, привезенных из Италии, Анна желала получить и простой знак любви. Конечно, богатства – это приятно, но ей хотелось немного другого. Однако Карл продолжал демонстрировать свое внимание щедрыми дарами. Помимо итальянских мастеров королеву окружало множество людей, чьей задачей было почитать и обслуживать ее. Как иначе объяснить то неимоверное количество вышивальщиц, портных и парфюмеров при дворе? Ведь Анна так любила платья и ароматы, подобно своему отцу Франциску II. Возвели и великолепный орган, потому что бретонка с детства обожала музыку (больше, чем Карл). И даже особый дар – чёрный как ночь негр Джеронимо, раб, в чьи обязанности входило присматривать за попугаями. Ведь страсть Анны к животным, особенно к собакам и птицам, была хорошо известна.

А между тем король все больше отдалялся от жены. 12 марта 1496 года Карл отправился в Лион, явно притягивавший его чем-то. Прибыл он туда 19-го числа. Анна не собиралась оставаться в одиночестве в Амбуазе, этом роскошном замке, создающим иллюзию внимания мужа. Она отправилась вслед за ним, нагнав в Роане (Roanne), дабы сообщить радостную весть – она вновь беременна (в пятый раз). Ведь Карл, со времени смерти Шарля-Орланда, так желал наследника, что даже оказал несколько раз супруге честь своим посещением. И теперь Анна надеялась, что любовь возродится.

Радость! 8 сентября королева родила сына. Новый дофин получил имя своего отца, уже прославившееся – Карл. Ребенок родился живым – у династии Валуа вновь был наследник. Увы! Меньше чем через месяц, 2 октября, новорожденный скончался. Родители были в отчаянии. Мать погрузилась в слезы, король задумался над неблагосклонностью судьбы.

Анна надеялась удержать мужа, по крайней мере, в последние месяцы ей это удавалось, но увы – сразу после церемонии очищения королевы, Карл уехал в Лион. Там он надеялся найти душевное спокойствие, тем более, что в этом городе его ожидала любовница, привезенная из Италии. Прекрасная Гасталла (Guastalla) щедро одаривала короля своими чувствами, возвращая ему радость жизни. Впрочем, не она одна. Ветреный король Франции уделял внимание и самым прекрасным жительницам Лиона. Королевскими оргиями он утешал отчаяние

отца, потерявшего сына…

Анна сохраняла лицо. Карл уехал? Вскоре она отправилась за ним. 24 ноября супруги вновь были вместе. Более того, в их отношениях наблюдалась некоторая гармония. Судя по всему, королева просто смирилась с непостоянством мужа, тем более, что он с одинаковым пылом изливал свои чувства и на нее, и на своих пассий. А у Анны было неоспоримое преимущество перед всеми прочими дамами Карла – и вскоре она вновь была беременна. Это не утихомирило пыл короля – известно, что с лета 1497 года он гораздо чаще находился на юго-востоке страны, чем в Амбуазе, рядом с королевой. В конце лета родился третий ребенок четы, Франсуа, новый дофин Франции. Увы! Вскоре после рождения смерть забрала и его.

Это был самый мрачный период в жизни Анны: муж в отсутствии, трое детей умерли в течение восемнадцати месяцев, она в одиночестве, хотя и в роскошном замке. Однако надо отдать ей должное: она сделала все, и чтобы вернуть Карла в свою постель, и чтобы удержать своих детей в этом мире. Перед королевой прошли тысячи кормилиц (большинство из Бретани), чтобы была выбрана самая лучшая, самая крепкая, с самым питательным молоком. С другой стороны, были и молитвы Франциска де Поль, которые он возносил к небесам для здоровья детей Анны. Она не знала, что еще можно было сделать – и обратилась к третьей стороне.

В Бретани всегда были сильны суеверия – а Анна была дочерью своей страны. Поэтому ее сундук был забит амулетами, призванными отвратить злой рок: четки из халцедона и яшмы, гийенское экю, завернутое в бумагу, мешочек из золотой ткани, в котором хранился кусок черного воска рядом с языками змей. Магия – бессильная и бесполезная…

Что же стало причиной несчастий, постигших королевскую пару? В ту эпоху мог быть только один ответ на данный вопрос: кара небесная. Анна и Карл поженились без разрешения церкви, соответственно, проклятие не замедлило пасть на их головы. Все дети от этого брака должны были умереть. Это мнение разделяли все, в том числе лучшие умы эпохи – например, хроникер Коммин (Commynes). Анна страдала не только как мать – ее ужасала мысль о своей грешности. Маленьких жертв королевского союза похоронили в одной могиле, прекрасный белый мрамор украсил надгробие в соборе Тура.

Что оставалось королеве? Очарование Амбуаза могло ненадолго отвлечь, ведь Анна так любила замки и красивые вещи. Ренессанс вошел в ее дом во всем своем великолепии – как она и мечтала совсем недавно. Вокруг были лучшие мастера,

трудившиеся в ее честь. Но нужны ли были эти изысканные апартаменты ей теперь, когда король все больше отдалялся от нее, предпочитая общество дам, несомненно, более красивых и более легкомысленных. Замок для одинокой королевы…

Хуже всего то, что король был одержим мыслью о новом итальянском походе. Несомненно, военные успехи вернули бы ему равновесие духа. К тому же еще в ноябре 1495 года, вскоре после возвращения в Францию, Карл получил дурные вести из недавно приобретенных территорий: вице-король Неаполя Монпансье (Montpensier), оставленный на хозяйстве, как выяснилось, подписал проект капитуляции. И ситуация не улучшалась – уже 20 июля 1496 года он подписал еще один акт, после чего от французской армии на полуострове ничего не осталось. Максимилиан, Фердинанд, итальянские союзники поднялись против Карла VIII. Французский король рвался обратно в Италию, в бой – но все его отговаривали, ибо нельзя было покидать государство, не обеспечив себя наследником. Тем более, что новая экспедиция была бы рискованнее и опаснее первой. А если король, не дай Бог, погибнет…

Как следствие – упрямое желание монарха обеспечить себя сыном и постоянные беременности королевы. Как следствие – уныние и страдание Анны после каждой неудачи и досада Карла, что он не может отправиться защищать свои завоевания. В октябре 1496 года известие о смерти политического соперника, Феррандино, немного утешило короля в его семейных разочарованиях. Впрочем, утешение мимолетное и эфемерное, поскольку трон Неаполя тут же занял дядя покойного, Фредерик, а остатки французской армии не смогли удержать его от этого. Временное перемирие спасло армию от катастрофы и дало отсрочку Карлу, как раз ожидавшему рождения сына Франсуа. Но мальчик умер, а король никак не мог больше ждать, опасаясь (и не без оснований) потерь своих территорий на итальянском полуострове. Война оказалась важнее любовных авантюр для этого 27-летнего мужчины. И не важнее ли династии и юной супруги?

Фактически, итальянский мираж захватил воображение Карла, мечтавшего о новой славе, о новой силе. Он вновь бредил идеями нового крестового похода против турок. И ничто не могло отвратить его от этого проекта, ведь король был сам себе господином. Даже спешно сформированная семейно-политическая коалиция не помогла, хотя парламент Парижа, Анна де Бурбон и королева дружно умоляли Карла отказаться от новой авантюры. Две дамы, прежде столь непримиримо воевавшие друг с другом во времена Бретонского противостояния,

сейчас объединились, приводя политические и семейные аргументы против итальянского похода. Тщетно.

Однако чудо все-таки свершилось. Летом 1497 года Карл сблизился со своей женой настолько, что отказался от разгульной жизни, которой столь долго посвящал себя. Этот любитель телесных удовольствий и доступных женщин, этот великий завоеватель женщин вдруг стал целомудренным и скромным. Его окружение не могло поверить в это, объясняя перемены мимолетным разочарованием, усталостью или пресыщением. Однако прихоть не проходила, напротив, Карл все глубже погружался в свое благочестие. И вскоре все поверили в чудесное перевоплощение и даже приводили примеры подобных смен жизненных принципов у предшественников короля, не слишком вдаваясь в причины. Однако эти причины очевидны. Карл намеревался следующей весной предпринять новый поход в Италию; все дружно его убеждали не покидать Францию, пока не обеспечит страну здоровым наследником; тогда король резко изменил свою жизнь. Что это было, как не желание снять божественное проклятие со своего рода? Разве не являлось это верой в то, что молитвами и праведной жизнью можно убедить Господа сменить гнев на милость и простить столь искренне раскаявшегося грешника? Определенно, Небо умерит свой гнев и одарит Валуа наследником! Ну а потом суверен сможет со спокойной душой и чувством выполненного долга пересечь Альпы – совсем как во времена Шарля-Орланда – а там и до возвращения прежней жизни недалеко. Все это выглядит некоей сделкой с Господом, заключенной на время, необходимое для успешной беременности Анны и рождения наследника. А потом…

В общем-то Карл мог бы удовлетвориться паломничеством и молитвами – обычная практика у его предшественников, когда они решали обратиться за помощью к Небесам. Его собственный отец, Людовик XI, поступал также. Предчувствуя скорую кончину и испытывая страх перед загробной жизнью, он удалился в Плесси в компании отшельника Франциска де Поль, чтобы тот помог с переходом в райские кущи. Однако молитвы, мессы и исповеди не могли помочь, как мы видели это в случае с Франциском II. Религию сильные мира сего воспринимали как необходимость или возможность сделки с Господом, но не делали ее центром своего существования. А вот Карл VIII попытался вступить именно на эту стезю. Коммин свидетельствовал в своих хрониках – король действительно желал жить в соответствии с заповедями церкви, а не просто демонстрировал внешние признаки благочестия. Более того, Карл хотел изменить и существующий порядок в доме Господа. Известно, что в те

времена нравы были в упадке – в том числе и у церковников, имевших любовниц и детей. Что уж говорить о простых прихожанах, которых уже не пугала кара небесная. Служители храмов превратили религию в коммерческое предприятие, торгуя своими услугами. И вот Карл VIII возжелал остановить эти безобразия, вернуть исконную чистоту. В его планах было отправить епископов двора по своим епархиям и заставить быть образцом для своей паствы. И это вчерашний ловец юбок! Кроме того, примеру короля должны были последовать всего его веселые собутыльники! Вот уж непростой поворот в их жизни! Замок, построенный для удовольствия, должен превратиться в хижину отшельника. Вряд ли у кого возникнут сомнения, что в тот момент популярность короля среди знати сильно пошатнулась… Вот почему его вновь активно начали отговаривать от глупой экспедиции… Однако Карл оставался непоколебим: если смог измениться он – смогут измениться и остальные!

Все это напоминало времена, когда Савонарола объявил Карла «мечом Господа», вещая о своих надеждах направо и налево. Однако тогда французский король не изменил своих распутных привычек. Что же побудило его к переменам именно сейчас? Вряд ли до Карла дошел смысл проповедей доминиканца – все-таки прошло уже два года. Молитвы Франциска де Поля? Вряд ли, ведь никогда раньше они не действовали столь реформаторски на королевский разум. Оставалось влияние королевских исповедников – Жана де Рели (Jean de Rély) и Лорана Брюно (Laurent Bruneau), уж они-то имели возможность воздействовать на разум и душу короля. Однако и это сомнительно, ведь все окружение Карла оставалось неизменным – и Франциск де Поль, и его исповедники. Нет никакого объяснения внезапным переменам в натуре вчерашнего распутника, кроме одного – Анна.

Несколько лет она жила ожиданием и надеждой – наконец это свершилось летом 1497 года. За прошедшие пять лет Анна уже примерила на себя множество ролей – любимая женщина, брошенная женщина, жена короля, мать принца. Сейчас ей было двадцать, и она хотела жить, реализовав свою мечту: иметь мужа, детей, семью. После всех этих разочарований, погасших надежд, бесконечных траурных церемоний – получить настоящую жизнь за красивым фасадом своего дома.

Надо сказать, что королева прилежно исполняла возложенные на нее обязанности. За прошедшие годы она была беременной семь раз! И результат – трое детей, трое сыновей, умершие вскоре после рождения. Летом 1497 года Анна вновь беременна, возможно, в последний раз – ведь новая авантюра

Карла не была уже увеселительной прогулкой. Вся Европа объединилась против него: Максимилиан, ее бывший номинальный супруг; Фердинанд Арагонский, после открытия Нового Света ставший императором огромных территорий; итальянцы и прочие. Экспедиция, в которую Карл собирался отбыть в апреле 1498 года, не обещала быть легкой. Более того, он мог найти там свою смерть! И Анне нужен сын, которого она смогла бы вырастить, даже если Карла не будет в живых.

Что мог сказать король своей заплаканной супруге на ее настойчивые аргументы? Ведь он сам дал бретонке повод высказать упреки, обвинения с досадой молодости. Он был слаб. Он любил Анну. Он хотел сына – и для себя, и для короны. Ведь новый «Карл Великий» никак не мог остаться без наследника мужского пола. А Анна продолжала сыпать соль на рану. Да, он был «мечом Господа» – но в прошлом! Да, он был надеждой Франции – но смог дать ей только бастардов. В настоящем же он был никем, обманувшим самого себя. А ведь сколько добрых советов давали ему и Савонарола, и Франциск де Поль, и Рели, и сама Анна. А теперь все беды обрушились на дом короля Франции – и исключительно по его собственной вине!

Возможно, именно эти слова Анны и стали поворотными в судьбе Карла VIII. Именно после них он решил вернуться на путь истиной добродетели, довести до конца миссию, возложенную на него Савонаролой – быть слугой Господа. Однако перед совершением этой славной миссии он выполнит свой долг перед страной, оставив ей наследника. И конец этого жаркого лета 1497 года оказался поистине счастливым для Анны, вновь ставшую единственной возлюбленной для своего мужа. Да, возможно, он скоро уедет, исчезнет подобно миражу, но пока супруг находился с ней рядом. Их любовь, обращение Карла к благочестивой жизнью помогут Небу смирить свой гнев – и пара получит наконец наследника.

Так что велика вероятность, что именно Анна сыграла главную роль в превращении супруга. И Карл уступил… Пара отметила Рождество в Амбуазе. В честь королевской четы были разыграны праздничные мистерии в покоях короля и «Семи добродетелей». Однако торжества не были пышными – опасались преждевременных родов. 19 января 1498 года Анна собрала лучших врачей королевства, после чего удалилась в Плесси – традиционное место рождения королевских детей. Казалось, что тревоги напрасны и все шло хорошо. Успокоенный, Карл смог отправиться в Мулен, где продолжил заниматься приготовлениями к отъезду в Италию. Он не так уж долго пробыл вдали от супруги, т.к. 1 марта уже вернулся в Турень, совершив

спокойное и неторопливое путешествие. Прибыв в Амбуаз, Карл получил тревожные новости: Анна известила его о приближающихся родах, раньше намеченного срока. В течение трех дней, с 17 до 20 марта, между Туром и Амбуазом шла оживленная переписка, полная беспокойства короля за здоровье жены и наследника: он желал знать все, что происходило в Плесси.

20 марта пришло известие о начавшихся родах. Девочку назвали Анной, в честь матери. Малышка умерла почти сразу – 23 марта. Королева в знак глубокой скорби сделала пожертвование в Сент-Ларме-де-Вандом (Sainte Larme de Vandôme). Король был в печали: новая смерть, плохое состояние жены (и физическое, и моральное), отсутствие дофина погрузили его в удрученное состояние.

Горьким стало воссоединение в Амбуазе, где супруги провели несколько дней бок о бок, утешая друг друга. Очередная семейная катастрофа еще больше сблизила их. С 31 марта до 7 апреля Карл и Анна были вместе, проявляя участие и нежность.

7 апреля Карл предложил королеве немного развеяться, пригласив ее посмотреть на игру в мяч (paume). Площадка располагалась во рву, между апартаментами королевы и донжоном. Анна, еще слабая, согласилась сопровождать мужа, который (по свидетельству очевидцев) изо всех сил пытался угодить ей. Путь, по которому шли король и королева, был не слишком удобен: они миновали покои "Семи Добродетелей", осторожно спустились по винтовой лестнице и проследовали по узкому полуподвальному этажу. Затем вновь поднялись по другой лестнице, и Карл – несмотря на свой небольшой рост – сильно ударился о низкую балку двери, больше испугавшись, чем поранившись. Чета продолжила свой путь до трибун, где наблюдали за игроками. Карл, очевидно, не ощущал никаких неприятных симптомов. Он любезно беседовал то с одними, то с другими придворными. Более чем когда-либо полный благоговейного смирения, он общался со своим исповедником, Жаном де Рели, обещая ему отныне никогда не совершать смертных грехов (по возможности) и незначительных прегрешений. Произнеся эти несколько слов, суливших королю небесное блаженство, король упал на землю и остался неподвижен. Было 2 часа пополудни.

Объятая ужасом при виде внезапно рухнувшего на землю мужа, Анна вскочила и закричала, словно стараясь вырвать его из лап смерти, поддержать в нем искру жизни. Однако ее слезы и крики не помогали – Карл не двигался, не говорил. Чтобы положить конец мучительному зрелищу рыдающей женщины,

чтобы позволить врачам приблизиться к королю, Анну пришлось увести силой в покои, невзирая на ее протесты. Однако самого Карла уносить не стали, лишь переложили его на простые носилки, оставив на том же месте, где он упал. Король оставался там в течение почти девяти часов, практически не приходя в сознание. Трижды с его губ срывались обрывки фраз: призыв на помощь и обращения к Господу и Деве Марии. В 11 часов вечера того же дня – 7 апреля 1498 года – сердце Карла перестало биться. В 27 лет он скончался от апоплексического удара, спровоцированного ударом о дверную балку.

После того, как супруг потерял сознание, Анна погрузилась в глубокую скорбь. Когда она узнала печальную новость – возможно, она ее ожидала услышать – отчаяние ее не знал границ. В ранней юности она потеряла одного за другим всех членов своей семьи – мать, отца, сестру. Потом в течение нескольких лет похоронила детей. И вот судьба нанесла ей еще один сокрушительный удар – умер единственный мужчина, которого она любила. На целые сутки Анна погрузилась в состояние прострации. В покоях с запертыми ставнями, в полном одиночестве, она просидела в углу своей комнаты на полу.

Ее состояние вызывало беспокойство у окружения. На следующий вечер после рокового дня кардинал Брисонне (Briçonnet) попытался успокоить королеву, воззвать к ее разуму. Войдя в покои, он нашел Анну в том же положении, заливающуюся слезами. Но все же рассудок ее не помутился (чего, очевидно, уже опасались), кардиналу удалось немного успокоить молодую вдову и даже уговорить ее поесть. И тут Анна вполне осознанно сделала заявление: она не будет облачаться в традиционные для французских королев траурные одежды белого цвета – она наденет черное, как это принято на ее родине, в Бретани. И эта маленькая революция была встречена молчаливым согласием, как бы ни было шокировано окружение…

Никто не знал, как рассеять ее горе. 11 апреля внимательный наблюдатель написал: «Королева продолжает убиваться, ничто не может утолить ее горе». В течение нескольких дней она не желала никого принимать, не хотела слушать доводов рассудка, не собиралась успокаиваться. Луи Орлеанский, новый король, способен ли он утешить ее? Он находился в замке, но не мог встретиться с юной вдовой, погрузившейся в свое отчаяние.

Тем временем начались похоронные церемонии. Бурдишон (Bourdichon), известный художник и глубоко религиозный человек, снял посмертную маску с лица Карла. Тело уже было выставлено с подобающей пышностью, облаченное в богатые одежды из тафты и черного бархата. Королева выдала принцам и

принцессам из своего окружения отрезы черного шелка и шерсти с приказом сделать траурные одежды.

Когда 1 мая траурный кортеж выдвинулся в путь, за ним следовало почти 8000 человек, принося последнюю дань покойному королю. Кардинал Люксембургский совершил торжественную службу захоронения, в толпе слышались рыдания. Карл VIII был предан земле в аббатстве Сен-Дени, возле могилы Карла Великого, окруженной основателями французского королевства. Однако сегодня нужно постараться, чтобы заметить скромную надгробную плиту, вмурованную в каменный пол церкви.

Чтобы увековечить память супруга, Анна поручила Гвидо Мадзони, одному из тех талантливых художников, кого Карл пригласил из Италии, возвести великолепную могилу, более роскошную, чем прочие. Карл должен был предстать таким, каким знала его Анна при жизни: смиренно обращающимся к небу. Пожалуй, эта последняя дань королю, желавшему внести во французское искусство свежую струю Возрождения, была для него высшим комплиментом.

Вот так, трауром и отчаянием, завершился второй эпизод в жизни Анны Бретонской. Ей был 21 год. Гордая королева, выданная силой замуж в возрасте 14 лет, она познала – после многочисленных страданий и предательств – счастье совершенной любви к мужчине, который, казалось бы, не мог вызвать у нее ничего, кроме раздражения и отторжения. Однако искренность первой любви помогла закрыть глаза на прошлое, завоевать сердце легкомысленного принца. Первая любовь оказалась до гробовой доски. Что же осталось у Анны в начале апреля 1498 года, сразу после смерти мужа? Она ничего не имела во Франции, кроме титула «вдовствующая королева». Но стоило ли цепляться за него? Только боль и отчаяние. И Бретань… Корни родной земли заговорили в ней, когда она, отринув все французские обычаи, оделась в черное в знак скорби. Она не была больше французской королевой. Она стала просто бретонкой, оплакивавшей потерю любимого человека.

Глава 7. Анна, вновь королева? (1498)

Лош. Выставка, посвященная Анне Бретонской.

Анна находилась в прострации – необычное состояние для этой энергичной женщины. Ведь в течение своей короткой жизни она всегда смело встречала лицом к лицу все многочисленные трудности. Может быть, она опустила руки перед новым

несчастьем?

Однако герои никогда не сдаются – и Анна взяла себя в руки. Да, она предавалась отчаянию в первые дни после кончины супруга, но с этим было покончено. Нужно подумать о будущем. В двадцать один год она не собиралась быть мертвой королевой. Когда первый шок прошел, Анна приступила к размышлениям о собственной судьбе. О чем она могла подумать в первую очередь? Конечно, о Бретани. Ведь несмотря на все старания Карла, она так и не стала француженкой, оставаясь глубоко преданной своей земле. Один только пресловутый чепец, который она носила всегда, даже в годы роскошной жизни в Амбуазе, мог продемонстрировать всю преданность бретонки оставленной родине. А ведь этот наряд выглядел немного странным при королевском дворе. Но Анну это не заботило.

Бретань… Ей оставалась Бретань! Немного сентиментально, но и юридически правильно. При составлении гнусного брачного контракта, по условиям которого ее фактически вынудили подарить свою страну французскому королю, советники Анны смогли вставить в него важный пункт: в случае, если Карл VIII умрет раньше своей супруги, то все права на Бретань возвращаются к ней в полном объеме. И вот сейчас Анна могла воспользоваться этим пунктом договора – а ведь несколько лет назад никто не верил в возможность смерти французского короля, молодой муж был тогда полон сил и, несмотря на внешнюю хрупкость, крепок. Так великое несчастье апреля 1498 года помогло Анне Бретонской вернуть потерянное состояние. Одна эта мысль воодушевила ее. Возвращение любимой страны компенсировало боль потери любви.

Анна возродилась: полноправная правительница Бретани, она собиралась управлять герцогством, как прежде ее отец, Франциск II. Но всё же обстоятельства изменились. Многочисленные испытания, перенесённые Анной, закалили её. Она уже имела опыт королевского правления. Ей исполнился двадцать один год. Она уже не ребенок – женщина, вдовствующая королева.

Бретани больше не угрожало вторжение. Фактически присоединенная к Франции Карлом VIII, она вот уже несколько лет рассматривалась французским правительством как подчиненная земля. Оставалась одна проблема: а что если Анна, вернувшись на свои земли, вновь начнет политику своих предков Монфоров, если она вновь поднимет армию против Франции? Нужно заметить, что брачный договор Ланже предусмотрительно включал в себя следующий пункт: в случае, если Карл VIII скончается раньше своей супруги и не оставит наследника, то она должна будет выйти замуж за преемника французского короля. То

есть новый король Людовик XII был обязан жениться на вдове Карла, чтобы ликвидировать опасность нового бретонского восстания. Однако на момент своего восшествия на престол Людовик оставался женатым мужчиной. Значит, в дело вступал следующий наследник короны – и на сцену выступил трехлетний Франсуа Ангулемский. Но Людовик не желал Анне подобной судьбы. Он решил иначе, и это решение ясно дает понять Анне, какое будущее ей уготовано: ей разрешено вернуться в Бретань, на время; затем она должна будет выйти замуж за Людовика XII – рано или поздно он разведется со своей физически неполноценной супругой и будет свободен для нового брака.

Все для Франции… Однако на первое место Людовик ставил спокойствие Анны, ни к чему не принуждая ее немедленно. Кажется, что выбор лишь за ней – и что же она предпочтет: Бретань или Францию? Чувства, несомненно, склоняли ее к первому, тем более, что никто не давил на нее.

После неудачной попытки поговорить с Анной сразу же после смерти Карла VIII, Людовик отступил, обменявшись с ней лишь несколькими осторожными словами – он пообещал устроить покойному королю грандиозные похороны. Не промах ли это – так подчеркивать достоинства своего «соперника»?

Ожидая своего возможного будущего в качестве вновь королевы Франции, Анна тем не менее устремила свои взоры на родные земли, ибо они уже были в ее руках, а уж она сумеет позаботиться о Бретани. Тем более, что она обладала реальными возможностями для этого, несмотря на все шаги, предпринятые Карлом VIII для усмирения покоренной территории. А их было немало.

Воспользовавшись своей военной и политической победой, французский король – забыв о своих же обещаниях – позаботился о том, чтобы оставить французские войска в гарнизонах главных бретонских городов. Так он обеспечил верность бывших мятежников. В 1493 году был издан указ, согласно которому Сен-Мало становился доменом французской короны (а не Бретани). Карл даже назначил епископом этого портового города одного из своих советников – Гийома Брисонне (Guillaume Briçonnet).

Что касается прочих учреждений герцогства, то за ними осуществлялся строгий надзор. 9 декабря 1493 года Карл VIII упразднил канцлерство Бретани, заменив простым Советом по делам провинции: шесть человек должны были заседать либо в Ренне, либо в Нанте. Даже это подчеркивало зависимость герцогства от Франции: получалось, что оно отныне не имело столицы, а заседания подчиненных французской короне

советников проходили в некогда мятежных городах.

Парламент Бретани, созданный в 1485 году Франциском II, на вполне законных основаниях установил бретонскую независимость. Карл VIII попросту проигнорировал этот факт, хотя и признал в 1495 году эту обособленность герцогства, назвав тот период «Великие Дни». И спешно назначил двух президентов и 18 советников для управления приобретенной провинции (разумеется, истинных французов). Побежденная Анна, согласно как мирному договору, так и брачному, была вынуждена издалека наблюдать за политическим переделом своей страны.

Став сама себе хозяйкой, она первым делом занялась возвращением утраченных позиций. И сделала это очень быстро. Если и не осталось свидетелей ее поступков сразу после 7 апреля 1498 года, то ценные выдержки из счетов Анны Бретонской вполне проясняют картину.

В тот апрель из замка Амбуаз было отправлено множество корреспонденции, письма везли далеко, курьерам было необходимо вознаграждение – и эти траты были внесены в реестр Анны Бретонской. Также там указаны точные адреса и объекты их миссий.

Кто же были эти посланцы, эти доверенные лица Анны, которые осуществляли ее связь с внешним миром? Будучи запертой в замке, принуждаемая к этому и почтением к памяти мужа, и условностями этикета, тем не менее Анна Бретонская нашла доверенных людей, доселе неизвестных Истории. Вот их имена: паж Филипп де Шатене (Philippe de Chantenay), конюший Жиль де Масдр (Gilles de Masdre), оруженосец Одет де Лойон (Odet de Loyon), еще один паж Шарль де Мипон (Charles de Mypont), а также Трофемон де Лабьер (Trophemon de Labieres), «советник и дворецкий». Были также задействованы многочисленные слуги, такие как Плезанс (Plaisance), Эстамп (Estampes), Эннебон (Hennebond), Франсуа Киле (François Quillet), Жак Грапан (Jacques Grappin), Бланкассор (Blancassort), Вен (Vennes), Робер Жостон (Robert Joston), Луи Арпан (Louis Harpin), Гийом Бертелеми (Guillaume Berthelemy), Пьер Од (Pierre Aude) или Жан Тьерселан (Jean Tiercelin). Всего за краткий промежуток времени чуть больше месяца (с 10 апреля до середины мая) в известных списках королевы числится 17 посланников. Однако в них не упомянуты курьеры для коротких выездов из Амбуаза в Блуа, где теперь располагался двор. Не внесены в реестр и посланники из Бретани, которые получали вознаграждения от собственных хозяев.

Итак, 10 апреля Анна отправила Филиппа де Шантене в Блуа с миссией предупредить о визите более важной персоны, хорошо

нам известной – Жана де Шалон, принца Оранского, одного из бретонских соратников, на которого можно было рассчитывать. Однако Анна не преминула напомнить ему, что следует поторопиться и не задерживаться при дворе нового короля Людовика XII, а как можно скорее прибыть к ней в Амбуаз. Анна беспокоилась по поводу возможного соглашения между бретонским предводителем и Людовиком?

Поэтому герцогиня приняла меры: вызвала принца Оранского к себе и по прибытии тут же назначила его на должность генерал-лейтенанта Бретани, поручив военное управление страной. Кроме того днем раньше, 9 числа, она подписала приказ о восстановлении канцлерства Бретани, назначив главой своей верного друга Филиппа де Монтобана.

Вот так, за два дня было принято два важных решения: восстановление бретонского правительства и назначение главы бретонской армии. Оба героя получили неограниченные полномочия и надлежащие титулы от правительницы. Анна решила придерживаться традиционного пути управления. Политик и военный, под рукой единого законного правителя – не было ли это грандиозным возвращением утраченной независимости?

1498 год – год, когда на бретонской политической арене вновь появился глава, способный не повиноваться своему французскому соседу. Анна Бретонская хотела и могла управлять страной. Как все Монфоры до нее. Как ее отец, Франциск II. Почему же король Людовик XII не использовал условия договора Ланже? У Анны в руке были сильные козыри, она имела крепкое ядро союзников, мысли ее были в Нанте, в Ренне, в герцогстве, которое после шести лет французского правления встало на путь возвращения себе свободы.

По праву рождения Анна занимала высокое место в иерархии своей страны. Чтобы дать знать своему народу об изменившейся ситуации, 14 апреля она отправила Плезанса с новостями. Письма были предназначены «прелатам, людям церкви, дворянам и другим». Текст заключался в следующем: герцогиня сожалеет, что не писала раньше, связывая это с печалью и опустошением, вызванного в ее сердце из-за смерти мужа; сейчас же она полна «великим и единственным желанием принести мир и спокойствие добрым людям». Несомненно, таким образом Анна давала знать, что собирается взять бразды правления в свои руки – через послания к духовенству страны она взывала ко всему народу. Казалось, все были готовы принять «добрую герцогиню», настрадавшись от гнета французского правления.

Однако за хлопотами по возвращению своей власти в Бретани

Анна не вычеркнула из памяти своего мужа. Несмотря на свои планы покинуть Амбуаз, она позаботилась о том, чтобы устроить в замке своей первой любви пышные похороны Карла VIII, дабы упокоить его тело и душу. 5 мая она отправила Жака Граппан (Jacques Grappin) к аббату де Болье (Beaulieu) с просьбой о помощи в организации церемонии. 9 числа был послан Энебон к аббату Вандом (Vendôme) – с той же просьбой. Епископы Шартрский и Орлеанский были призваны для ведения службы. Таким был последний жест памяти Карлу, единственному принцу, которого она когда-либо любила.

Отдав дань памяти покойному, Анна уже занялась будущим своего герцогства. Можно было подумать и о себе. Невозможно было в ее возрасте отречься от жизни. Должна ли она выйти замуж за Людовика XII – как только тот освободится от своего отвратительного союза? Возможно ли отказаться от принятого на себя обязательства – навязанного в момент крушения Бретани? Нужно ли так поступать? Ведь сейчас она была и правительницей сильного герцогства, свободной в своей власти, и вдовствующей королевой, со всеми вытекающими из этого ранга преимуществами.

Возможно, Анна всерьез раздумывала об отказе Людовику. Еще в детстве она познакомилась с ним, когда Луи прибыл ко двору Франциска II в качестве союзника. И она очень хорошо знала первого принца крови – этого верзилу, охотника за юбками и заядлого развратника. Впоследствии, уже при французском дворе, она имела причины невзлюбить этого интригана, который имел неосторожность выразить удовлетворение при известии о смерти дофина Шарля-Орланда, да и не слишком сочувствовал королевской паре в смерти других детей – ведь каждый раз это возрождало его надежды на престол. Фактически, у Анны не могло быть никакого желания связывать свою жизнь с соперником ее же собственной семьи, с человеком, которому ее потери приносили радостное удовлетворение. Кроме того, резвый и развитый юноша времен ее детства в свои тридцать шесть лет выглядел дряхло, преждевременно состарившись из-за болезни и бесчисленных оргий. Так что Анна испытывала скорее антипатию к Людовику XII и не была склонна к снисхождению. Однако она не позволяла эмоциям влиять на ее решения, ибо хотела добиться наиболее выгодных для себя условий, которые позволили бы ей забыть унижения времен договора в Ланже.

И да, герцогиня хотела вновь стать королевой. И ради этого давала обещания новому суверену, желая добиться всего того, в чем Карл VIII ей отказывал – силу и власть. В этом ей помогала женская привлекательность. И в общем-то, Людовик был в менее

выгодном положении, ведь он до сих пор оставался связан узами брака с умной, но уродливой Жанной Хромоножкой, сестрой Карла VIII. 22 года брака, который можно охарактеризовать только как «кошмарный», должны были закончиться аннуляцией. Ради того, чтобы Луи мог жениться на юной женщине, обещавшей принести многочисленное потомство – в противоположность стерильной дочери Людовика XI. И разумеется, новый король Франции беспокоился из-за возрождения Бретани, вчера еще покорной. И все из-за женщины, над которой он пока не имел власти.

Надо сказать, что в этой игре козыри были в руках Анны Бретонской: Людовик не был политическим стратегом, он был связан, он опасался – она же имела холодную голову, свободу и спокойствие. Она могла просчитать ходы противника, могла увлечь, а затем оттолкнуть… Это прекрасно организованное колебание между согласием и отказом являлось делом рук бретонки, уверенной в своих действиях.

Действительно ли Анна хотела вновь стать королевой Франции, невзирая на свои холодные чувства по отношению к Людовику XII? Определенно и несомненно – да! Она уже вкусила радости всеобщего почтения, она любила роскошь и парадную сторону власти. Однако на этот раз, более зрелая, наученная опытом, она хотела пойти дальше: получить власть. Королева Франции – опять! Правящая королева Франции – впервые! Она не просто хотела выйти замуж за Людовика, она хотела править.

Впрочем, их союз не был таким уж мезальянсом, новый король был вполне достоин ее по чистоте крови. Как и Карл VIII, он происходил от Святого Людовика – через Карла V, который был отцом Карла VI и его младшего брата Людовика Орлеанского. В то время как преемники Карла VI– Карл VII, Людовик XI, а затем Карл VIII – были наследниками власти по прямой линии, то Орлеанская ветвь никогда не сидела на троне, хотя и не была второстепенной фамилией. Дед Людовика XII, Людовик I Орлеанский, был женат на Валентине Висконти (Valentine Visconti), происходившей из влиятельного миланского рода. Его отец, Шарль Орлеанский, был в XV веке одним из знаменитейших поэтов, сопоставимом с Франсуа Виньоном. Правда, злые языки высказывали некоторые сомнения по поводу чистоты крови Людовика – отцовство Шарля вызывало подозрения, поскольку в момент рождения своего наследника 27 июня 1462 года он был уже в преклонных годах и слаб здоровьем. А его супругу, Марию Клевскую, всегда сопровождал конюж по имени Байон (Bayonne)…

Верила ли Анна слухам? Это неважно, ибо для нее главным

оставался тот факт, что именно Людовик XII был единственным законным правителем Франции. По словам Брантома (ценного свидетеля жизни при королевском дворе), она предпочла был остаться вдовой, чем выйти замуж за принца вторых кровей. Конечно, на пути к трону для нее оставались препятствия, в первую очередь аннуляция союза Луи и Жанны, однако бретонка была достаточно уверена в себе, чтобы заявить: «я верю в свою звезду и стану во второй раз королевой Франции».

Время сомнений и страданий закончилось. Смена правителей на троне стала и периодом ее личного успеха. Весной 1498 года Анна в полной мере может отнести на свой счет строки из чудесной баллады Шарля Орлеанского:

Время сбросило свой плащ

Из ветра, холода, дождя

И облачилось в прекрасные узоры

Из нитей сияющего солнца.
Le temps a laissé son manteau

De vent, de froidure et de pluie,

Et s’est vêtu de broderie

De soleil luisant, clair et beau.

Но между желаниями и возможностями есть большая разница. Чтобы этот брак мог быть заключен, должны пройти многие месяцы, требовавшие терпения и сил. Нужно было не только очаровать короля, но и подольститься к его фавориту, Жоржу д’Амбуазу (Georges d'Amboise), который всегда радел за интересы своего господина.

Что же нужно было предпринять Анне, чтобы достичь этой цели? Ее действия стали известны нам благодаря все тем же бухгалтерским книгам, оставшиеся после нее. По скупым строчкам можно восстановить и темперамент бретонки, и ее изящную политику.

21 апреля она отправила две делегации в Орлеан, где находился тогда король. Первая имела цель передать Людовику «20 000 ливров на турнир в честь умершего короля, являвшиеся жалованием участников». То есть ее первое послание было финансового характера. Достаточно удивительно, учитывая, что в сундуках Карла – после всех его итальянских авантюр и грандиозных перестроек Амбуаза – не осталось ничего. А ведь

Людовик XII открыто заявлял, что оплатит все грандиозные церемонии из своих личных фондов. Тем не менее королева-герцогиня нашла в своих кошельках средства, чтобы предложить королю возместить потраченные средства. Банальный и безобидный шаг: ясно было, что король-рыцарь откажется от предложения.

Такой стала первая сцена в этой пьесе дипломатического сближения: она предлагает финансы, он отказывается, все довольны. Тем более, что суммы на траурные церемонии были весьма велики по тем временам: от 45 до 200 тысяч ливров. Новый король, зная о глубоких чувствах Анны по отношению к покойному супругу, сумел ее растрогать, преуспев в этой пьесе больше, чем она. Возможно, что это послание стало продолжением того разговора, что состоялся между вдовой и новым королем сразу после смерти Карла.

Второе послание было отправлено Анной также 21 апреля. Делегация состояла из достойных людей: мессир Лоппе де Дикастильо (Loppe de Dicastillo), «советник и мажордом этой дамы», Пьер Моран (Peirre Morin), «камергер» и Жан Бернар (Jean Bernard), «хранитель серебра и монет». Их сопровождал Франсуа Килле (François Quillet), «кавалер экю» – и для охраны, и для придания дополнительного блеска процессии, двигавшейся в Орлеан.

Какова была цель этого второго посольства? В книгах значится: «чтобы утвердить намерения указанной дамы». Загадочные слова, однако… Возможно, Анна хотела вызвать жалость у Людовика XII, подчеркнуть (через слова своих верных слуг), в каком отчаянии она находилась, напомнить, что нуждается в поддержке нового суверена… Также они были уполномочены выразить мысль Анны о вечной верности покойному мужу и готовности принять любую свою судьбу… Быть может, новую жизнь?..

От финансовых сообщений послания перешли к разговорам о бедной Анне, и только о ней. Все эти письма имели своей целью привлечение внимания Людовика к юной и красивой вдове. Пока она не говорила ничего прямо, ограничиваясь намеками и напоминаниями о себе.

Прошло немного времени – и в мае Анна вновь отправила из Амбуаза, где до сих пор она жила, новое послание с верным Оде де Лойон (Odet de Loyon) к королю, который по-прежнему жил в Орлеане. В книгах цель миссии зафиксирована лаконично: «Отвезти письма, касающиеся дел дамы». Этакая тонкая психологическая подготовка. «Ее дела» касались мелких проблем, стиль послания выдерживался в дружеской манере – Анна

подчеркивала, что видит в короле прежде всего друга. И делала все, чтобы воспламенить его дух и заставить его воображение работать.

Анна была осторожна. Как за вдовой короля, за ней наблюдали, ее личный штат прислуги был сокращен. Людовик XII находился в Иль-де-Франс, и Анна решила к нему присоединиться, чтобы начать наконец более активную фазу переговоров. В Париже на набережной Сен-Поль (современная набережная Селестан (Célestins) рядом с дворцом архиепископа Санс находился великолепный особняк, выстроенный в готическом стиле. Отель д'Этамп был частью традиционного владения королев Франции – и именно туда решила отправиться Анна. В середине мая она покинула свой замок на берегах Луары, чтобы начать медленный подъем к столице. Но в ее планы не входило появление перед горожанами и перед королем в скромном экипаже с минимальным эскортом. Бретонке было необходимо продемонстрировать знаки своего величия. А поскольку вся ее сила была сосредоточена в герцогстве, то в Бретань были отправлены послания.

Первое повез Килет, который покинул 9 мая Амбуаз, отправившись в направлении епархий Сен-Бриек, Трегье (Tréguier) и Леон (Léon). Его миссией было «принести эти письма прелатам, церковникам, баронам, дворянам, буржуа и жителям указанных епархий с призывом сопровождать свою госпожу в ее поездке в Париж». В тот же день другой кавалер, Этамп, отправился со аналогичной миссией к людям «епархий Нанта, Рена и Корнуайя (Cornouaille)». Практически вся Бретань была приглашена в свиту герцогини. Этот шаг имел единственную цель – продемонстрировать власть Анны Бретонской. Также это была и демонстрация силы, которую бретонка и не думала скрывать.

Это путешествие, привлечение внимания, роскошь и демонстративная сила не могли не удивить и не заинтриговать Людовика. Еще вчера он видел Анну сломленной – а сегодня ему показывали гордость, достоинство, пышность. И в то же время бретонка не думала настраивать француза против себя. Королю предлагалась женщина и Бретань. Трудно устоять…

Анна смеялась над сомнениями и растерянностью своего оппонента. 11 мая, еще из Амбуаза, она выслала в Париж предписание ускорить обустройство особняка Отель д'Этамп. В свою очередь король отдал необходимые распоряжения некоему Трезору (Trésor), чтобы работы были проведены без промедления. Очередной реверанс в обмене любезностей. Так что отъезд из Амбуаза, все эти приготовления, вся пышность, тщательно рассчитанная, оказались центром политических интересов той

весной 1498 года. Готовилось что-то важное.

Но чего же желал достичь король? Чего в реальности хотела Анна? 13 мая она вновь отправила королю послание с Шарлем де Мипон (Charles de Mypont), просто с целью держать Людовика в курсе своих «дел». Не было ли в этом некоего женского злорадства? Да, герцогиня-королева поддерживала с ним контакт, но не высказывала четких пожеланий, намекая, что собирается удалиться от двора и посвятить себя Бретани. Возможно, так Анна хотела сохранить интригу для этого ветреного мужчины, озадачивая его. И в середине мая, когда королева покинула Амбуаз, выдвинувшись в Париж, она явно хотела изящно шантажировать Людовика, чтобы повлиять на него.

Демонстрация силы – это вовсе не был единственный козырь Анны. Ее внешняя привлекательность, женский шарм были весомым аргументом для мужчины, который ради юбок забывал о политике. Анна же, без сомнения, была «красива и в хорошем состоянии», писал Сен-Желе (Saint-Gelais), а также «красива и приятна», как рапортовал Брантом, известный скептическим отношением к женскому полу. Он же добавлял: «она благоразумна, честна, нежна и сильна духом». В XIX веке говорили, что герцогиня «излучала полноту и величие».

Благородная женщина, знавшая себе цену, умевшая извлечь выгоду из ситуации и восторжествовать над соперником.

Людовик же не обладал схожими достоинствами. Он имел скромную внешность, даже вульгарную (что может служить доказательством его происхождения от «простого» конюха). Чуть выше среднего роста, слегка сутулый, с тощими ногами, не позволявшими иметь благородную походку. На лицо король и вовсе был уродлив: длинный нос, больше глаза, густая челка закрывала низкий лоб. В сорок лет он выглядел уже стариком. То есть мало что могло привлечь внимание Анны. Но со времен Карла VIII мы знаем, как мало для нее значила красивая внешность – гораздо большее значение для бретонки была духовная красота.

Со времен своей молодости Луи не упускал ни одной возможности утолить свою излишнюю чувствительность, потакая извращенным желаниям. В его постели побывало множество женщин, между которыми он не делал особого различия, одним из любимых его времяпрепровождений были оргии в компании женщин легкого поведения. На фоне Луи Карл VIII казался невинным младенцем! Конечно, можно отыскать в жизни Людовика оправдывающие его обстоятельства: силой женатый в юном возрасте на Жанне Хромоножке, физически отвратительной для него, молодой принц пустился во все тяжкие, чтобы

компенсировать разочарование неудавшейся личной жизни.

Можно еще сказать о его лени и апатичности, столь контрастировавшей с решительностью, силой воли и смелостью Анны. Добавить о не слишком высокой образованности короля. Конечно, он читал по-французски и разбирался в латыни – но на необходимом для себя уровне, ведь суверен обязан был вести переписку с зарубежными коллегами и принимать иностранные посольства. Однако у короля был специальный человек для более глубоких переговоров.

Анна тщательно наблюдала и подсчитывала слабости «соперника». Главными своими помощниками она считала недостаток у Людовика политического чутья и его аппетиты по женской части. Разве мог этот ловелас и покоритель женских сердец не увлечься первой женщиной, отказавшей ему? К тому же обладавшей красотой, захватывавшей дух, изяществом и множеством добродетелей, одним из которых было крупнейшее герцогство западного мира.

Прекрасно осведомленная о своей женской силе, Анна гордо несла себя, поистине с имперским величием. Белизна ее кожи напоминала о молодости. Большие глаза отражали живой ум, который подчеркивал и слегка выпуклый высокий лоб. Рот ее был маленьким и улыбающимся, нос изящным. Венчал это совершенство природы знаменитый бретонский чепчик, подчеркивая индивидуальность хозяйки. И нельзя не отметить одежду, украшения из золота и бриллиантов, придававшие ей величие настоящей королевы. Было чем зацепить преждевременно постаревшего мужчину. К достоинствам Анны можно добавить и ее ставшую легендарной набожность. Так что можно понять заинтересованность прожженного плута, Людовика XII. А была ли Анна глупышкой? Отнюдь! Зрелая женщина, получившая прекрасный опыт манипулирования мужчиной в первом браке, она умела пользоваться своей физической привлекательностью и душевными качествами. Сначала в письменной форме, а затем – и лично.

По правде говоря, Анна Бретонская могла управлять королем, потому что хорошо его знала. Она умело использовала его для достижения своих целей. Людовик же напротив, находился в неведении относительно истинных планов бретонки. Он считал, что она печется исключительно о благе своего герцогства, не видя ее желания стать властвующей королевой Франции.

Переговоры и встречи длились в течение двух месяцев после прибытия Анны в Париж. Она встречалась с королем для обсуждения «своих дел». Людовик не уставал восхищаться своей предполагаемой будущей женой, давая волю своему воображению

– и ничего более. В течение этих бесед – иногда тет-а-тет, иногда в присутствии Жоржа д'Амбуаза, Анна могла в полную меру использовать свой дипломатический талант, набивая себе цену.

Велись ли между ними разговоры о браке? Возможно, но Анна не преминула указать Луи, что даже если король и уверен в аннуляции своего предыдущего брака, процесс будет не быстрым. А потому она никак не могла принять его предложение, несмотря на свое желание. Да, Людовик был уверен в положительном ответе Папы Александра VI Борджиа. Но у бретонки были и другие возражения – слишком хорошо она помнила те несчастья, которые обрушились на ее первый брак, когда союз был заключен до получения благословения Святого Престола…

… И Луи попался в эту ловушку. Он настаивал, он умолял. Пресловутый брачный контракт, заключенный в Ланже, словно вывернулся наизнанку: теперь не она должна была выйти замуж, а он смиренно просил об этом. Идеальная ситуация, в которой Анна могла торговаться и диктовать свои условия. Она дала понять королю, что в данный момент интересуется исключительно своим герцогством, что намерена после Парижа сразу же вернуться на родину… Король был в ужасе!

4 июня Анна отправила из Шартра Эннебона к Рогану и Рьё «которые были в своих полях» с приказом срочной встречи. А 22 мая Жиль де Масдр (Gilles de Masdre) уже уехал в Нант с поручением герцогини подготовить город для встречи указанных персон. Как приказала Анна.

12 июня Эннебон прибыл в Компьень, чтобы передать инструкции Бурбону, Оранскому и Жьё. Четыре дня спустя Франсуа Килет получил новое задание для Рогана и Рьё, которые проживали в Париже. Все эти распоряжения Анны достигли своей цели. Все важные персоны ее герцогства находились рядом, готовые исполнить любой приказ герцогини. 18 июля Ванн (Vennes) повез новый приказ принцу Оранскому. Бретонский клан мобилизовался, Бретань вновь обрела свободу.

Все эти тайные переговоры проходили в доме Анны, но не оставались тайной для Людовика XII, все больше и больше беспокоя его. А цель бретонки именно в этом и состояла. Анна даже позволила себе приказать отчеканить золотые и серебряные монеты со своим изображением, которые отправила в Нант 22 мая с Франсуа Килетом. Собственные деньги – знак полной независимости.

Перед такой демонстративной активностью король отступил. Чтобы добиться наконец от вдовы согласия на брак, он обещал ей, что размещенные в Бретани французские войска будут переданы под командование бретонских офицеров – за исключением Нанта

и Фужера, где французские командиры все же останутся в качестве подтверждения союза с королевством.

Это был не просто жест любезности – это было практически возвращение свободы герцогству. Анна сумела выторговать это.

Был ли король обманут? И да, и нет. Нет – потому что он инстинктивно не доверял бретонке, опасаясь обмана. Да – потому что он никогда не планировал возвращать Бретани независимость.

Впрочем, Людовик все подсчитал. Возможно, он не был таким уж простаком и прекрасно видел все ходы, предпринимаемые Анной. Есть вероятность, что король отправил тайные распоряжения командующим Бреста, Конша (Conches) и Сен-Мало – сохранить военные крепости этих городов для Франции как в высшей степени важные в стратегическом значении. Этим объясняется гнев Анны, которая увидела себя обыгранной. В настоятельной манере, поддерживаемая принцем Оранским, герцогиня попросила короля уважать сделанные им самим обещания.

Новая выгода для Бретани. Возможно, именно тогда герцогиня-победительница адресовала Луи эти слова: «Я получила с сиром де ла Помрей (Pomeraye) ваши письма, в которой вы выражаете благосклонность и дружбу. Я очень утешена и благодарна всем сердцем. И прошу вас всегда придерживаться этого твердого союза. Ваша добрая сестра, кузина и союзница, Анна.»

Письмо кажется безобидным, но заслуживает короткого комментария. Нет ничего более естественного, чем ответить благодарностью на жест доброй воли короля. Но с другой стороны Анна не забывает и дать Луи указания – в вежливых и любезных выражениях – о том, как должен вести себя король в будущем: оставаться верным заключенным соглашениям…

И стоит обратить внимание на подпись. Казалось бы, ничего необычного – именно «братьями» в официальной корреспонденции обращались друг другу короли разных стран, подчеркивая свое родство, а также свой союз. Но здесь королева бывшая пишет королю действующему. Не отдает ли высокомерием?

Наконец произошло то, к чему так стремились и Анна, и Луи в ходе своих маневров и уступок: 19 августа 1498 года в Этампе (то есть у Анны) были подписаны два важных акта, ради которых из Парижа прибыл весь Двор. В первом акте Людовик XII обязался вступить в брак с Анной Бретонской через год. Осторожный и недоверчивый, он оговорил, что отдаст герцогине-королеве Нант

и Фужер только в случае, если брак не будет заключен в указанный срок. Во втором акте Анна давала торжественное обещание выйти замуж за французского короля, как только это станет возможным.

Безоговорочная победа женщины, которая, по сути, получила гарантию, что останется хозяйкой своих территорий, а заодно и добилась желанного титула королевы Франции. Для Людовика оставалась опасность: бретонцы могли найти лазейку для того, чтобы отложить брак – например, признать условия договора в Ланже недействительными из-за того, что Луи был женат – и тогда Бретань полностью перейдет в руки герцогини.

Дата подписания договора не была случайной: 29 июля Папа подписал прошение Людовика, в котором тот кратко излагал причины для аннуляции своего брака с Жанной Французской. 10 августа процесс начался, и можно было составлять новые брачные договора, ведь Анна не соглашалась на них до получения благословения понтифика. Теперь же эта гарантия от Святого Престола была получена, оставались формальности развода.

После подписания актов Анна не стала задерживаться в королевском окружении – она быстро покинула Этамп и отправилась на запад, очевидно, в Бретань. Это также было частью плана бретонки – Анна пока не собиралась подписывать другие договоренности, которые могли коснуться ее личного будущего и будущего ее земель, подобно брачному договору в Ланже. Удаляясь от своего жениха, она увеличивала в его глазах свою ценность и усиливала свое влияние на него. Разумеется, Луи не могло понравиться это расставание: и потому, что французскому королю было приятно общество герцогини-королевы, но и потому, что он мог бы наблюдать за ней, успокаивая свою подозрительность. Анне же напротив – хотелось поддерживать в Людовике огонек сомнений. Для этого отъезд подходил идеально.

Уехать, проложить расстояние между собой и королем… но ни в коем случае нельзя было его раздражать. И Анна поначалу приняла компромиссное решение: она решила остановиться в Лавале, у своей кузины и подруги Жанны, вдовы короля Рене Анжуйского. Видимость покоя, потому что думала она в первую очередь о герцогстве. Еще не отбыв даже из Этампа, на следующий же день после подписания актов – 20 августа – Анна написала «народу и церковникам Трегье». В своем послании она заявила о намерении созвать собрание Штатов в Ренне, чтобы выслушать своих подданных и дать им свои советы, и просила прислать своих представителей – «две или три достойные персоны». 24 августа, проезжая через Шартр, герцогиня отправила

Венна «в большой и чрезвычайной поспешности в Бретань принести письма <…> прелатам, людям церкви, баронам, жителям городов и другим в епархии Ренна, Сен-Мало, Сен-Бриек и Трегье». Содержание посланий было тем же: созыв Штатов. В тот же день такой же приказ был отправлен с Плезансом для информирования об этом событии сановников других епархий – Нанта, Корнуайя и Леона. Два верховых посланца обошлись кошельку герцогини в 50 ливров.

30 августа Анна прибыла в Лаваль. Она не забывала о короле. 9 сентября герцогиня отправила своего пажа Филиппа де Шантеней (Philippe de Chantenay) с письмами к Людовику. Шарль де Мипон также отвез ему «пакет писем от вдовствующей королевы». Так что расстояние не помешало жениху и невесте продолжать вести переговоры. Анна желала заключить выгодный брачный контракт, где ее возможное вдовство было бы оговорено со всеми подробностями – ведь она любила роскошь и не желала оказаться в безденежном состоянии. Если уж обсуждались такие вопросы, было ясно, что все остальное она уже получила. Вот какие красивые контракты можно заключить, когда новобрачная не влюблена…

… но думает о своей будущей жизни. И в течение долгого времени. 14 августа Анна отправила Эннебона в Купкуль (Coupcoul), чтобы тот организовал для нее «100 добрых лучников для охраны». Это было еще до подписания договоров в Этампе, сразу же после начала бракоразводного процесса Людовика и Жанны. Она уже чувствовала свою силу. Она желала завербовать особую гвардию, способную и многочисленную, для охраны будущей правительницы. С чувством прекрасного и изысканным вкусом, столь характерном для бретонки, она готовила себе эскорт для триумфального возвращения на родину, где ее так долго ждали. 24 сентября она написала королю, «чтобы ему знать эти новости». Требовательность и дружба…

Наконец 3 октября Анна торжественно прибыла в Нант в великолепном, но странном экипаже: она ступала по земле под балдахином из черного бархата. Перед герцогиней несли флаги из белого атласа, украшенные ее гербами и девизом. Позади – кресты и черные баннеры. Толпа безумствовала. Но что означала эта столь контрастная смесь цветов? Белый – знак вдовства французских королев, черный – символ вдовства в Бретани. Анна предстала перед своим народом, столь радостно ее приветствовавшим, в виде скорбящей женщины. Было ли это правдой? Возможно, да, если вспомнить то состояние прострации, в которое она погрузилась на сорок восемь часов после 7 апреля – о котором единодушно упоминают и хроники, и мемуары. Но этот

облик скорбящей вдовы несколько меркнет при воспоминании о той ловкой игре, что бретонка вела в переговорах с Людовиком XII. Хотя даже в его воспоминаниях она предстает безутешной женщиной.

Так или иначе, но в Нант она вступила в облике вдовы, возможно, слишком демонстративном. Но каким триумфальным было это возвращение на родину! Она вновь была герцогиней, утешившейся получением свободы для своей страны. Однако не следует забывать, что соглашения, заключенные в Этампе, предусматривали брак через год. С тех пор уже прошло полтора месяца… И Анна выглядела взволнованной под своим тяжелым балдахином из черного бархата. В соборе епископ обратился к герцогине-королеве, принеся ей от имени всей Бретани искренние соболезнования.

Во время пребывания Анны в Нанте, скончалась Франсуаза де Динан, дама де Шатобриан де Лаваль – бывшая гувернантка дочерей Франциска II, раскаявшаяся в своем предательстве. Была ли эта смерть дурным предзнаменованием?

В середине октября Анна Бретонская председательствовала на созыве Штатов в Ренне. И перед представителями бретонцев предстала уже совсем другая женщина: из вдовы она превратилась в правительницу. Сопровождаемая сотней бретонских сеньоров, которые составили (и так будет до самой ее смерти) личную гвардию – но не герцогини, а королевы.

Оставалось утвердиться. По случаю возвращения бретонки были отчеканены изображения герцогини на золотых монетах, символизируя ее силу, подчеркивая словами, весьма знаменательными: «Анна, королева Французская милостью Божией и герцогиня Бретонцев». Сама она изображена с короной на голове и скипетром в руке. На реверсе монеты отчеканен на латыни девиз королей: «что во имя Бога должно благословенно».

Две грани Анны проявились в великий день ее возвращения: вдова, отмеченная печалью, и всесильная правительница, словно уже поднявшаяся по ступенькам к трону. Эта двойная роль помогала ей во всех политических переговорах, скрывая истинные чувства.

И Луи уступил, очевидно, впечатлившись печалью вдовы: он отдал ей все, что было доходом Шарлотты Савойской после смерти Людовика XI – Онис (Aunis) и значительная часть Сентонж (Saintonge). К этому он присовокупил земли, дававшие неплохие доходы в Лангедоке – например, Нарбонну (Narbonne) и Бокер (Beaucaire), убеждая Анну в своей щедрости. Так что теперь у нее почти не было причин для промедления – только процесс развода с Жанной Французской. Но и эту отсрочку герцогиня

использовала для дополнительных переговоров.

Главное – брак был обещан. Но кто мог знать, не потребует ли завтра гордая и требовательная бретонка еще каких-то уступок для себя и для своей страны?

Глава 8. Чего хочет король… (1498–начало 1499)

Блуа. Инициалы Анны Бретонской с Людовика XII над входом в часовню замка.

Людовик XII еще был женат на Жанне Французской. Пока этот брак существовал, новый король не мог строить серьезных планов на счастье с бретонкой. Аннуляция этого союза, столь ненавистного, имела большую ценность. Нужно было действовать быстро. Договор в Этампе зафиксировал точную дату: по истечении года после подписания герцогиня могла претендовать – как это было некогда – на полную независимость герцогства.

По правде говоря, Луи никогда не мог выносить ни вида, ни присутствия своей уродливой супруги. Едва получив на руки новорожденную дочь, Людовик XI тут же пообещал принцу-поэту Шарлю Орлеанскому выдать ее замуж за его сына. Врожденное уродство королевского отпрыска тщательно скрывалось, и Орлеанский Дом радостно принял королевскую милость. Предварительный брачный контракт был заключен, предположительно, в замке Блуа 19 мая 1464 года – это был союз двухлетнего мальчика и младенца 24 часов от роду.

Людовик XI стремился к этому союзу не без задней мысли. Когда родился Луи Орлеанский (27 июня 1462 года), французский король еще не имел наследника – будущий Карл VIII родится лишь в 1470 году. Наследником короны считался отец Луи – Шарль Орлеанский. Людовик XI с легким сердцем назначил того преемником – ввиду преклонного возраста Шарля рождения у него детей не предвиделось. И тут родился мальчик. Ярости короля не было предела. Он поклялся, что эта ветвь никогда не унаследует корону. А рождение больной дочери породило коварный план – из-за физических дефектов она никогда не смогла бы родить. Сочетать ее с назначенным наследником – и на этом союзе закончится род Орлеанских! Так что появление уродливой девочки стало для Людовика личным праздником. Утонченный садизм…

Когда правда всплыла, было уже поздно: контракт был подписан. Спустя несколько месяцев умер принц-поэт, и его вдова Мария Клевская в январе 1465 попыталась избежать навязанной ее сыну сомнительной королевской чести – она попросила отложить заключение брака с принцессой до достижения брачного возраста детей, как это было принято. Тщетно. Людовик XI настаивал. Мария Клевская продолжала сопротивляться. И тогда король пригрозил лишить и ее, и Луи состояния, после чего заточить вдову Шарля Орлеанского в монастырь без надежды выйти оттуда. В конце концов, Мария Клевская уступила. И в 1473 году этот ужасный брак был заключен.

Свадьбу отпраздновали 8 сентября 1476 года в часовне замка Монришар. Луи было 14 лет, Жанне – 12. Юный принц попытался уклониться от брака, но был вынужден покориться аргументам угроз и принуждения. Любое сопротивление было тщетным, к тому же оно могло спровоцировать гнев короля – а за это можно было поплатиться жизнью. Перед глазами был пример друзей, слишком большое количество которых в последние годы умерли жестокой и подозрительной смертью. А скольких Людовик XI упрятал в монастырь… Луи вынудили произнести слова согласия перед епископом Орлеанским Франсуа де Брилаком (François de Brilhac).

Однако у юноши оставалось последнее средство противиться воле короля – Луи решил не доводить брак до конца, тянуть эти отношения до смерти короля, а потом аннулировать. Юный герцог испытывал отвращение к навязанной ему жене. Ее лицо имело отталкивающие черты, кожа была черноватой, искривленный нос, толстые губы. Остальное было не лучше: почти карлик из-за деформации роста, Жанна к тому же была горбата, одно плечо выше другого; искривленные ступни

завершали этот портрет. Слишком уродлива для молодого и горячего герцога Орлеанского. Да, конечно, она была умна…

Из чувства отвращения, а также с расчетом на будущую аннуляцию, Луи не желал иметь никаких сексуальных контактов со своей женой. Людовик XI немедленно узнал об этом – многочисленные шпионы окружали молодую семью. И король настоял на выполнении Луи своих супружеских обязанностей, углядев в бездействии молодого мужа угрозу для своих планов. Первому принцу крови было приказано делить с Жанной комнату и постель. Удалось ли Людовику достичь своих целей? Во всяком случае, известно, что он сделал для этого все возможное, и что Луи испытывал к Жанне не самые добрые чувства. Вскоре он уехал в провинцию – не для того ли, чтобы забыть те ночи, что провел с женой, и где мог оплакать свою судьбу?

Однако Жанна любила своего супруга. Полная нежности, она не знала, как угодить ему. Когда Луи был заключен в тюрьму после поражения в битве при Сент-Обен-дю-Кормье, она посещала его в темнице. Он принимал ее без удовольствия… но, возможно, уступил, испытывая одиночество и лишения заключения, страдая от отсутствия женского общества. Однако это не изменило его отношения к ней. Что бы ни делала Жанна, муж по-прежнему был холоден к ней. Карл VIII освободил Луи из темницы. И тот мгновенно вернулся к планам аннуляции своего брака. Он желал навсегда порвать с дочерью Людовика XI, желал обрести возможность получить в жены другую женщину – более привлекательную, более приятную. В 1484 году Луи даже отправил прошение Папе – это было как раз в тот момент, когда молодой герцог Орлеанский предложил свои услуги герцогу Бретонскому, желая взять в жены Анну, тогда ещё семилетнюю. Но в тот момент он был всего лишь первым принцем крови, и против него выступали Карл VIII, чета де Божё… В настоящем, в 1498 году, Луи Орлеанский уже был Людовиком XII, и никто в королевстве не мог помешать его желанию, столь долго вынашиваемому, стать свободным после стольких лет.

Тем более, что был весьма благоприятный момент для обращения к Папе Александру VI. Человек сомнительной морали, бывший кардинал Родриге Борджиа, имел множество бастардов от своей любовницы Ваннозы Каттанеи (Vannozza Cattanei). Своему второму сыну, Хуану, он подарил герцогство Ганди (Gandie). Едва получив папский престол в 1492 году, Александр назначил своего старшего сына Чезаре, семнадцати лет от роду, архиепископом Валенса (Valence), намереваясь в следующем году возвести в сан кардинала – без вступления в ряды священников. Но Чезаре не слишком рвался в ряды церковников. Его основной

целью были власть и деньги, поэтому он сосредоточился на делах мирских, получив в свои руки графства Валенс во Франции и Дье. Неплохо – но мало! Ведь Чезаре – сын самого Папы, и ему нужно гораздо больше: земли, много земель, высокие титулы, деньги. И – важно! – союз с королевским домом, чтобы стать основоположником новой блестящей ветви рода. Брак с принцессой перечеркнул бы спорное происхождение сына Родриге Борджиа.

Понтифик, человек, который правил миром, все же нуждался в поддержке со стороны истинных королей, чтобы помочь сыну реализовать его планы. И тут появился Людовик XII со своей просьбой об аннуляции брака. И Александр попросил плату за свою услугу в этом деле – он прямо намекнул на помощь французского короля в деле своего сына. Поскольку согласие Рима являлось ключевым моментом в деле Жанны и Людовика, то королю пришлось согласиться, чтобы получить то, что так ему было необходимо. И все оставались довольны…

Для Людовика XII сложились благоприятные обстоятельства, нужно было воспользоваться моментом. Его религиозные чувства и раньше не отличались пылкостью, а сейчас и вовсе можно было закрыть глаза на некоторое несовершенство Папы Римского. Этот развод был необходим государству… и чего хочет король, того хочет Бог.

Ставки были сделаны. С одной стороны – Луи, Анна и Бретань, с другой – Александр VI и слава Чезаре. Но как сыграть эту партию, чтобы избежать громкого скандала, соблюсти внешние приличия?

Король Франции хотел, чтобы Папа признал недействительность брака с Жанной. Это соответствовало традиции и позволяло избежать сложностей в его собственной стране. Но Святой Престол не соглашался на такой ход: дело было слишком деликатным. К тому же у Александра VI был в руках козырь: Людовику развод необходим как можно быстрее, его поджимали сроки – а небольшое оттягивание могло помочь Борджиа выторговать себе дополнительные бонусы.

Поэтому во второй половине 1498 года на политической сцене ставится самый настоящий дипломатический балет, разыгрываемый Римом с утонченностью, присущей семье Борджиа…

29 июля Александр VI вместо объявления аннуляции брака между Луи и Жанной опубликовал краткий перечень причин, по которому этот союз имеет право на расторжение. Он насчитал восемь пунктов, многие из которых были надуманными. Например, первым пунктом шло духовное родство между

будущими супругами – поскольку Людовик XI был крестным отцом Луи Орлеанского. Нужно было очень постараться, чтобы придумать эту причину! Но второй пункт устанавливал кровное родство в четвертом колене – уже более подходящая причина, но все же недостаточная: вряд ли кто забыл, что Карл VIII и Анна Бретонская находились в той же степени родства, и это не помешало им заключить семейный союз, не дожидаясь разрешения понтифика. Так пункт за пунктом Папа перечислил все возможное аргументы в пользу аннуляции брака – чтобы не возникло сомнения в его горячем желании выполнить просьбу французского короля и расторгнуть его брак по букве закона. Шестой пункт содержал самый серьезный аргумент: королева была неспособна выполнять «брачные действия» и не могла дать королю потомство.

Рим прикоснулся к сердцу проблемы: была ли способна Жанна иметь сексуальные отношения со своим мужем и утвердить свой брак, родив потомство? Александр VI категорически отверг эту способность королевы, ссылаясь на деформацию ее тела. Главный аргумент для аннуляции союза, узы которого были освящены церковью. Поэтому убежденность в этом шестом пункте и давала уверенность участникам процесса, что пьеса будет разыграна точно по сценарию.

Восьмой пункт также был призван для этих целей: указывалось, что «душевно» Луи никогда не соглашался на брак с Жанной. Тонкий ход: предполагалось, что в случае, если гинекологический осмотр не подтвердит девственность французской принцессы, то согласно этому пункту ее супруг мог утверждать, что, совершив слияние «телом», духовно он никак не соединялся с женой, действуя по принуждению в целях спасения своей жизни.

Составив этот список причин для аннуляции брака, Папа наконец издал указ о собрании церковного трибунала для рассмотрения королевского дела. Это должно было иметь место во Франции, и именно трибуналу предоставлялось право решить вопрос об аннуляции брака. Судейское жюри состояло из трех человек: нунция Алмейда (Almeida), Луи д'Амбуаза, епископа Алби, и Филиппа Люксембургского, епископа Мана (Mans).

Можно с уверенностью предположить, что Александр VI Борджиа лично назначил людей для ведения королевского дела. Луи д'Амбуаз был братом Жоржа д'Амбуаза, друга и советника короля. Его точка зрения на процесс была заранее предопределена семейными узами. Выбрав епископа Люксембургского и интригана нунция Алмейда, Папа позаботился о своем влиянии на них. Иначе говоря, понтифик

выдал Людовику XII на редкость подходящий судейский состав, которым мог манипулировать по своему желанию.

Этот дар Луи оценил по достоинству. И в свою очередь преподнес Папе вполне осязаемый ответный подарок: он договорился о браке Чезаре с наследницей герцога ди Валентинуа (Valentinois). Герцогство и принцесса – наконец-то! Сотрудничество двух властителей принесло свои плоды. Особенно выгодным это оказалось для Рима, ведь от него ничего особенного не потребовалось, кроме как составить несколько текстов… Два правителя были полны надежд: один надеялся освободиться в скором времени от кошмара всей своей жизни, другой готовился возвести своего сына на трон. Свобода духовная – и мирская власть.

И наконец желание короля исполнилось! Процесс начался очень рано, сразу после получения инструкций Александра VI: 10 августа исключительный церковный трибунал провел первое заседание в Туре, в соборе Сен-Гатьен. Учитывая активную заинтересованность и Папы, и короля, дело не должно было затянуться, но все же не могло быть слишком коротким – нужно же было соблюсти внешние контуры соблюдения закона. С адвокатами Жанны также не ожидалось сложностей: все они дрожали перед судьями, опасаясь за свою жизнь, имущество и семьи.

Но никто не учел силу характера и мужество самой королевы. Оказалось, что она, пусть и не питая иллюзий по поводу исхода дела, но решила биться до конца. И уповала при этом на поддержку церковников и народа Франции, открыто симпатизировавших ей. Так что сначала пришлось ждать целый месяц, когда Жанна согласится предстать перед судьями. Только 10 августа она появилась в суде, чтобы ответить на несколько вопросов.

Очевидно, что в основе аннулирования брака стояло два вопроса: были ли у Жанны сексуальные контакты с мужем и способна ли она родить наследника. Все крутилось вокруг шестого пункта из списка Папы. И для церкви главным был первый вопрос – свершилось ли таинство брака. «Белый брак», будучи доказанным, мог быть легко аннулирован как никогда не существовавший. Оставалось получить доказательства… Жанне Хромоножке поставили прямой вопрос: были ли у нее соития с Людовиком XII. И против всех надежд и ожиданий, она ответила на него утвердительно. Что несмотря на свою физическую непривлекательность и деформацию тела, она была способна к деторождению – подобно многим другим женщинам, порой уродливее нее. В те времена женщин с подобными изъянами

внешности было много, и они давали потомство, часто многочисленное, своим мужьям.

Судьи был разочарованы, ведь они не рассчитывали на сопротивление со стороны Жанны, ожидая легкого ведения процесса. А теперь нужно было работать! И было решено подвергнуть королеву гинекологическому осмотру, что и предложили Жанне. Она пришла в ужас и категорически отказалась, заявив с негодованием, что никогда не подчинится подобному требованию. Был ее отказ продиктован гордостью? Или же Жанна сомневалась в том, что она могла доверять вердикту тех опытных матрон, что осмотрели бы ее – ведь и судьи подчинялись чужому мнению, и адвокаты были запуганы, разве не сказали бы эти матроны то, что им приказали бы свыше?

Так это дело перестало быть просто формальностью. Время шло. Несколько недель – выигрыш для Жанны, но проигрыш для короля, который терял терпение. Этот процесс аннуляции брака мало того, что затягивался, так и вредил его интересам и его популярности. Что делать? Как преодолеть оппозицию Жанны? Необходимо придать законность разводу! На Жанну оказывали давление со всех сторон. И она предложила выход, казавшийся ей подходящим из сложившейся ситуации: она объявила, что решила положиться на слово короля. Пусть Людовик ответит сам на щекотливый вопрос. И что бы он ни сказал, она согласится с этим ответом.

Подчинение Людовику XII или же хитрость? Возможно, Жанна искренне желала, чтобы король официально и публично сделал это заявление. Но ведь она дала королю в руки тот козырь, которого ему не хватало для завершения дела.

Питала ли Жанна иллюзии? Думала ли она о щепетильности Людовика XII, его чести? Она хорошо знала своего мужа, его чувства по отношению к ее персоне. Этот процесс, эта аннуляция брака не была сиюминутным капризом – Луи долгое время мечтал об этом. С самого нежного возраста Жанна знала, как яростно ее жених, а потом супруг, желал избавиться от подарка, навязанного ему Людовиком XI, отравленного дара не только для Луи, но и для всей ветви Орлеанских. Слишком много было поставлено на карту сейчас. И замешана честь короля…

Так что Жанна предоставила своему мужу сделать этот решительный шаг. Возможно, Луи не особо жаждал предстать перед судьями, но иного выхода у него не было. Пора было заканчивать этот суд. На поставленные перед королем вопросы он дал странные и двусмысленные ответы: возможно, он имел сексуальные связи с королевой, но не помнит о них. Даже если такие случаи и были, то совершались они под принуждением его

тестя. Иными словами, пригодился тот пункт, что придумал Папа – про отсутствие духовного согласия.

И настал важный момент: суд попросил Людовика XII произнести торжественную клятву под присягой. Возложив руку на Евангелие, перед распятием он должен был поклясться, что никогда не имел связей с Жанной, что, даже если она и приезжала к нему в тюрьму, то происходило это против его воли. Странная формулировка. Однако король поклялся. Как можно было сомневаться в его слове? А Жанна обещала положиться на слово своего мужа. Если он желал дать ложную клятву, это ее не касалось. А суд услышал то, что было так необходимо.

Оставалось лишь вынести решение, чтобы завершить эту судебную политико-религиозную комедию. 17 декабря 1498 года в соборе Сен-Дени в Амбуазе около полудня Филипп Люксембургский уже приготовился зачитать документ, навсегда отделяющий Луи от Жанны, когда неожиданно разразилась жесточайшая гроза. В церкви потемнело, словно само Небо выступало в свидетели: этот брак никогда не существовал перед лицом Господа.

Свободен, наконец свободен! Король испытывал невероятное облегчение. После двадцати двух лет несчастного союза, созданного по государственным причинам, Луи смог расторгнуть его – также во имя государства. Словно ничего не было – только потерянное время и испорченная часть жизни. Теперь он мог вступить в брак со своей дорогой Анной. Начать жизнь заново – и быть действительно счастливым. Он был уверен в согласии бретонки – а ведь в течение всего этого долгого процесса не раз сомневался: а не возьмет ли она обратно свое слово и выполнит ли подписанные в Этампе обещания? Ему хорошо была известна набожность Анны. Более того – ее суеверность. Она никогда бы не согласилась на брак с ним, несмотря на свое твердое стремление стать вновь королевой Франции, не будь этот союз благословлен церковью. В течение долгих месяцев Луи регулярно отправлял Анне сообщения, полные успокаивающих фраз. Но что такое обещания? Лишь слова. Их мало. И вот настал день, когда церковники, собранные Римом, произнесли те самые, нужные слова. Препятствий для брака больше не было…

Кроме одного: Луи и Анна были родственниками. Вновь поднялась та же проблема, что и в 1492 году с Карлом VIII. И на этот раз бретонка ни в коем случае не могла согласиться обойти ее, согласившись на новый брак. Она точно знала, что это незаконно и несет многочисленные несчастья супругам. После такой мощной поддержки, что оказал Людовику Папа в бракоразводном процессе, король надеялся быстро получить

необходимое разрешение. Ведь он так много сделал для Борджиа… Чезаре добился очень больших выгод во время первых переговоров, а теперь он хотел получить гарантии – пока Папа не выдал окончательный документ. Луи в своем нетерпении был щедр. В течение всего бракоразводного процесса он не уставал напоминать Папе о своих дарах. И тут задержка. Людовик получил лишь обещание, что Чезаре прибудет к нему во Францию. Надежда – лихорадочная и тревожная…

… и облегчение при прибытии 18 декабря отпрыска понтифика в Шинон, где располагался в то время король. Прибытие, обставленное с такой роскошью, какая подходила лишь королям. Во главе кортежа ехали представители самых знаменитых фамилий Франции. Затем следовали 70 мулов с багажом, покрытые попонами из желтого и красного шелка с золотыми покрывалами. Далее шествовали 60 пажей верхом на скаковых лошадях. Особенно выделялись два юноши, облаченные в золотые одежды – миньоны Борджиа. Затем следовали мулы с ящиками, полными украшениями и драгоценных камней, менестрели с трубачами и, наконец, 24 лакея в темно-красном бархате и желтом шелке. Этим впечатляющим дефиле были ослеплены все зрители.

И наконец сам герцог. Всем своим великолепием он воплощал богатство Италии XV века, а его шляпа была украшена двойной короной из рубинов. Одежда его была из золотой ткани и красного шелка, вышитая драгоценными камнями и жемчугом. Даже шнуровка на украшенных жемчугами сапогах была из золотых нитей. Нес этого нового Цезаря конь, покрытый золотой попоной, управляемый сбруей, инкрустированной опять же драгоценными камнями и жемчугом. Ослепительное зрелище, продуманное до мелочей. Но оно не произвело никакого впечатления на Людовика XII.

Королю не было дела до этой демонстрации роскоши и силы – он желал получить необходимые бумаги. Поприветствовав гостя, Людовик протянул руку за письмами от понтифика. И оцепенел – Чезаре Борджиа заявил, что у него нет никаких бумаг! Но тут вмешался нунций Алмейда, очевидно, хорошо осведомленный о римских делах, и уверил короля, что необходимые письма у Чезаре в наличии. Будучи в ярости, Чезаре все же вынужден был отдать Людовику бумаги – датированные сентябрем!

Наконец! После долгих месяцев интриг и ожидания у Луи были бумаги, необходимые для брака с Анной! Отныне никто и ничто не смогло бы помешать этому – ни ее страхи, ни ее религиозная щепетильность. Недействительность союза с Жанной

была признана. Папа дал свое согласие на реализацию проектов, намеченных в Этампе.

И какой был накрыт стол для пира в честь дружбы! Людовик XII был взволнован, Жорж д'Амбуаз также, поскольку для него понтифик прислал документ посвящения в сан кардинала.

Что касается итальянца, то он вовсе не был таким уж несчастным. Конечно, нунций Алмейда сорвал некие планы сына Папы (есть мнение, что чуть позже он приложил руку к смерти Чезаре). Но на тот момент Борджиа получил то, что хотел: земли и невесту королевских кровей. Возможно, тот небольшой шантаж, что он затеял в последний момент, был предназначен для получения еще каких-то бонусов, но все же главное было выторговано.

Решение суда вовсе не вызвало радости у населения. В течение процесса симпатии народа были на стороне Жанны, ставшей в его глазах жертвой своего мужа. Издевательства со стороны судей были возможны только с попустительства со стороны власти. И с насмешкой их называли «Каифа, Ирод и Пилат» – хотя бы иронией поддержать несчастную супругу, от которой их новый король желал избавиться. А некоторые даже выражали свое негодование вслух. Кордельер Оливье Майяр (Olivier Maillard) был одним из них. Любой мог слышать, как во время своих проповедей священник осуждал Людовика. Он даже выразил мысль, что только Жанна может считаться настоящей королевой Франции. Опасные заявления не могли не обеспокоить короля, которого одинаково заботили и его свобода в делах сердечных, и его репутация. Оливье Майяру пригрозили, что посадят его в мешок и утопят, если он будет продолжать свои речи. Жан Стандонк (Jean Standonck), глава колледжа Мотегю (Montaigu), известный своей ученостью и высокими моральными качествами, осмелился сказать своим студентам, что негоже мужчине, неважно королю или простому смертному, отказываться от своей супруги, которая была верна ему. Он утверждал, что Людовик XII не имеет права на новый брак, пока жива Жанна… И с первой же оказией Стандонк был выслан из Франции.

Все эти выступления могли бы стать искрой для разжигания недовольства народа против королевской власти, поэтому и были приняты быстрые меры для того, чтобы заставить притихнуть слишком громко звучавшие голоса. Желание короля – желание государства.

Впрочем, главной фигурой в этом деле оставалась Жанна Французская. Помимо печали по поводу разделения с супругом, образ которого она, несмотря ни на что, продолжала бережно хранить в своем сердце, помимо позора, вызванного скандальным

интересом к ее внешности и сексуальности, ей предстояло еще и отступить по социальной лестнице. Дочь короля, супруга первого принца крови, королева – отныне ей предстояло быть не более, чем отвергнутой женщиной. Каким было ее будущее? Оставаться при дворе – невозможно. Удалиться? Куда? Людовик XII вовсе не желал ещё большего унижения для бывшей супруги. 26 декабря 1498 года – в год ее величайшего несчастья – он отправил ей патент на владение герцогством Берри (Berry). Теперь она могла комфортно жить – с титулом, с землями, с предоставленной пенсией. Планировала ли Жанна возобновить битву за мужа? Вряд ли. Она смирилась со своей судьбой, не желала опротестовывать принятое решение. К тому же эта принцесса не чувствовала в себе склонности к придворной жизни.

В уединении добровольной ссылки она нашла свое истинное призвание – не без влияния Франциска де Поль: призвание религиозное. Жанна всегда была набожна, а теперь – больше, чем когда-либо. Она решила основать новый приход, чтобы без устали предаваться молитвам и покаянию. Жанна хотела назвать его орденом Благовещения. И это та Жанна, еще вчера обвиняемая в неспособности к материнству. Александр VI Борджиа поддержал этот проект и в 1501 году благословил его создание. Однако Жанна не теряла времени – она заложила монастырь в Бурже, став его аббатисой, где ввела суровые правила, впрочем, обычные для монахинь того времени: ношение власяницы, самобичевание, ношение вериг. Ничто не могло быть достаточно тяжелым для нее – ни железная цепь, стянувшая ее поясницу, ни деревянный крест, утыканный серебряными гвоздями, впивавшимися в ее плоть. Жанна словно хотела наказать свое тело, ставшее причиной ее несчастья. И достичь блаженства святых…

Помимо Жанны были и другие жертвы этой политической игры и любовной лихорадки Людовика XII, одна из них – Шарлотта д‘Альбре. Король отдал ее руку сыну Папы – наравне с титулом и деньгами высокое происхождение девушки вполне удовлетворяло Чезаре Борджиа. Предыдущая невеста, Карлотта, носившая титул неаполитанской принцессы Таренте (Tarente), категорически отказалась становиться женой этого человека, воспринимаемого ею как чудовище. Она имела возможность отказаться, чтобы спасти свою честь и свою жизнь.

Однако Людовик XII и слышать не хотел слов отказа – как раз в тот момент он с нетерпением ожидал писем от Папы, и выбор его пал на другую Шарлотту – красивую, молодую, хорошего происхождения. Чтобы добиться ее согласия на этот брак, нужно было действовать через ее отца, крайне сговорчивого – при достойной цене вопроса.

И Александр VI Борджиа знал, как поступить. Он отправил отцу Шарлотты, Алену д'Альбре, сумму в 200 000 экю золотом – дар семье невесты. Кроме того, пообещал шапочку кардинала брату невесты. Этого было достаточно, чтобы погладить самолюбие Алена д'Альбре, бывшего жениха Анны Бретонской, возвеличить его семью, приблизить к желанной вершине. И Шарлотту вынудили согласиться на этот безумный брак. К тому же ее страдания не закончились вместе со свадьбой. Спустя короткое время Чезаре вернулся обратно в Италию, оставив молодую жену с новорожденной дочерью во Франции. Шарлотта поселилась недалеко от Буржа, в Мот-Фейли (Motte-Feuilly), дававшее ей средства к существованию. Она часто посещала Жанну Французскую. Отвергнутая королева и брошенная герцогиня объединились в своей печали.

Две женщины стали жертвами желаний короля и сына Папы. Одна – потому, что была слишком уродлива, другая – потому, что была слишком красива. Судьба или случайность? В любом случае, не случаен был категорический отказ принцессы Таренте. Дочь нерешительного Фредерика Неаполитанского, она была наследницей земель, которых вожделел Чезаре Борджиа. В десятилетнем возрасте Карлотта была принята при дворе Карла VIII, имела хороший доход и была уважаема как королевская наследница. Анна Бретонская взяла девушку в свою свиту и хорошо знала ее живой и веселый нрав. Будучи законной покровительницей Карлотты, Анна решительно поддержала принцессу в ее категорическом отказе сыну Папы. Именно это и побудило Чезаре пойти на дополнительный шантаж и утаить от французского короля имеющиеся письма от Папы. Вмешательство нунция поломало эти планы честолюбивого итальянца… и он должен был вести новую борьбу – за Шарлотту д'Альбре.

Вмешательство Анны стало решающим в вопросе брака Чезаре с Карлоттой Неаполитанской, и жертвой дипломатической игры должна быть стать Шарлотта д'Альбре. Выбор этот был неслучаен, и в нем присутствует воля бретонки. Отец Шарлотты, Ален д'Альбре, некогда приложил руку к падению Бретани – и Анна хорошо это помнила. Постоянная как в дружбе, так и в ненависти, герцогиня-королева нашла способ отомстить своему бывшему союзнику, предавшего и Франциска II, и саму Анну. Обречь его дочь на несчастный союз – прекрасный способ отомстить врагу Монфоров и Бретани.

Таким печальным образом произошел разрыв Людовика XII с Жанной.

Анна держалась в стороне от дебатов, не считая

необходимым вступать в переговоры Парижа и Рима. В конечном счете, не она была причиной развода короля – Людовик много лет лелеял эту мечту. Бретонка вмешалась лишь для спасения принцессы Неаполитанской, и то лишь потому, что та принадлежала к ее Дому. Все остальное полностью зависело от короля – и сам процесс, и аннуляция, и его непреодолимое желание отделаться от Жанны любой ценой. Держа Анну в курсе дела, Людовик наконец мог сказать ей, что он свободен. Осталось подождать совсем немного…

Через десять дней после вынесения судебного вердикта, 26 декабря, в тот же день, когда Жанне было пожаловано герцогство Берри, Людовик публично заявил о своем намерении вновь жениться. И уже ничто не препятствовало его союзу с Анной: король был свободен и имел на руках все необходимые разрешения. Со времени договора в Этампе год еще не истек. Можно было действовать… с оглядкой на требования будущей супруги. Если она была крайне сдержанна во время судебного процесса, то сейчас вновь напомнила о своих пожеланиях по поводу брачного контракта. Пока аннуляция брака была туманной перспективой, Анна молчала, теперь она стала более требовательной.

В декабре 1491 года бретонка была побежденной стороной и вынужденно подчинялась победителю, совершив путешествие в Ланже на брачную церемонию. Спустя семь лет ситуация изменилась радикально: теперь уже Людовик XII должен был отправиться в Бретань, в Нант, чтобы соединиться со своей дорогой Анной. Сила была на ее стороне.

7 января 1499 года был наконец подписан брачный контракт, подведя официальный итог всем переговорам с весны 1498 года. Анна торжествовала: она сохранила самостоятельное правительство герцогства. Кроме того, она обеспечила его будущее: если у пары появятся дети, то Бретань унаследует второй ребенок. Если же родится (или выживет) только один, то герцогство достанется его второму наследнику. Если Анна умрет до своего мужа, то Людовик XII унаследует правы жены на ее земли и сохранит администрацию Бретани, а после его смерти герцогство перейдет к наследникам Анны, а не Людовика. Наконец, Анна Бретонская получила право пожизненно пользоваться вдовьей долей, оставшейся ей после Карла VIII; Людовик же выделит ей другую, равную по ценности, на случай, если умрет раньше супруги.

Все эти распоряжения казались немного сложными. Суть же проста: независимость Бретани, власть и удача для Анны. Все договоренности были сделаны лишь для того, чтобы ее земли

вновь обрели автономию былых времен: пока жива Анна, только она одна может распоряжаться своим наследием. Если она умрет без наследников, то Людовик XII будет управлять герцогством как пожелает, однако после него ни один король Франции не сможет претендовать на эти земли. Главное было решено: старший наследник получит французскую корону, второй ребенок – герцогство Бретань. И никогда больше Франция и Бретань не будут иметь общего правительства – только союз крови.

Подобный союз уже существовал – чета де Божё являла такой пример, где ни один супруг не доминирует над другим. Так ни одна страна не поглотит другую, а будут жить во взаимном согласии. Этот контракт в Нанте стал полной противоположностью брачного контракта, заключенному в Ланже в 1491 году. Тогда все выгоды были на стороне победителя, побежденному оставалось лишь смириться. Контракт 1499 года стал реваншем Анны, гарантируя отдельные пути для Франции и Бретани. Бретонка получила обратно всю полноту власти над своими владениями. Полноправная королева – она будет и полноправной герцогиней.

На следующий день после подписания брачного контракта, 8 января 1499 года Луи и Анна стали мужем и женой перед Богом. Церемония была проведена в часовне Нантского замка. Жорж д'Амбуаз благословил брачующихся. Несмотря на праздник и банкеты, торжество не имело королевского размаха, которого могли бы ожидать подданные. Причина этой относительной сдержанности – напоминавшей и аналогичную скромность в Ланже – была очевидна: Людовик XII только что «развелся» с Жанной Французской, и ему не стоило слишком афишировать свою радость, рискуя этим вызвать скандал или потерять популярность. Да и Анна носила вдовьи одежды меньше девяти месяцев. И кто может поручиться, что в своем сердце она не хранила тайно воспоминания о своей первой любви?

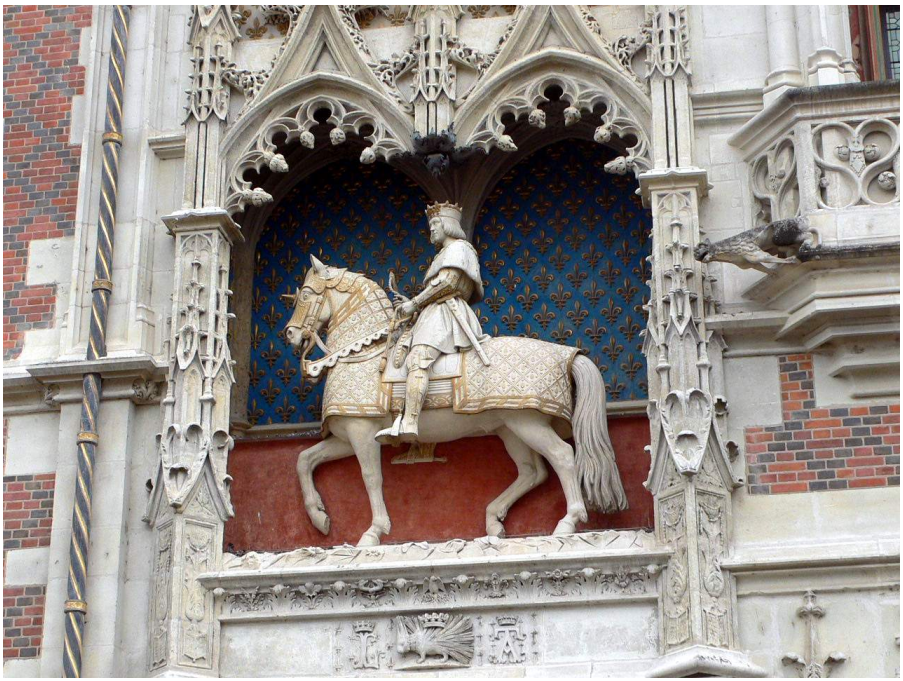
Оставалось выполнить обещанное бретонцам. 19 января Людовик XII официально признал все привилегии герцогства: отдельное духовенство, канцелярия, Парламент, Совет, Счетная палата, сокровищница вновь обрели свои исконные права. Все, что просила весной 1498 года Анна, было получено.

Возвращение отнятого, после стольких лет проблем и несчастий! Не только Анна выиграла, но и вся ее страна. Бретонцы могли гордиться достойной наследницей Дома Монфоров!

Насколько отвратительно было Луи делить постель с Жанной

Хромоножкой, настолько счастлив он был отправиться к Анне в Бретань, где провел с ней медовый месяц, забыв о своих королевских обязанностях. Так прошла большая часть зимы. К началу апреля Людовик решился на небольшую поездку – в замок Блуа. К тому времени королева была беременна.

Глава 9. Анна, госпожа Людовика XII? (1499-1506)



Блуа. Скульптурный портрет Людовика XII над въездными воротами в замок.

Анна Бретонская, во второй раз жена и во второй раз королева Франции, ожидала ребенка. Когда королевская чета прибыла в Турень, Анна наслаждалась своей жизнью. Она сумела добиться выполнения своих требований, она главенствовала над Людовиком. Властвовала над человеком, известным своими страстями и необузданностью. Она была уверена в будущем своей страны, которую сохранила для потомков.

Управляла ли она королем? Несомненно, но по-женски, совсем не так, как управляла своими землями. Конечно, Луи был человеком заурядного ума, но все же он был королем со всей полнотой власти. И Анна пользовалась своим обаянием, чтобы добиться от Луи решений, соответствующих ее желаниям.

Теория выглядит стройной, однако на практике все было не так просто, когда на монарха влияло множество внутренних и международных факторов. К тому же традиционно женщине не было места в политике… Так что Анна, несомненно, испытывала

некоторые трудности, когда прибыла в Блуа – жилище нового короля. А Луи вовсю демонстрировал ей знаки своей неугасимой любви. Он стал самым нежным, самым внимательным, самым преданным супругом. Этот прежде шалопай и развратник превратился в верного мужа. Любовь! Когда Людовик, как и Карл VIII до этого, заговорил об экспедиции в Италию, бретонка могла опасаться повторения истории. Но ничего подобного. Триумфальный поход на Милан, король-победитель – и ни единой интрижки, ни крошечного прегрешения! Анна беспокоилась о прекрасных неаполитанках – напрасно! Людовик если и был очарован, то дело не шло дальше любования прелестями красоток.

Злые языки не преминули донести о беседах тет-а-тет французского короля с жительницей Генуи Томмасиной Спинолой (Tommasina Spinola). Может быть, она стала его любовницей? Однако сплетни так и остались сплетнями – между «амантами» были исключительно платонические отношения, Томмасина лишь выполняла шпионские функции в Италии. Достоверно неизвестно ни об одном приключении нового короля. Поэтому можно утверждать, что и за Альпами, и во Франции Людовик оставался верен своей жене, в свои сорок лет влюбленный в эту женщину.

Откуда же взялось это внезапное целомудрие? Как случилось, что первый принц крови, не пропускавший ни вдов, ни горничных, вдруг превратился в безупречного супруга? Конечно, он отверг Жанну ради Анны, покинул уродство ради женственности, а потому успокоился, получив уравновешенную жизнь. Но достаточно ли этого объяснения?

Невольно напрашивается сравнение с Карлом VIII: такой же разгульный разврат сначала, такая же верность после свадьбы. Общее у этих двух мужчин – Анна. Оба влюбились в нее настолько, что ради ее молодости и привлекательности нашли в себе способность к верности. Точнее, она сумела направить их пыл исключительно на себя. Италия, с ее безрассудством и фривольностью, почти привели к краху первый союз. Но Карл вернулся с потерянной тропы верности – еще более преданный муж, еще более пылкий верующий. Его перевоплощение прервала нелепая смерть…

Анна завоевала Карла потому, что любила его. В Луи она была влюблена значительно меньше, однако и его ей удалось удержать. Ее природное очарование, тщательным образом поддерживаемое, стало ценным козырем в семейной жизни пары. И Людовик, успокоенный, нашел свое счастье.

От этого союза, неоднородного, но крепкого, родились дети.

Как и во времена Карла VIII Анна хотела дать мужу наследника, ибо в этом заключалось предназначение королевы. К тому же, согласно договору в Нанте, старший ребенок должен был унаследовать королевство отца, а второй – герцогство матери. К тому же Анна извлекла правильные уроки из своего первого супружества, желая сохранить для себя мужа, чьими поступками прежде правили плотские желания. Жизнеспособный наследник мог навсегда привязать супруга к ней. Поэтому большую часть своей беременности бретонка проводила в Роморантене, стремясь избежать любых контактов с очагами инфекции.

Наконец спустя чуть больше девяти месяцев после свадьбы, 19 октября 1499 года, Анна родила ребенка в замке Блуа. Счастье матери и разочарование королевы: это была девочка, названная Клод. Пришло ждать еще больше трех лет, чтобы наконец появился сын. К несчастью, мальчик умер при рождении 31 января 1503 года. Паре, которую надолго разлучали многочисленные походы короля в Италию, пришлось ждать до 1510 года, когда наконец родился второй жизнеспособный ребенок. Увы, это опять была девочка, появившаяся на свет 25 октября и получившая нежное имя Рене. В январе 1512 года – о радость! – на свет появился мальчик. Дофин! Но новорожденный прожил меньше часа, и вместе с ним угасли королевские надежды на наследника.

Своему первому мужу Анна не дала ни одного выжившего ребенка. Людовику XII она родила двоих – но не мальчиков, только дочерей. Два королевских брака оказались бессильны обеспечить будущее династии Валуа по прямой линии. Луи мог выказывать недовольство, а Анна отвечала, что ее вины нет в том, что Господь не желал послать им сына и наследника. Впрочем, рождение дочерей не повлияло на согласие, которое царило между супругами – нежность Луи и безмятежность Анны. К тому же королева была еще молода и вполне могла дать жизнь новому ребенку. Король продолжал питать надежды.

Да и какие упреки можно было адресовать женщине, столь внимательной к своим детям? Когда Клод и Рене заболевали, Анна, как и во времена Шарля-Орланда, все свои силы бросала на то, чтобы вернуть им здоровье и сохранить им жизнь. Достаточно необычное отношение к детям XVI века, когда большинство высокородных матерей скидывали все заботы о своих потомках на кормилиц. В июне 1501 года Анна, находившаяся в Гренобле подле своего мужа, получила известие о простуде Клод, чье здоровье не отличалось крепостью. Сразу же (18-го числа) королева написала гувернантке мадам дю Бушаж (Bouchage) подробные рекомендации: « […] Моя кума, я прошу Вас

немедленно отослать Катрин [кормилицу], поскольку она могла быть простужена и заразить через молоко.» Также она просила гувернантку оставаться на ночь возле девочки и регулярно прикладывать ладонь ко лбу заболевшей, чтобы узнать «горячая она или как обычно». Покидая дочь, чтобы сопровождать короля, Анна всегда просила мадам дю Бушаж отправлять ей новости о Клод. Наибольшую радость доставляли ей сообщения о хорошем аппетите девочке – этом свидетельстве хорошего здоровья.

Но можно сказать, что здоровьем Клод обязана исключительно случайности. В апреле 1507 года, когда ей было семь лет и она являлась еще единственным выжившим ребенком Анны, девочка подхватила продолжительную лихорадку, которую врачи быстро объявили неизлечимой и посоветовали королеве подготовиться к худшему. Вопреки мрачному диагнозу, принцесса поправилась, а Анна еще долго терзалась опасениями рецидива, не имея возможности быть рядом с дочерью. Вынужденная жить подле короля в Гренобле, который отправился туда для усмирения бунта в Жене, Анна постоянно думала о Клод. Известия из Блуа успокаивали. 11 июня Анна отправила послание: «Я рада получить письма с добрыми новостями о моей маленькой дочери, и мне стало легко. Прошу вас всегда продолжать мне посылать вести". Возмутившись неспособностью людей науки с их сотнями бесполезных советов, Анна написала, что «не желает более иметь с ними дела».

Также Анне удалось установить в отношениях с Луи необходимую прочность. Сложные отношения 1498-1499 годов превратились в спокойный и крепкий союз. Анна следовала за королем, оказывая на своего супруга естественное влияние. Не хотела ли этим бретонка укрепить свою собственную власть? Известно, что она мало была влюблена в Луи, но разделяла с ним жизнь, принося ему спокойствие, в котором он так нуждался. А в периоды тяжелых болезней Людовика именно Анна становилась самой преданной сиделкой и утешительницей, когда разум покидал тело короля. Луи несколько раз имел серьезные проблемы со здоровьем. В 1504 году все думали, что кончина короля близка, – и Анна оставалась единственной, кто сохранял хладнокровие. Уверенная и спокойная, она преданно ухаживала за больным и помогла обрести здоровье. В следующем году вновь все были уверены в скорой смерти короля, даже уже начались обычные в таких случаях молитвы, мессы и процессии. Анна лечила Людовика, чей разум был поглощен видениями бреда. Она была рядом, обеспечивая необходимый уход.

Со всей щедростью своего сердца, бретонка возвращала здоровье и своему мужу, и своим дочерям. И мог ли Луи винить

ее в отсутствии наследника? Как можно было отказать в просьбе своей дорогой жене? Почему бы не уступить в ее маленьком желании играть политическую роль в управлении государством? Оставалось узнать, до каких пределов она могла распространить свое влияние на короля, чтобы управлять государством.

Еще со времен Карла VIII сохранились французские амбиции на Италию. Если предшественник Людовика XII целился на Неаполь, то новый король претендовал на Милан, как наследник Валентины Висконти. Как и Карл, Луи был очарован итальянским миражом. В первую очередь его привлекал север страны, на который король имел планы сделать его продолжением французского королевства. Но не только об этом он мечтал. Подобно своему предшественнику, Людовик предполагал, что юг полуострова откроет путь в Святую Землю, которую он освободит от неверных.

Какая женщина, пусть даже ловкая и хитрая, смогла бы отговорить короля от столь амбициозного намерения? Что могла она противопоставить намерению мужа возвеличить свое имя в веках, кроме женской интуиции или предчувствий? Анна была против проекта. Как и во времена Карла, она отговаривала Людовика от похода. Франция нуждалась в своем короле. Тем более, что никакого основания предполагать получение славы и величия в итальянской авантюре у нее не было. Значительно больше династия нуждалась в наследнике, чем в погоне за химерами. Что выиграл Карл? Ничего. Да, нужно было отговорить Луи от безрассудной затеи, заставить его остаться в Турени и заняться правлением королевством. Напрасные слова…

Никогда Анна не могла отвлечь короля от его итальянских мечтаний. Тем более, что его главный советник, Жорж д'Амбуаз, при причинам дипломатическим был убежденным сторонником проекта. Да и по личным тоже – ведь ему, архиепископу Руана, обещал кардинальскую шапочку, в процессе бракоразводного процесса короля. Этот сан мог сделать д'Амбуаза одним из самых влиятельных людей Церкви. А потом – Папа? Почему бы и нет? Этот вопрос поднялся в 1503 году, когда умер Александр VI Борджиа. Амбуаз поспешил в Рим в тайной надежде воссесть на Святой Престол. Однако эта попытка потерпела неудачу. Так что у Анны было мало шансов остановить мечтания двух мужчин. Ей оставалось покориться желанию мужа следовать многовековой традиции королей – быть воителями и завоевателями.

И она мрачно наблюдала за исполнением своих предчувствий. После обычных побед начала кампании – легкое завоевание миланцев летом 1499 года, победа при Новаро (Novaro) в 1500 году, падение Неаполя в 1501 – начались

настоящие трудности. 1503 год ознаменовался двумя крупными поражениями при Семинаре (Seminara) и Черньоле (Cerignole) с интервалом в одну неделю

Здесь необходимо сделать краткий экскурс в период конца царствования Людовика XII, чтобы лучше понять, насколько умело влияла на него королева в итальянской авантюре.

Начало неудач совпало с правлением Папы Юлием II. Священник в кирасе, сапогах и каске, он сумел победить Людовика в битве при Новаре. История совершила крутой поворот, мечта обернулась кошмаром. 15 августа французы имели сражение при Гингате (Guinegatte) возле Турней (Tournai); 7 сентября швейцарцы подошли к Дижону. Вход на земли Франции был открыт врагу! Королевство оказалось под угрозой из-за абсурдных амбиций своего правителя! В довершение к этому вставала и другая проблема, более грозная для Анны: отлучение от церкви, отказ от таинств, проклятие и вечный ад! Для Людовика XII – но, возможно, и для его жены, и их детей. Ни в коем случае нельзя было допустить отделение от Рима!

Поражения вынудили короля начать переговоры о мире с Папой Львом X, который наследовал Юлию II, скончавшемуся 21 февраля 1513 года. Фактически, именно Анна уговорила Людовика уступить Святому Престолу. Она не считала, что он имеет право на битву за наследие Святого Петра, высшего главы христианства. В сентябре 1510 году в Туре собрались французские епископы. Они приняли решение охранять права галликанской церкви, дозволили королю отражать нападения Папы и одобрили намерение Людовика созвать вселенский собор в Пизе. Однако эта поддержка не имела особой ценности. Напротив, это собрание было воспринято как оскорбление Господа. Ну и понтифика. Поэтому Папа собрал другой совет, настоящий, в базилике Сен-Жан-де-Латран (Saint-Jean-de-Latran) в 1511 году, чтобы укрепить свой авторитет и моральный престиж в западном мире. А Луи получил «год катастроф» в 1513 году, словно наказание небесное за свое безумие.

Нет, Анна не могла поддержать мужа. Пусть Людовик оставался убежден в своей правоте, Анна убедила его начать действовать. В первую очередь, она начала переговоры с Папой Львом X, вымаливая у него прощения для супруга. К понтифику отправилось посольство в лице Луи де Форбан (Louis de Forbin) и Клода де Сейсел (Claude de Seyssel), епископа Марселя. Их миссия – дать понять, что монарх готов вернуться в лоно церкви, отказываясь от своих прежних решений. Луи был счастлив получить возможность выхода из затруднительного положения.

18 декабря 1513 года два дипломата поклялись в верности

Папскому Престолу от имени Людовика XII. Так с помощью этих уловок Анна добилась прощения Рима и не допустила гибели Франции. Людовик и кардинал д'Амбуаз, возможно, хотели отстранить герцогиню-королеву от итальянских дел, однако вынуждены были согласиться с тем, что она сохранила королевство. И гармония в отношениях королевской четы сохранилась…

Анна подтолкнула короля к реализации высшей цели, о которой он заявлял: освобождение Святой Земли. В 1501 году королева подвигла Людовика на организацию экспедиции, в которой участвовали венецианцы, жители Генуи, кавалеры Родоса и Владислав, король Венгрии. Этот крестовый поход начался с морского путешествия. В проекте было атаковать султана в Эгейском море, а потом высадиться на остров Митилини (Mytilène), чтобы, перегруппировав силы, отправиться дальше. Анна приняла участие в экспедиции – снарядив несколько бретонских кораблей, самый крупный из которых носил имя «Кордильер» (La Cordelière). Так Бретань присоединилась к священной миссии. К несчастью, экспедицию погубили ужасные бури, несогласие внутри самой коалиции и жестокие бои. Решающее сражение с турками произошло в октябре, которое дядя Людовика XII Филипп де Равенштайн (Philippe de Ravenstein) проиграл и был вынужден отступить во Францию. Так закончилась, после многих месяцев надежды, последняя религиозная авантюра французского правителя (точнее, его жены), затеявших борьбу с турками и неверными.

Причины вмешательства Анны Бретонской в эти дела более сложные, чем кажутся. Не только ее сильной набожностью можно объяснить столь активное участие в битвах с неверными. Не хотела ли она в память о Карле VIII реализовать его величайшую амбицию, осуществить миссию «нового Карла Великого», освободив Святую Землю? Воспоминания о дорогом усопшем заставили ее воздействовать на нового мужа, не слишком рьяно относившемуся к этой затее, и втянуть в последнюю великую авантюру западного христианства. Изменение хода итальянской экспедиции и поход против турок, удача и провал – вот два результата непосредственного вмешательства Анны в сферу, которая априори была ей запрещена.

И даже больше. Войны, хотела она их или нет, всегда начинаются по желанию королей. Международная политика тоже – как до Людовика, как и после него. И королевы редко имели влияние в этих вопросах. Подобно Анне, они могли воздействовать на мужей, направлять их мысли, тонко подталкивая к нужному решению. Почему бы влюбленному

супругу не откликнуться на просьбу жены? Так что не без влияния Анны Бретонской Франция обрела вес в Европе…

…а сама Анна с живостью откликнулась на просьбы иных королей. В 1500 году Людовик XII и Владислав II, король Богемии, Венгрии, а также Польши (под именем Владислава VI), обменялись посольствами для заключения союза. Поскольку зарубежный принц был вдов, то он воспользовался моментом, чтобы попросить у союзников руки одной из их родственниц. Конечно, этот вопрос был полностью в ведении Анны, которая предложила двух возможных кандидаток из числа своих придворных дам: Жермену де Фуа (Germaine de Foix), племянницу короля Франции, и Анну де Фуа (Anne de Foix), дочь сеньора де Кандаль (Candale). Предложение было передано через Жана д'Отона (Jean d'Auton), который старательно расписал прелести обеих претенденток.

Для подтверждения слов посланца были предоставлены портреты предполагаемых невест, чтобы облегчить Владиславу проблему выбора. Вопрос тонкий, требовавших долгих размышлений. Наконец была выбрана Анна де Фуа. Свадьбу тут же сыграли (по доверенности). Невеста была в слезах, ибо сердце ее было отдано графу де Дюнуа, внуку знаменитого Бастарда Орлеанского. К тому же Венгрия – так далеко от милой Франции! Совсем другой мир… Новая королева изо всех сил старалась оттянуть момент отъезда, пока Анна Бретонская не вышла из терпения и не отдала ей прямой приказ отправляться к мужу. В пути венгерскую королеву сопровождал Луи Эрпан (Louis Herpin), мажордом Владислава II, оруженосец Пьер Шок (Pierre Choque) и свита из блестящих кавалеров и дам.

От Пьера Шока Анна Бретонская знала, что климат Венгрии весьма суров, что король Владислав слаб здоровьем, поэтому она отправила своей протеже письма, полные слов поддержки и участия. На это венгерский король выслал две депеши с уверениями, что и с ним, и с его молодой супругой все в порядке. Однако юная венгерская королева не смогла начать новую жизнь. Тоска по родине, болезнь и трудные роды – она скончалась 15 августа, дав жизнь своему второму ребенку, сыну Лайошу.

Можно посочувствовать несчастной. Однако разве не мечтает любая принцесса стать королевой хотя бы на один день? Разве не в этом состоит ее долг? Судьба аристократов зависит от интересов государства. И в этом вопросе Анна и Людовик действовали в общем согласии, стремясь к успеху проектов короны в Европе. Король получил просьбу, соответствовавшую его интересам, Анна конкретизировала ее выполнение. Так женщина влияла на политику Франции в мире…

Союз с Венгрией – это хорошо, но гораздо интереснее был союз с Испанией, с этим могущественным государством, которое правило в восточном Средиземноморье и в Новом Свете и в тот момент являлось одной из самых великих европейских государств. В 1504 году скончалась Изабелла Католическая, супруга Фердинанда Арагонского. И на следующий год испанец обратился к Анне Бретонской с просьбой подобрать ему новую жену, достойную его славы и силы. Несомненно, это обращение очень польстило французской королеве. Она прекрасно осознавала всю важность возложенной на нее миссии, ведь Людовику была необходима рука поддержки в его территориальных спорах с Фердинандом по поводу итальянских земель. Анна сделала ставку на свою протеже, чтобы она могла повлиять на испанскую политику в интересах Франции.

Еще раз бретонка выбрала девушку из своего Дома, одну из тех, кого хорошо знала, на кого могла полностью рассчитывать. Она предложила Жермену де Фуа, ту, что уже участвовала в конкурсе невест для Владислава II. Предложение было немедленно принято Фердинандом. В декабре 1505 года Людовик XII отправил королю Испании новую жену, которую сопровождал епископ д'Альби и камергер короля (Hector Pignatello). В рекомендательном письме Луи вывел следующие слова: «Мы ее поддерживаем и признаем как самую дорогую и самую любимую дочь».

Так Анна вновь повлияла на решение мужа, тот даже не поставил под сомнение ее выбор. Девушки из ее круга априори имели право на все почести, положенные королю Франции. И в этом Анна очень походила на Людовика в его итальянских проектах: радужные надежды и разочарование в итоге. Заключенный с подачи Анны союз не принес ожидаемых результатов. Жермена де Фуа забыла о своем происхождении, едва надев корону Испании, она полностью поддерживала Фердинанда в его политике. Было ли это женским непостоянством или же осознание своей власти?

За чувства и постоянство своих протеже Анна не несла ответственность. К тому же она, открыто осуждая их, могла испытывать чувство удовлетворения. Тонкая грань между верностью мужу и верностью семье…

Королева Франции никогда не забывала, что именно она рекомендовала жену Владиславу или Фердинанду. Анна де Фуа, Жермена де Фуа – обе девушки были из ее семьи. Разве сама Анна не являлась дочерью Маргариты де Фуа? Известна особая любовь, которую бретонка питала к своей земле, и неудивительно ее отсутствие беспристрастности по отношению к своим

родственникам. К тому же по древней традиции в семью принимали и всех кузенов, и незаконнорожденных детей сеньора. Узы крови – самая сильная защита. Так что нет ничего удивительного в том, что Анна, потомок семьи де Фуа, став королевой Франции, наградила коронами Венгрии и Испании своих родственниц.

Анна желала распространить влияние своих соотечественников на зарубежных правителей посредством женской красоты и ловкости, очевидно рассчитывая на подчинение и признательность своих кузин. Провал этих планов – из-за преждевременной смерти одной и «предательства» другой – не повлияли на мнение Анны. И не подорвали кредита доверия к ней у Людовика XII.

Что касается внутренней политики Франции, то все интересы королевы концентрировались вокруг Бретани и будущего ее детей. Она никогда не забывала о своей главной цели – независимости родины. Так было в ее первом браке, этому же курсу она следовала и во втором. Никаких сделок, никаких уступок! Это было только ее дело, только ее территория. И Луи разрешал ей поступать по-своему. Разве не называл он ее «дорогой бретоночкой» (chère Brette), передав только в руки герцогини все бретонские дела?

Однако на горизонте замаячила новая опасность для Анны: король все больше попадал под влияние опасного советника, чья власть в государстве непрерывно росла: Пьера де Рогана (Pierre de Rohan), маршала де Жье (Gié). Бретонец по происхождению, он делал свою карьеру при трех французских королях – Людовик XI, Карле VIII и, наконец, Людовике XII, став при последнем столь же влиятельным министром, каким являлся Жорж д'Амбуаз. И власть маршала могла бы достичь невероятных размеров, если бы его интересы не вошли в противоречие интересам королевы.

Поскольку Людовик XII не имел сына, заранее назначенным наследником короны считался Франсуа Ангулемский, юный кузен короля, ставший в феврале 1499 года герцогом де Валуа. Маршал был наставником мальчика, выполняя свои обязанности в замке Амбуаз, и настолько близок Франсуа, что вызывало ревность его матери, вдовствующей графини Луизы Савойской. Идея Жье была проста: женить Франсуа на маленькой Клод. Ничего нового – еще Людовик XI имел аналогичные идеи национального единства. И через этот брак Бретань навсегда сольется с Францией – ведь Клод, возможно, унаследует герцогство своей матери, принесет его в придание мужу, который станет полноправным правителем, а ему унаследуют их дети.

Соединить Бретань с Францией! Для Анны это немыслимая идея. Вся ее жизнь была подчинена желанию сохранить независимость своих земель. Вынужденная уступить военной силе четы де Божё и Карлу VIII, она с лихвой вернула утраченные позиции, когда обольщала Людовика XII. Ее брачный контракт, подписанный в Нанте, был недвусмыслен: Бретань принадлежит только Анне! Никогда король Франции не будет владеть герцогством! Ни Людовик, ни Франсуа, ни даже ее собственный сын – Бретань достанется его младшему брату!

Вместо того, чтобы сотрудничать с королевой, Жье решил ей противостоять. Будучи любимцем короля, он позволил себе насмехаться над Анной! Маршал знал, что бретонка недолюбливает его, но не опасался, уверенный в поддержке короля. Возможно, Людовик давал Жье некие надежды. Поэтому можно было громко заявить, что Анна непопулярна в Бретани, ее действия даже вызывают там недовольство. И если герцог де Валуа действительно станет королем Франции, он, Жье, окажется самым сильным персонажем в королевстве.

Разумеется, все эти речи дошли до королевы. И ее гнев против маршала возрос. Главный его промах – насмешка над нею как герцогиней. Столкнулись два политика, два полярных интереса, два характера. Битва была неизбежна, и проигравший будет вынужден склониться перед победителем.

Анна начала свою собственную игру. С 1501 года Жье был обеспокоен ее переговорами с зарубежными королевствами по поводу брака Клод, ведь они противоречили его главному намерению женитьбы Франсуа на принцессе. К тому же в этот момент Людовика XII поразила подагра, сопровождаемая кровотечениями. Жье уже вообразил свою опалу после смерти короля. Также он подумал, что, скорее всего, после этого Анна с дочерью отправится в Бретань, свою вотчину, чтобы править там абсолютной хозяйкой. В ущерб интересам Франции!

Чтобы избежать подобного поворота, маршал и придумал проект ареста герцогини-королевы и Клод в момент их переезда из Турени в Нант, точнее, во время переправы по Луаре – обычного средства передвижения знатных особ.

Заодно Жье озаботился безопасностью Франсуа, собираясь отправить его в замок Анже как только станет известно о смерти короля. Крепость славилась своей неприступностью. В помощь своим планам маршал привлек Алена д'Альбре, чьи натянутые отношения с Анной Бретонской были хорошо известны. Д'Альбре должен был предоставить свой гарнизон в распоряжение юного Франсуа, в Амбуаз.

В стратегию проекта вошли и переговоры с Луизой Савойской

по поводу брака ее сына с Клод Французской. Поскольку Жье не был уверен во вдовствующей графине, он поместил в ее окружение двух бретонских дворян, способных добиться ее доверия: Пьера и Франсуа де Понбриан (Pontbriand). В 1503 году маршал встретился с братьями, открыв им свои планы. В конфиденциальной беседе с Луизой Савойской он также доверил ей содержание своего проекта. Очевидно, он решил, что пришло время действовать.

Вся эта история с заговором до сих пор вызывает разногласия у историков. Самое благоразумное – следовать фактам, изложенным в архивных документах, сохранившихся после процесса над маршалом. Достоверно известно, что интересы Жье и Анны Бретонской расходились по вопросу объединения Бретани и Франции.

В начале 1504 года, когда Людовик XII заболел в Лионе, судя по всему, на его выздоровление уже не надеялись. Жье отправился в Турень, запустив механизм приведения своих планов в действие. Он приказал контролировать передвижение всех плавстредств по Луаре, следить за всеми дорогами и тропами, ведущими в Бретань. Он даже отдал приказ о военном вторжении в Бретань – как только объявят о смерти короля. Никакого риска – быстро и сильно ударить по бретонской территории… Но король не хотел умирать. Вопреки всем мрачным медицинским прогнозам, к весне он мало-помалу оправился от своей болезни.

Незадолго до Пасхи Пьер де Понбриан попросил Людовика об аудиенции и изложил королю планы Жье арестовать Анну в случае смерти ее супруга. Жорж д'Амбуаз не замедлил ухватиться за возможность избавиться от опасного соперника, так что легко представить с каким живым вниманием он выслушал донесение Понбриана. Кардинал составил обвинение против маршала, Людовик XII вызвал Жье. Яростно протестуя, крича о своей невиновности, обвиняемый в возмущении покинул королевский замок.

Началось официальное расследование. Канцлер Ги де Рошфор (Guy de Rochefort), изначально назначенный главой процесса, удалился от двора, чтобы избежать участия в столь деликатном деле. Тогда были назначены два магистра. Понбриан, напуганный разворачивающимися событиями, поспешил откреститься от своих слов. Луиза Савойская вовсе не страдала от приступов страха – ведь она была дамой высокого происхождения, матерью назначенного наследника короны (тем более что в январе 1503 года Анна родила мертвого сына). Она спокойно могла заявить, что не поддерживала идей Жье, хотя и

неоднократно встречалась с ним. Для судей было очевидно, что Луиза находилась в сердце заговора, в то время как Понбриан был лишь посредником, малозначимой персоной. Однако для матери Франсуа этот процесс был прекрасным способом отделаться от Жье, имевшего слишком сильное, по ее мнению, влияние на сына. Так получилось, что после всех проведенных допросов у судей не было свидетельских показаний против маршала. Однако официальное обвинение прозвучало 26 июля 1504 года.

На Анне этот заговор никак не отразился, она не подверглась аресту на Луаре, однако была довольна поражением своего врага, ведь это означало сохранение свободы для её Бретани! Кроме того, предвещал успех ее матримониальным планам относительно дочери. И если завтра маршала обвинят в покушении на честь и достоинство короля, это станет концом оппозиции королевы. Лишь одна она будет иметь влияние на короля, без всяких советников! Разумеется, оставался еще кардинал д'Амбуаз, но тот верно служил интересам королевства и не забывал проявлять понимание к Анне. Амбуаз не создавал трудностей для бретонки. Жье – другое дело… И вот появилась прекрасная возможность окончательно повергнуть соперника, обрести настоящую власть.

Осенью маршал предстал перед Великим Советом, собравшимся в Орлеане, и последовательно отрицал все пункты обвинения. Понбриан запутался в показаниях, Луиза Савойская и вовсе отказалась признавать свое участие в заговоре. Лишь один Ален д'Альбре настойчиво обвинял маршала Жье, но тут сквозили личные причины: д'Альбре обиделся, что соперник недавно увел у него невесту, Маргариту д'Арманьяк (Marguerite d'Armagnac), наследницу Немур (Nemours).

В конечном счете обвинение основывалось лишь на показаниях Понбриана, но этого оказалось достаточным, чтобы Жье признали виновным в оскорблении величества – супруги и дочери короля. Наказание ожидалось подобающее – казнь, конфискация, позор семье. Однако с вынесением приговора Совет не торопился, процесс по делу возобновился лишь 1 апреля 1505 года.

Откуда взялась эта отсрочка, когда, казалось, все уже было решено? Не собирался ли Великий Совет оправдать Пьера де Жье? Не выйдет ли он из суда, покрытый еще большей славой, в ореоле мученика? Очевидно, что Анну не устраивал такой поворот событий. Не без ее влияния Людовик XII решил перенести слушания в Тулузу, поручив ведение суда парламенту этого города, известного своей верностью королю. Это была уже

серьезная опасность для маршала.

Почти месяц (с июня по июль 1505 года) Жье отвечал на обвинения парламентариев. За следствием живо следила Анна Бретонская, не считая лишним одарить судей и их окружение. 9 февраля 1506 года Тулузский парламент вынес решение: Жье был обвинен в намерении оскорбления короля. В течение пяти последующих лет он должен был держаться вдали от двора, кроме того, Жье лишался титула маршала. Обращение к милости короля не дало результатов – очевидно, и тут сыграла свою роль Анна. Людовик XII отказал в прощении бывшему фавориту и приказал без промедлений принести приговор в исполнение. Это произошло 25 марта. Некогда всесильный советник короля, удалился в замок Верже (Verger) в Анжу. О нем забыли. Ссылка, потеря должности, лишение титула, возраст – после службы трем французским правителям уже нечего было и надеяться на новый карьерный взлет. Бывший маршал проиграл.

Кто-то из историков намекал, что Анна желала смерти сопернику, но большинство склоняются к мнению, что она осталась вполне довольна итогом своих интриг. Унижение того, кто еще вчера был «лучшим другом короля», ее соперника в влиянии на Людовика, – это ее устраивало. Она могла быть жестокой, если этого требовали обстоятельства. Но Анна была и умна, чтобы понять: такого наказания вполне достаточно.

Но каковы причины ее холодности по отношению к маршалу, ее яростного желания устранить его? Известны личные мотивы, которые не совпадали, но этого мало для объяснения причин столь сильного упорства. Искать эти причины необходимо в прошлом герцогини-королевы, в ее детстве. Она не забыла ни страданий своей страны, ни своих собственных несчастий. А маршал де Жье, бретонец по происхождению, предал свою отчизну! Много лет назад он служил Людовику XI, чьи поползновения на герцогство известны. В 1488 году, когда близилась решающая битва Монфоров с завоевателями, Пьер де Жье выступил на стороне французов! Это доказывают счета: маршалу было выдано 4000 ливров, чтобы Карл VIII мог быть уверен в своей победе. Бретонец способствовал краху Бретани! Разве не он оккупировал на пару со своим братом Жаном де Роган Нижнюю Бретань, утверждая победу французов? И не он ли был активным участником переговоров о браке Анны и Карла? Для герцогини Бретонской Жье не был ни величайшим советником короля, ни влиятельным сановником – он оставался для нее предателем, соучастником четы де Божё в ее падении, помощником порабощения Бретани. И вот теперь он вновь хотел способствовать потере свободы ее родной страны!

Известна неистовая верность Анны в любви. Отныне проявилось и ее упорство в ненависти. Бретонка желала возмездия за прошлое. Сама она всегда оставалась верна самой себе, своей родине, своему происхождению, о чем свидетельствовал девиз, выгравированный на ее золотом ожерелье «Для моей жизни» (À ma vie). Другое напоминание открывалось Анне на первой странице в ее знаменитом молитвеннике – «non mudera», что по-испански означало «она не изменяется». Пьер де Роган маршал Жье имел несчастье в этом убедиться.

Так что эмоциональная сторона главенствовала над политическим здравым смыслом. Всю свою жизнь Анна мечтала – подобно своему отцу Франциску II – о независимости Бретани. Но как можно было этого добиться, если после себя герцогиня могла оставить лишь дочь? Анна по себе знала, какими могут быть брачные комбинации, унизительными для женщины, поэтому не могла не волноваться о будущем дочери, как когда-то беспокоилась о своем. Конечно, сейчас ситуация была иной: Клод находилась под защитой матери. Но участь принцессы известна – выйти замуж, чтобы принести свои земли мужу. Короли нуждались в богатстве, в территории, во власти… Когда-нибудь Клод обретет супруга и, возможно, принесет ему герцогство.

Анна знала планы маршала де Жье и ему подобных: выдать наследницу французской короны за Франсуа де Валуа. Она не хотела этого союза, считая, что он положит конец бретонской свободе, вернет к договорам в Верже и Ланже. Этого она допустить не могла. К тому же Луиза Савойская не вызывала у бретонки добрых чувств, открыто насмехаясь над неспособностью королевы родить мальчика. Когда же дофин появился, но не сделал ни одного вздоха, Луиза не могла скрыть своей радости, ибо могла и впредь продолжать надеяться на королевский трон для своего мальчика, «Цезаря», как она называла Франсуа.

Нет, Клод не нужен француз в мужья. Необходимо было искать жениха в другом месте, того, кто сможет поддержать славу Монфоров, удачу, и главным образом, независимость Бретани. Анна размышляла о возможных союзах и очень быстро определилась с выбором. Чуть позже рождения Клод она узнала о появлении на свет мальчика, который стал бы для нее идеальным зятем. Счастливый избраннник – Карл де Ганд (Charles de Gand), внук Максимилиана, ее прежнего супруга по доверенности! Откуда взялся этот проект союза с Габсбургами, традиционными врагами Франции? Из прошлого Анны. Франциск II всегда выделял австрийца как могущественного союзника – недаром он предложил ему свою дочь в жены. Сильный, однако на приличном

расстоянии от Бретани – идеальный компаньон. Ведь находясь под гербом австрийского дома, Бретань никак не теряла свою свободу, становясь обособленной частью могущественной империи, одним из его сильнейших княжеств. Вот причины, побудившие Анну предпочесть этого жениха для своей дочери. В отличие от брака с Франсуа Ангулемским, этот союз не угрожал бретонской автономии.

Какой взлет для Дома Максимилиана! Его внук, Карл, встанет во главе империи, бесконечно более сильной, чем владел его дед. Он не только наследовал в первую очередь Австрию, но и получал от своего отца, Филиппа Красивого, земли, граничившие с Францией на севере и северо-востоке – Нидерланды, Фландрию, Артуа, Франш-Конте и, возможно, Бургундию. Он оказывался самым могущественным принцем, которого когда-либо знали. И не был ли он по материнской линии наследником Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской – а через них и заокеанских земель, недавно открытых? Получалось, что Карл становился наследником и Старого, и Нового Света? Плюс Испания, Сицилия… Да, этот мальчик, Карл де Ганд или Карл Люксембургский, станет великим Карлом V!

И именно его – пока еще младенца в колыбели – Анна выбрала для своей Клод. Политическая подоплека понятна. Но существовал и еще один мотив. Сама Анна была герцогиней, потом стала королевой. Познала власть и славу. И она стремилась к тому же для своей дочери. Клод однажды станет императрицей, самой великой и могущественной из императриц…

Оставалось убедить Людовика XII, у которого могли быть другие желания, который вовсе не стремился увидеть отрезанную от Франции Бретань и получить врагов у самых границ своего королевства. Но – какая неожиданность! – Луи никогда не мог отказать той, кого он так любил… и кого так опасался в то же время. Он уже делал уступки своей тогда еще будущей жене, в период междуцарствия. Анна убедила себя, что и сейчас не будет никаких сложностей.

Поначалу все шло, как хотелось Анне. Летом 1501 года при поддержке кардинала д'Амбуаза она смогла убедить Людовика XII разрешить этот союз. В августе королевская чета поставила свои подписи под договором, заключенным в Лионе с послами эрцгерцога Филиппа де Бо, отца жениха. По этому предварительному соглашению Клод должна была принести в приданое Карлу итальянские владения Людовика, Бургундию, Бретань и восточные земли до графства Блуа. Иначе говоря, существенно уменьшить территорию Франции, вернув ее границы до очерченных при Людовике XI!

Родители будущего мужа прибыли во Францию в ноябре 1501 года и получили великолепный прием в Блуа, где как раз завершились строительные работы восточного фасада. Интерьер впечатлял, стены покрыли новыми гобеленами с изображениями сюжетов на исторические темы, на постелях блестели золотом покрывала. Сияние исходило повсюду, празднуя союз двух великих государств.

Анна не отказывалась от своего проекта: летом 1504 года, когда Жье был официально осужден, переговоры вступили в новую фазу – нужно было заключить прямое соглашение между королями. 22 сентября 1504 года были подписаны знаменитые договора в Блуа. В первую очередь, они касались военного и политического вопроса, нас же больше интересует третий пункт – проект брака между Клод Французской и Карлом де Ганд получил официальное утверждение. Если Людовик XII умрет, не оставив сына, юные супруги получат впечатляющее наследство: Гиень, Миланское герцогство на итальянском полуострове, но и – Бретань, герцогство Бургундское, Оксеруа (Auxerrois), Маконнэ (Mâcconais), виконтство Оксон (Auxonne), Бар-сюр-Сен (Bar-sur-Seine), графство Блуа! Франция будет открыта для вторжения на западе и на востоке. Даже само ее сердце – город Блуа, крепость династии Валуа-Орлеанских – было предложено Габсбургу!

Была ли это вынужденная мера? С болью ли в сердце предлагалось все это австрийцу? Ничего подобного! Анна была очарована открывающимися перед ее дочерью перспективами. Этот проект полностью соответствовал ее самым потаенным желаниям. Было ли это легкомысленно со стороны королевы? Вовсе нет, глубокий расчет руководил ею…

Это может удивлять в наши дни, как удивляло и возмущало многих историков в течение века. Анну обвиняли в том, что она была плохой француженкой, что вошла в сделку с иностранцем, что желала потери монархии. Современный человек видит в ее поступках предательство и сговор с врагом. Неразумная точка зрения, ибо нельзя подходить к XVI веку с мерками человека, живущего в XX веке.

В начале XVI века феодалы и короли имели самые большие земельные владения, выступая в них полноправными хозяевами. Чаще всего они стремились сохранить и преумножить свои территории – это часть традиции. Но если в результате войны или проигранной битвы феодал должен был уступить по договору всю территорию или ее часть победителю, никто и не думал оспаривать его решение. Да и без военных действий – реши хозяин, что ему выгодно отдать кому-либо свои земли, это было лишь его личное дело. Даже король Франции поступал так.

Конечно, он являл собой монарха, главу всех земель, но все же в те времена король мало был знаком с понятием «национальных интересов». Пожалуй, лишь один Людовик XI имел некое предчувствие национального единства. Разве не пожертвовал Карл VIII землями Артуа, Франш-Конте и Руссильон ради своих итальянских авантюр?

И Людовик XII не слишком отличался от своих предшественников. По совету Анны он согласился на брак Клод с могущественным наследником Габсбургов. Приданое должно было соответствовать ожидаемому величию супругов, пусть даже придется отдать самое дорогое. Анна радовалась будущему счастью дочери и подталкивала Луи к разделению важных земельных территорий, да и сама передавала Бретань в чужие руки. И король ни в чем не мог отказать любимой жене…

Таково было истинное лицо Истории. И никто не осмеливался протестовать против королевских решений. До 1789 года понятия «нация», «отечество» не существовали. Были лишь отдельные провинции – Артуа, Мен, Анжу, Берри… сами разделенные на мелкие земельные владения. Они и создавали в конечном счете территорию Францию. Для людей XVI и даже XVII века страна, по сути, была искусственным понятием, во главе которой стоял король, как ее символ. Нет, Анна не предавала Францию. Она не могла выступить против патриотических принципов, потому что тогда их просто не существовало – ростки национального чувства появятся лишь в первой половине XIX века. Об этом нужно помнить современным историкам, наследникам французской революции…

Сентябрь 1504 года стал временем величайшего триумфа Анны Бретонской. Никогда еще ее влияние, ее сила не были так велики. Договор в Блуа был заключен исключительно благодаря ей. Да, она уже была королевой Франции при Карле VIII, но сейчас она по-настоящему правила. Людовик XII позволил ей решать судьбу королевства. Жье потерял свой престиж, Амбуаз верно следовал своему принципу быть на стороне сильного…

И осенью Людовик XII оказал своей королеве самые великие почести: 18 ноября она прошла церемонию коронации в аббатстве Сен-Дени, где кардинал возложил на ее голову корону. Конечно, такая церемония уже была в жизни Анны Бретонской – Карл VIII также короновал свою супругу, – но на этот раз это не было лишь символическим жестом. Анна стала настоящей королевой со всей полнотой власти.

20 ноября состоялся ее торжественный въезд в Париж, обставленный с подобающей пышностью – гобелены, развешанные на пути следования королевы, многочисленные

театральные представления на площадях, флаги с изображениями королевских лилий и бретонских горностаев. Торжественные речи следовали друг за другом. Апофеозом стал торжественный банкет, на который пригласили тысячу гостей. Ради 27-летней королевы собрались все блестящие семьи королевства.

Но как же на самом деле относился Луи к брачному проекту, задуманному его супругой? В глубине души он был против. Но держал свои мысли при себе, ведя свою собственную игру. 30 апреля 1501 года, когда Клод была еще совсем крошкой, а Анне только-только пришла в голову мысль о габсбургском союзе, он подписал в Лионе декларацию, где зафиксировал свою предварительную волю: его дочь выйдет замуж за Франсуа, герцога де Валуа, назначенного наследника короны. Поскольку Людовик знал, что у Анны этот проект не вызовет восторга, он держал его в секрете. Возможно, Жье был в курсе, но тоже хранил молчание. Тайна раскрылась в феврале 1504 года, когда король настолько тяжело заболел, что началась подготовка к его похоронам. Тогда-то Жье и раскрыл Анне намерение Людовика выдать дочь за Франсуа.

Правда заключалась в том, что Людовик XII никогда не испытывал опасений по поводу бретонского отделения, отличаясь этим от своих предшественников. Ни Людовик XI, ни чета де Божё, ни Карл VIII не желали дать Бретани политическую свободу, подталкивая этим ее к национальным всплескам борьбы за независимость. Луи же был готов предоставить герцогству необходимые свободы – что мы и увидели в результате его переговоров с Анной в период междуцарствия. Гораздо больше его волновало сохранение единства своих территорий.

Договора в Блуа подвергали королевство Людовика угрозе иностранного вторжения. А союз Клод и Франсуа способствовал сохранению единства. Даже напротив: это была возможность сохранить прекрасные земли Бретани нетронутыми, недоступными для иных вторжений сколь угодно долго. Так что в глубине души Людовик XII был согласен с планами маршала де Жье.

Возникает естественный вопрос – почему же тогда король позволил переговорам по поводу проекта брака с Карлом де Ганд зайти так далеко? Во-первых, в 1499-1504 года Анна имела огромное влияние на Людовика. Во-вторых, Людовик был реалистом: Клод была еще очень мала, Карл тоже был еще крошкой – сколько в те времена заключалось помолвок, так и не ставших браком из-за смерти жениха или невесты?! Должны были пройти годы до настоящего брака. А за это время могло случиться всякое… Поэтому Людовик и подписал соглашение с довольным

видом. Возможно, его намерения и оставались бы неизвестны супруге, не вмешайся судьба.

В апреле 1505 года король серьезно заболел. Все ожидали его смерти. В то время, как все французы молились о выздоровлении Людовика, Анна со своей стороны призвала всех бретонских святых для заступничества перед Господом. Она отправилась в традиционное паломничество в Фол-Гоа (Foll-Goat), чтобы воззвать к Богоматери. Мольбы Анны были услышаны – Луи вернулся к жизни. Но радость королевы оказалась кратковременной. Людовик испугался. Да, сейчас он обрел выздоровление, но где гарантия, что завтра он не умрет? Что произойдет тогда с королевством? В первую очередь его беспокоил этот брачный проект с Габсбругом. Пришло время действовать. К тому же Анны не было рядом, Луи был один, он мог сделать то, что должен был уже давно. Слабый от недавней лихорадки, но в ясном уме, Людовик XII продиктовал свою волю: брачный проект с Карлом аннулируется, Клод выйдет замуж за Франсуа, когда достигнет брачного возраста.

Здоровье короля улучшалось, но своего решения он не изменил. Спустя несколько дней он обнародовал свое решение. Естественно, Анна узнала об этом. Ее возмущению не было предела: разве не противоречило это решение всем соглашениям, заключенным ранее? Она искала поддержку вокруг себя, того, кто мог бы повлиять на короля. Жорж д'Амбуаз? Да, он всегда верно служил и ей, и Людовику, но на этот раз ничего не мог сделать, да и не хотел. Ветер переменился. Слишком амбициозный, чтобы рисковать милостью короля, кардинал предпочел не вмешиваться. Другие советники? Никто не хотел участвовать. Но может быть еще не поздно, надеялась Анна. Может быть, Луи изменит решение? Но нет. 31 мая 1505 года он подписал официальные бумаги по вопросу брака Клод и Франсуа. На этот раз он пошел до конца. И ошеломленная Анна ничего не могла сделать.

На следующий день после подписания соглашений, 1 июня, она покинула двор и уехала в Бретань.

В хрониках значится, что Анна отправилась на свою родину, чтобы осуществить обет, данный у изголовья умирающего короля. Этот обет она произнесла и во время своего визита в Фол-Гоа. И бретонка не могла не выполнить свое религиозное обещание, тем более, что Небо услышало ее молитвы и вернуло здоровье королю. Но все же видится некая связь между ее поспешным отъездом и королевским решением о браке, против которого она так яростно выступала. К тому же эта поездка удерживала ее вдали от Людовика в течение пяти месяцев. Никогда еще Анна не расставалась так надолго с мужем – ни с Карлом, ни с Людовиком

– по своей воле. Обычно они оставляли супругу ради своих итальянских проектов. Теперь это была она.

Возвращение герцогини на родину было обставлено с чрезвычайной помпезностью. Ее сопровождал громадный эскорт, на всем пути следования ей был обеспечен великолепный прием. Жан д'Отон рапортовал: «все города славили ее, все дороги были расчищены. Сеньоры Церкви, джентльмены страны, торговцы, простой народ встречали ее с сердечным желанием и дорогой радостью».

Из Фолгое (Folgoët) она отправилась в Лесневан (Lesneven), из Сен-Пол (Saint-Pol) в Морле (Morlaix), где любовалась деревом Жессе (Jessé), представившее всю ее генеалогию со времен Конана Мериадека (Conan Meriadec), легендарного основателя бретонской власти.

Что до Анны, то она хотела произвести впечатление. В первую очередь, на бретонцев, столь горячо ее приветствовавших. Но также и на мужа, которому она ежедневно писала. После недавних споров, казалось, все успокаивалось. Анну очень воодушевила та бурная радость, с которой встретили свою герцогиню земляки. Возможно, это заставит ее супруга-короля отказаться от идеи союза с семьей Ангулемских… К тому же, ничего конкретного еще не было сделано: ни заявлений в Парламенте, ни открытой помолвки. Только обещания Людовика XII, только пара писем. От королевы требовалось согласие на этот брак – так она его не дала. И бретонка очень надеялась, что Людовик в конце концов уступит…

Но король не уступил. Анна узнала, что Луиза Савойская и Франсуа Ангулемский нанесли визит Людовику XII. Несомненно, чтобы обсудить план брака… Анна не уступала и демонстративно проигнорировала просьбу мужа вернуться, продолжив свое триумфальное путешествие по родине. Она созвала Штаты, разбирала дела герцогства – правила. Бретань подняла голову…

Это стало первой семейной бурей в жизни Анны. Ничего подобного до сих пор не было ни с Карлом VIII, ее возлюбленным, ни с Луи, влюбленном в нее. Конечно, случались вспышки, ссоры, но до подобного яростного противостояния супруги никогда не доходили. Причиной стала Клод, слабая маленькая девочка, единственный на тот момент выживший ребенок Анны, всегда надеявшейся на дофина.

Поскольку король не мог заставить свою жену вернуться, он поручил это своему верному другу Жоржу д'Амбуазу. Деликатная миссия… Кардинал посылал Анне письма с мольбами о возвращении. В послании от 13 сентября 1505 года он писал, что никогда не видел короля таким сердитым, цитировал слова

Людовика, что «если мы никогда не будем вместе, то я готов стать самым бедным священником в своей церкви». Амбуаз помнил об интересах Франции: если он упросит Анну вернуться, то страна избежит того, что «иностранцы выставят свой счет» – иначе говоря, что зарубежные коллеги не используют разногласия королевской четы в своих интересах.

Все эти письма достигли своей цели, но лишь частично: королева пообещала вернуться, но не оговорила дату. Тогда 17 сентября Амбуаз отправил в Бретань новое письмо: Людовик XII «находится в великом недоумении», языки двора развязались, самое время королеве вернуться, чтобы положить конец сплетням. Была задета честь Анны. Завершил свое послание кардинал лаконичным сообщением: «Мадам, Король призвал в Блуа вашу дочь и <я> знаю, что ожидается приезд Мадам Ангулемской туда». Ужасные слова! Луиза Савойская едет к королю договариваться о браке своего сына! Без Анны! Отъезд бретонки обернулся против нее! Ее добровольная ссылка, ее угрозы остались безрезультатными. Действительно, нужно было возвращаться туда, где она будет более полезна.

Она уже готовилась к возвращению в Блуа, когда, будучи в Витре, узнала о новой болезни мужа, вызвавшей сильное беспокойство у врачей. И Анна не продолжила свой путь, пока не получила успокаивающих известий от короля. Бретонка не хотела ступать на землю Франции в случае известия о смерти Людовика. Можно удивиться такому отношению, однако оно объяснимо. В случае смерти короля ему наследует Франсуа де Валуа. Ввиду его юного возраста понятно, что реальная власть будет в руках его матери, Луизы Савойской, врага Анны! И бретонка предпочла переждать в своем герцогстве.

Лишь в конце октября 1505 года Анна прибыла в Блуа. Вынужденная смириться с решением Луи, она, тем не менее, не изменила своей точки зрения на брак Клод и Франсуа. Однако открыто она не выступала, очевидно, не желая повторять недавнюю семейную бурю. Да и Людовик XII предпочел сделать вид, что вовсе не его желание стало причиной этого брачного проекта, а воля народа. И если бы Анна начала выступать против проекта, ее поведение неизбежно вызвало бы всеобщее неодобрение.

Людовик созвал Генеральные Штаты – так под пером хроникеров XVI века называлось собрание почтенных граждан, когда каждый город делегировал двух депутатов, дворянина и буржуа, для обсуждения вопросов государства. Для короля же это собрание означало видимость совещания с народом.

14 мая 1506 года в замке Плесси-ле-Тур (Plessis-lès-Tours) открылось заседание собравшихся. Парижанин Тома Брико (Thomas Brico или Bricot) взял слово и держал речь от имени ассамблеи. Назвав Людовика XII «отцом народа» (имя, с которым он останется в Истории), Брико преклонил колени перед королем и воззвал к нему с просьбой выдать Клод Французскую замуж за Франсуа де Валуа. Людовик в задумчивости ответил, что должен тщательно обдумать это предложение, ибо «оно застало его врасплох».

Августейшая комедия продолжалась: 18 мая в том же замке Плесси король обратился к кардиналу д'Амбуазу и другим советниками с просьбой высказать свое мнение по поводу предложения «народа». Советники ответили, что идея кажется им замечательной, и попросили короля согласиться на этот союз. Последний акт разыграли 19 мая: через своего канцлера Людовик передал Штатам свое согласие. И тут же – уже через 48 часов – обручил юных жениха и невесту. Так 21 мая 1506 года, в четверг, помолвка Клод и Франсуа была торжественно отпразднована в присутствии Анны Бретонской.

Проиграла ли королева эту партию? Официально – да. Фактически – нет. Потому что в условиях договора о браке не была упомянута Бретань в качестве части приданого Клод. Если Людовик XII оговорил, что дает за дочерью графства Блуа и Асти, то Анна ограничилась внесением денежных средств – 100 000 экю. А ведь в габсбургском проекте она сразу определяла за дочерью свой фьёф! Сейчас она лишь подчеркнула, что если у пары родится сын, она передаст ему герцогство (несмотря на условия своего собственного брачного контракта).

А жених и невеста ничего не получают! Клод ещё не было шести лет. Должно было пройти 6-7 лет, пока она сможет вступить в брак. По собственному опыту Анна знала, что всё могло измениться за очень короткое время. Конечно, король подписал это соглашение, да, он часто болел. Но ей, Анне, еще не исполнилось и 29 лет, она была моложе своего супруга на 15 лет, была совершенно здорова, несмотря на неудачные беременности. Она вполне еще могла дать жизнь дофину, а это совершенно изменит вопрос союза Франсуа и Клод.

Так что, несмотря на свое поражение, Анна была полна оптимизма и уверенности, что брак этот никогда не будет заключен. Бретонка ревностно относилась и к будущему своей дочери, и к будущему своей страны.

За период начала царствования Людовика XII с 1499 до 1506 год Анна Бретонская прочно укрепилась на вершинах власти.

Слабый Луи нуждался в сильной и разумной женщине. Имея в приоритетах интересы своей земли, Анна повлияла в сферах, относящихся к ведению короля: война в Италии, будущее и слава его династии.

И частенько она обыгрывала Людовика…

Глава 10. Конец жизни королевы в замке Блуа (1506-1514)

Сен-Дени. Надгробие Анны Бретонской и Людовика XII.

Июль 1506 года. Несмотря на неудачу с браком Клод, уверенность Анны в себе не изменилась, королева продолжала править. И мог ли ее муж отказать ей в чем-то важном? Конечно, гроза 1505 года слегка пошатнула отношения в паре, но теперь супруги вернулись к утраченному было равновесию. Что еще неблагоприятного могло случиться?

О помолвке Клод и Франсуа больше никто не упоминал. Время делало свое дело… и было еще столько прочих важных дел: Франция, правление. Анна и Луи состояли в браке уже семь лет. Наконец наступила гармония в их отношениях. Почему бы не быть им счастливыми и процветающими?

В своем обновленном союзе супруги могли слаженно вести дела. Потому, что Людовик XII, осознающий свои пределы, очень рассчитывал на ум своей жены. Потому, что Анна, после своего неудавшегося габсбургского проекта, желала вернуть себе власть. Отныне все знали: важные решения король и королева принимают вместе. Анна управляла Людовиком!

Это доказывает та обильная и оживленная корреспонденция, которую вела Анна с зарубежными дворами. Она не переставала писать европейским королям, пробивая интересы своих друзей или родственников. Неоспорим факт, что Анна искала способы повлиять на Испанию. Чтобы поддержать одну из дочерей Дома де Фуа? Чтобы разделить химерические проекты своего супруга на итальянском полуострове? И то, и другое. Влияя через испанскую королеву на мужа последней, Анна помогала своему собственному мужу в его амбициозных планах. И эта работа велась со стороны женщины, которую активно обвиняют в противостоянии французским интересам! А ведь зачастую именно она производила больше реальных действий, чем ее супруг, ограничивавшийся лишь автографами на документах.

По крайней мере, в сфере дипломатии союз короля и королевы был нерушим. «Отец народа» делал для своей страны меньше, чем Анна, но именно она подвергалась нападкам историков. Да, когда дело касалось интересов ее родной Бретани, она действовала порой жестоко, но в прочих вопросах Анна следовала тем же целям, что и ее супруг. С его одобрения и поддержкой.

Анна чаще короля принимала послов всех государств. Именно на нее возлагали они свои надежды. Приемы проходили в зале для аудиенции, на них всегда присутствовал первый канцлер сеньор де Грино (Grignaux), принц де Шале (Chalais), обладавший прекрасными манерами и знавший иностранные языки. С его именем связан один анекдот, дошедший до нас благодаря Брантому.

Грино учил Анну основным фразам на немецком, итальянском и испанском языках, чтобы она могла приветствовать дипломатов на их родном языке. Это создавало благоприятную атмосферу для последующей беседы. Гости видели в ней доброжелательную и понимающую хозяйку. И вот однажды королева попросила Грино составить для нее красивую фразу на испанском языке, чтобы выучить ее наизусть и повторить на следующий день послу. Канцлер же, по словам Брантома, записал «несколько грязных словечек». Анна тщательно выучила фразу. На следующий день, незадолго до аудиенции, Грино, довольный собой, рассказал о своей шутке Людовику XII, желая развлечь короля. А тот ужаснулся, представив себе ту драму, которую могла повлечь за собой эта шутка, и поспешил предупредить свою Бретоночку.

Анна, всегда серьезно относившаяся к своим обязанностям, не нашла в шутке ничего смешного. Разгневанная, она хотела изгнать Грино. Понадобилось личное вмешательство короля,

чтобы утихомирить королеву. Он уверил жену, что Грино всего лишь хотел пошутить над ней и собирался вмешаться, если бы она действительно начала произносить скандальную фразу. В конце концов, Анна простила Грино, но из-за своего чувства юмора и некоторой наглости, тот несколько дней не осмеливался появиться перед нею.

Анна участвовала как во внешней политике, так и во внутренней. В мае 1510 года кардинал д'Амбуаз умирал в Лионе. Анна получала в Блуа тревожные вести о состоянии здоровья фаворита Людовика XII, пока не пришло извести о смерти Жоржа 25 мая. Ещё 28 числа, когда печальная новость не достигла королевского двора, Анна отправила письмо канцлеру Рошфору, ясно дав тому понять, что именно его видит преемником д'Амбуаза. «Поскольку Господь призывает к себе своего слугу», а она «не вправе выступать против Божьей воли», то она, королева, рассматривает канцлера как полноправного преемника «хорошего слуги». Анна попросила Рошфора прибыть ко двору, уточняя: «Я желаю видеть только вас [в правительстве] и никого другого, я поддержу вас в этом насколько это будет в моих силах». Также бретонка уточнила: «Известите меня, кем вы хотите окружить себя». Иными словами, Анна лично назначила преемника на пост министра и снабдила его подробными инструкциями.

Однако влияние королевы не ограничивалось только эпизодическими вторжениями в сферу короля. С арены постепенно уходили ее политические соперники – Жье был в опале, д'Амбуаз скончался, вопрос брака Клод отложен на неопределенное время. И Анна могла спокойно править, не опасаясь потрясений. Ее влияние на короля со временем усиливалось. По сложившемуся мнению, Людовик XII вряд ли смог управлять государством без Анны, без своих друзей.

Целью этого труда не является описание быта королевы на заре Возрождения, но невозможно не заметить сияние, исходившее от ее личности, влиявшее на ее окружение и ее современников. Никогда Шарлотта Савойская, супруга Людовика XI и мать Карла VIII, не имела такого! Самое большее, чего она смогла добиться, – это оживить двор небольшой стайкой дам-компаньонок. Но оставить след в Истории ей не удалось, Шарлотта лишь следовала традициями XV века. Анна же выделяется в ряду французских королев, ей предшествовавших. Она стала легендой, началом новой эпохи, породив особый стиль жизни, где роскошь смешивалась с простотой.

Ее жилище, замок Блуа, тоже стал символом изменения эпохи. Супруг Анны занялся расширением замка – работы начались в 1498 году, когда Людовик освободился от Жанны

Хромоножки и воссоединился со своей дорогой Бретоночкой. В первые годы совместной жизни супруги вместе разрабатывали концепцию переделки Блуа. Необходимость в укрепленных крепостях отпала – времена межфеодальных войн ушли в прошлое, в укреплениях, подобных Амбуазским, королевский замок уже не нуждался. Можно было наслаждаться миром, проживая не в военной крепости, а в элегантном особняке.

С трех сторон Людовик XII возвел удобный ансамбль зданий, восхищавший взор. Главные покои предстали со стороны полей. Это была изящная конструкция, прорезанная большими окнами на трех уровнях, через которые беспрепятственно проникали в здание свет и тепло. Кирпич и камень украсили вкраплениями в виде ромбов из черных камней. Возле королевского крыла Луи решил возвести часовню, к которой можно было пройти под сводами галереи, окружавшими двор замка. В 1508 году часовня была освящена именем Сен-Кале (Saint-Calais). Светскость и религиозность. Архитектура новых зданий выдерживалась в гармонии с сохранившимся старым крылом, в котором король приказал лишь переделать фасад. Как и в том крыле, которое позже снес Гастон Орлеанский. Во времена Луи там располагалась личная охрана Анны Бретонской, состоявшая из бретонцев, а потому крыло носило имя «Насест бретонцев» («Perche aux Bretons»).

Если планировка ансамбля сохраняла традиционную французскую структуру, то декор здания был склонен к итальянским веяниям – более оригинальная, чем это было прежде, она отражала впечатления короля от итальянских миражей. Появились невиданные ранее мотивы в украшении зданий: орнаменты в виде завитков, канделябры, забавные стилизации животных. Но никакой чрезмерности! Изящество и трезвость. Жилище короля не должно ослеплять – но быть изящным. На колоннах появились орнаменты – в том месте, куда естественным образом падал взгляд. Какой контраст по сравнению со средневековыми замками с их суровыми башнями, толстыми стенами, узкими окнами – именно такое крыло могла видеть Анна из окон своих покоев по правой стороне двора, там, где Франциск I позже возведет пышно убранное крыло, носящее ныне его имя.

А чего стоят интерьеры замка! В главном крыле было множество комнат, отведенных для королевы. Эти прекрасные частные апартаменты были украшены великолепными гобеленами, а также шторами, изготовленными из красной и золотой ткани, сквозь которые так весело играли солнечные лучи, проникая сквозь многоцветные витражи окон. Анна наслаждалась

своими покоями. Ей нравилась приемная, созданная для королевы изобретательным архитектором. Это был широкий коридор, где можно было отыскать множество укромных уголков для дружеских встреч. В хорошую погоду дамы из свиты Анны могли наслаждаться видом новых фасадов, глядя в широкие и высокие окна. Зимой же эти окна плотно закрывались, сохраняя тепло помещений. А при желании можно было открыть дверь и сделать несколько шагов во внутренние покои к одному из монументальных каминов с ободряющим жаром.

Нежность и некоторая интимность этого уютного очарования не исключала пышности. Напротив! Королева была известна своим вкусом к украшениям и предметам роскоши. Рядом со своими покоями, в кабинете и галерее, Анна разместила свои самые ценные сокровища: ее бриллианты, жемчуга, рубины и изумруды были дарами от многочисленных королевских дворов Европы, от верных подданных ее мужа, а также от преданных друзей бретонки. Избранные персоны могли любоваться сокровищами хозяйки замка.

А что насчет обстановки замка? Была ли она достойна новой архитектуры и своего хозяина? На заре XVI века не так уж много было предметов мебели, и они не отличались разнообразием. Что до стульев, то в комнате Анны их было не более двух – большие, обтянутые бархатом, они были предназначены только для короля и королевы. Остальные посетители обычно стояли перед Анной. Если гостем была очень важная персона, то для него паж мог принести сиденье – скамью, если это был мужчина, или большую подушку для дамы высокого рождения. Люди же более скромного происхождения должны были опускаться перед королевой на колени, выслушивая ее приказы или же просто разговаривая с нею. Что до фрейлин Анны, то они составляли компанию королеве, сидя прямо на полу.

Вряд ли такое положение вещей можно приписывать исключительно нехватке мебели. В те времена социальные различия имели первостепенное значение, и необходимо было подчеркивать свой ранг любыми способами. Поскольку весь этот декор, одновременно пышный и интимный, был разработан самой Анной, то в первую очередь он преследовал удовлетворение ее личных амбиций. Впрочем, король не возражал.

Но бретонка нуждалась не только в изящной обстановке. Дитя своей земли, она обожала свежий воздух, прогулки, цветы, птиц. Карл VIII хорошо знал это и создал для любимой супруги сады в крепости Амбуаз, где она могла бы резвиться, отдыхая от официальных церемоний. Людовик XII пошёл дальше. В отличие от предшественника он не был ограничен в территории и мог

возвести роскошный сад на восточной стороне замка Блуа, там, где сегодня раскинулись городские улицы. И сады эти были разбиты на плодородных почвах Турени, позволявшим создать настоящую райскую идиллию сельского пейзажа.

Для удовольствия королевы появилось три великолепных сада, разместившихся на трех уровнях террас. На самом нижнем уровне Анна могла гулять в маленьком Бретонском Саду (Jardin de Bretonnerie), который, несмотря на свое название, был разбит гораздо раньше. Людовик лишь переделал его, сообразуясь со вкусами любимой жены. Чуть выше располагался Нижний Сад (Jardin Bas), разбитый приблизительно в 1499-1503 гг, уже специально для Анны. На самом верхнем уровне располагался Высокий Сад (Jardin Haut), работы по его благоустройству начались в 1505 году.

Больше всего внимания привлекал Нижний Сад. Созданный одновременно с основной перестройкой замка, он отражал самые личные вкусы королевы. Анна легко могла попасть в него, пройдя из своих покоев по крытой галерее на каменном мосту, носившей название Оленьей (Galerie des Cerfs). Спустившись по нескольким ступенькам, Анна оказывалась в самом очаровательном саду своей эпохи. Там с большой прямоугольной террасы площадью 200 на 90 м, поддерживаемой с трех углов высокими стенами, открывался вид на великолепный пейзаж. Цветы и деревья источали сладкий аромат, дополняя визуальный ряд. Ровные аллеи были украшены многочисленными скульптурами геометрической формы, скрашивая строгую геометрию линий. В центре сада был возведен маленький павильон, под сводами которого находился небольшой водоем, высеченный из турского камня, в котором приятно журчала вода…

Но на особом предпочтении у Анны был несомненно павильон, который король возвел для нее, хотя и назван был в честь Людовика. Это строение стояло на краю террасы. В те времена оно оказалось уникальным образцом королевской архитектуры готического стиля, ставший декорацией для украшения сада. Строение имело три этажа и полуподвал, восьмигранное сооружение венчала шиферная крыша, от центральной части расходились четыре крыла здания. В этом павильоне Анна могла укрыться от дождя или жары, отдохнуть вдали от шума двора, помолиться в одиночестве в ожидании ребенка или после очередных неудачных родов. Именно там проводила она счастливые часы с Луи, в укрытии от нескромных взглядов.

Моменты скорби или счастья, полные нежности и очарования. В роскоши: стены, сложенные из камня и кирпича,

широкие окна, богатые скульптурные украшения – все это создавало впечатление величия и в то же время сдержанности.

Для придания гармонии всему ансамблю был необходим талантливый садовник. Дом Пачелло, называемый также Пачелло да Меркольяно (Dom Pacello da Mercogliano), на этот раз превзошел самого себя. Пачелло! Тот самый итальянец, которого Карл VIII привез с собой из Неаполя, тот самый итальянец, кто украшал Амбуаз. Верхний и Нижний Сады Блуа – это было его творение. Мастер сумел сочетать величие и нежность, соединив замок и пейзаж в единое целое.

*

Но в начале XVI века главным действующим лицом замка Блуа была королева, вдохнувшая в камни и аллеи жизнь. Своим присутствием, своей активностью Анна заставила по-настоящему расцвести новую королевскую резиденцию. Она окружила себя художниками, оставившими свои имена и свои шедевры в Истории и Искусстве.

Это были великие скульпторы, как, например, Мишель Коломб (Michel Colombe), чей талант уже послужил Людовику XI и Карлу VIII. Анна призвала его в Блуа. Коломб удостоился чести изваять портрет королевы в виде статуи Добродетели (речь идет об аллегорическом изображении добродетелей бретонского герцога – Добродетели, Справедливости, Силе и Воздержанности. Мишель Коломб также выполнил скульптурные портреты герцогской четы и, возможно, очаровательных ангелочков на памятнике), украсившей надгробия Франциска II и Маргериты де Фуа, которым ныне можно любоваться в соборе Нанта (изначально монумент находился в монастыре Кармелитов в Нанте).

Именно этому талантливому скульптору королева поручила возвести великолепный памятник своим родителям.

Среди известных художников, пользовавшихся милостью королевского двора, можно выделить Жана Перреаль (Jean Perréal), начавшего свою карьеру при Карле VIII. В 1509 году Людовик XII включил его в состав своей экспедиции против венецианцев, чтобы художник проиллюстрировал исторические хроники. Жан оставил невероятный по своему объему архив, запечатлев все, что видел на своем пути: города, замки, долины, реки, горы, не забывая о битвах и людях, тщательно изображая радость победителей и горе побежденных.

Жан Бурдишон (Jean Bourdichon) мог конкурировать с Жаном Переаль на поприще художников. Он начал трудиться во славу французского королевства еще при Людовике XI. По поручению

Анны Бретонской он писал исторические полотна – от портретов до панорам, он также изображал гербы Анны – там, где она желала их видеть. После смерти Франциска де Поль в монастыре Минимов в Плесси-ле-Тур в 1507 году, королева попросила художника написать портрет покойного, которого так ценила и который так верно служил ей всю свою жизнь. Бурдишон лично снял слепок с лица Франциска де Поль, чтобы воспроизвести его черты с максимальной точностью.

Однако особое место в ряду работ художника занимает одна, самая дорогая сердцу его высочайшей покровительницы – великолепный часослов, столь пышно иллюстрированный, что работа над ним растянулась с 1500 до 1507 гг. Существовали знаменитые молитвенники прошлого: манускрипт Карла Великого, псалтыри Святого Людовика, Карла V и Карла VI. Но Анна попросила художника сделать часослов лучшим. Она желал получить творение, которое затмило бы предшественников.

За 6000 золотых экю (значительная сумма!) Бурдишон выполнил эту задачу. Когда он представил свой труд королеве, она была поражена. Великолепные иллюстрации были выполнены в 1000 оттенках. Там были тончайшие изображения флоры Турени, в том числе и тех растений, которые Анна выращивала в своих садах. Неизвестно, что восхищало больше: глубокое знание ботаники или мастерство художника. Королева не могла остаться равнодушной, ведь известна ее любовь к растениям своей родины. Также на страницах часослова можно было увидеть изображение разных фруктов, насекомых, животных, оживлявших натюрморты. Ни одно изображение не повторялось.

Конечно, в этом маленьком фолианте были представлены и сюжеты религиозного характера: сцены из Ветхого и Нового Завета, эпизоды из жизни Христа и святых. Сама королева также присутствовала на страницах часослова. Ее можно увидеть коленопреклоненной, облаченной в свои обычные одежды, с бретонским чепцом на голове. Позади Анны стоят ее святые покровительницы: Святая Урсула, Святая Маргарита и Святая Анна, молящаяся за свою протеже. И поныне этот часослов считается одним из самых красивых в мире.

Поначалу Анна не смогла окружить себя литературными талантами. Во всяком случае, трудно выделить писателя или поэта, разве что имя Жана Маро (Jean Marot), отца знаменитого Клемента Маро (Clément Marot), всплывает в памяти. Он был призван на службу королеве в должности камердинера и носил титул «поэт великодушия Анны Бретонской». Жан воспел экспедиции в Италию, пересказал восстание в Генуе в 1506 году, победу французов над мятежниками в апреле 1507 г. Все свои

труды он посвящал своей покровительнице, столь щедрой к нему.

Но вот на литературном небосводе появилось новое имя: Жан Лемер де Бельж (Jean Lemaire de Belge), которого привел ко двору Жан Переаль, отыскивавший таланты для королевы. Официально должность его называлась «секретарь или историкограф самой великой и самой блестящей принцессы Мадам Анны Бретонской». Лемер стал автором важного произведения в прозе под названием «Прославление Галлии и необычайные судьбы Трои» («Les Illustrations et Singularités de Troye»), в котором он описывал мифологическую историю народов старой Европы. Этим трудом де Бельж угождал своей госпоже в её жажде знаний и её вкусу ко всему новому. «Прославление» стало началом французского Возрождения.

Королева заболевала? Жан Маро и Жен Лемер де Бельж штурмовали вершины вдохновения, чтобы ускорить её выздоровление. Оба оставались верны своей госпоже и оба пожинали плоды королевской милости.

Также Анна одаривала своей дружбой художников и поэтов в замке своей мечты. Потому, что эти люди приносили ей удовольствие. Потому, что она хотела отметить свой путь и путь Людовика XII в ходе Времени. Так Блуа, расположенный по соседству с Туром, способствовал распространению французского искусства. Счастливый союз королевской милости и таланта создал новую жизнь. В замке царила радость, смех – пока не прерывался на траурные мероприятия по утрате очередного ребенка.

Богатые покои королевы видели и артистов другого рода, чьи имена история не сохранила. Это были те, кто развлекали и веселили Анну. Из Бретани прибывали певцы, менестрели. Звучали лютни, скрипки, тамбурины. Также королеву окружали акробаты и комедианты, которые разыгрывали фарсы и пьесы ко всеобщему удовольствию. И такая приятная жизнь велась среди забот правления королевством. Очевидно, что этикет не был суровым. Король и королева правили – и не забывали о простых радостях, вроде срезанной розы или сальто акробата.

Анна четко понимала свою роль в Истории: она хотела оставить свой след не только в хрониках, но и в искусстве под славой меценатства. Она желала, чтобы будущее воссияло в новом свете.

Анна развивала и обогащала Двор. Она уже делала это во время своего первого брака с Карлом VIII. Но сейчас она пошла дальше. Элегантность и утонченность более чем когда-либо были в почете у королевы. Анна расширяла свою свиту из дам-компаньонок. Сразу после свадьбы с Карлом двор бретонки

состоял из тридцати фрейлин. В 1498 году, к моменту смерти первого супруга, их уже было около сотни. Приблизительный подсчет показывает, что в 1506-1507 гг. свита Анны состояла из 150 дам. Одни были приглашены благодаря своему знатному происхождению, других Анна привечала из-за их красоты. Все эти дамы имели множество воздыхателей… Выше уже говорилось о двух дочерях Дома де Фуа, чья привлекательная внешность возвела их на троны Венгрии и Испании.

Анна Бретонская ввела четкие критерии отбора для своих фрейлин. Девушки должны были выделяться как красотой, так и горделивой осанкой. Королева требовала от них элегантности – никаких вульгарных жестов или неопрятного внешнего вида. Только утонченность и хороший вкус. Помимо этого дамы обязаны были уметь вести беседу, делая общение с ними приятным для любого собеседника. Анна учила своих фрейлин искусству организовывать жизнь вокруг своей персоны.

Однако одной внешности было мало. Можно быть элегантно одетой, владеть искусством куртуазной беседы – и быть легкомысленной женщиной, дарующей счастье любому желающему. Анна же желала окружить себя дамами высшей добродетели. И учредила женский Орден Верёвки (Ordre de la Cordelière), чьим символом стало длинное колье, украшенное драгоценными камнями, напоминающее о путах Христа. Впрочем, подобная организация не было чем-то новым. Отец Анны, Франциск II, в свое время учредил Орден в честь Франциска Ассизского, где веревка была символом жизни аскета и строгого соблюдения религиозных правил. Сама Анна носила этот символ постоянно, наряду с бретонским чепцом. Для нее веревка символизировала праведность и верность в браке. И чепец, и веревка исходили из традиций ее земли, ее семьи.

Но Анна Бретонская хотела добиться большего: она выступала против традиций своего времени, когда роскошь и разврат были стилем жизни. Анна хотела изменить концепцию женщины эпохи: дама достойная и респектабельная, гордая и неординарная, за которой ухаживали бы не ради ее земель или внешности, а ради ее внутренних качеств. И этот идеал значительно отличался от идеалов «Романа о Розе», где героиню возносили исключительно за внешность.

Не стыдиться своего богатого внутреннего мира – а афишировать его! Поэтому изображения веревки были повсюду. Вчера – на каминах Амбуаза, сегодня – в Блуа. Камин – это место, притягивающее взгляды, особенно в период холодов… Символ добродетели Анны фигурировал везде, где только можно, вплоть до посуды. И часто соседствовал с изображением бретонского

горностая, символом чистоты, и королевскими лилиями, знаком могущества королевской пары.

Было ли это наивно? Отнюдь. Мудрые девушки хранили чисто женские знания. Конечно, они умели читать и писать, владели искусством грамматики и досконально знали Библию, но они преуспевали также в области тех искусств, куда мужчины традиционно не ступали. В первую очередь, это рукоделие. Именно там искусство женских рук достигало неимоверной славы. Гобелены и вышивки, вышедшие из под игл фрейлин Анны Бретонской, вполне могли соперничать с произведениями профессиональных ателье. Брантом упоминал, что видел в знаменитом аббатстве Сен-Дени покрывало, украшенное великолепной вышивкой, и предназначалось оно для Папы Льва X. Истинное признание!..

Обучение музыке и пению также было важной частью дамского образования. И перед восхищенными взорами представали нежные существа, чьи руки могли создавать тончайшие произведения вышивального искусства – такой контраст с грубостью мужчин, вскормленных войной!

Анна последовательно проводила политику формирования нового типа женщины своей эпохи, являя личный пример окружению. Дама должна быть респектабельной, ею должны восхищаться и в то же время желать. Бретонка сама испытала всю ценность этого оружия в 1498 году, когда Людовик XII был вынужден уступить ей столь многое ради того, чтобы добиться согласия на брак.

Получали ли удовольствие юные девы, вынужденные соответствовать строгим критериям Анны? Возможно, желание получить одобрение королевы, боязнь пойти наперекор ее желаниям, и способствовали их добродетельной жизни.

В качестве поощрения, бретонка не допускала никакого соперничества в своей свите. В 1507 году Анна де Гравиль (Anne de Graville), дочь адмирала того же имени, была приписана Анной Бретонской ко двору юной Клод Французской (вскоре после заключения столь неприятной для королевы помолвки с Франсуа де Валуа). Девушка обладала такой выдающейся внешностью, что один поэт посвятил ей опус, утверждая, что «История не знала столь прекрасной дамы». Очень неосторожный шаг!.. Поэт прибыл ко двору, ожидая обрести славу и счастье. Плохо же он знал дам из свиты королевы. Вместо приветственных криков радости он услышал перешептывания. Затем четыре красавицы направились навстречу визитеру с весьма кислым выражением лиц. Жанна Шабо дама де Монсоро (Jeanne Chabot dame de Montsoreau), обратилась к нему с резкими упреками: почему это так выделил

он Анну де Гравиль? «Преступное деяние!», заметила Жанна. Смущенный поэт попытался защититься, извиниться… Едва он пролепетал свои несколько фраз, как Бланш де Монберон (Blanche de Montberon) приблизилась к нему с сухим вопросом: «Вы прибыли ко двору, чтобы поссорить дам и выбрать одну для собственного удовольствия?». Далее в своей речи Бланш потребовала у поэта пересмотреть свое мнение. Третья дама, которую История сохранила под именем Талларю (Tallaru), настаивала, чтобы в своей оценке поэт был «правдив и беспристрастен»…

Необычное представление возникает об этом дворе королевы Франции. Очевидно, что дамы истово пеклись о своей репутации. Не только потому, что благонравие обеспечивало место в ближайшем кругу Анны Бретонской. Ведь жизнь в замке Блуа была лишь временным этапом для девушек, ступенькой к следующему, более важному событию всей их жизни – к браку.

Желала ли Анна просто сохранять видимость идеальных отношений в своей свите? Или же ею двигали более глубокие мотивы? Да, она с удовольствием занималась устройством брачных союзов своих фрейлин, но было ли это просто желанием правительницы устроить судьбы своих любимиц? Скорее всего, в этом проявлялось ее стремление править Францией, ведь посредством свадеб заключались крайне выгодные союзы для королевства.

И королева активно осваивала роль свахи. Две ее протеже стали королевами. Анне удалось уберечь Карлотту Неаполитанскую от когтей Чезаре Борджиа, чтобы та могла в 1500 году составить счастье молодому графу Ги де Лаваль (Guy de Laval). И после 1506 года королева развернулась вовсю. Каждой из своих протеже, как и жениху, она дарила обычно 3000 ливров, чтобы они могли устроить свадьбу, соответствовавшую рангу королевского фаворита.

И сохранились доказательства подобных вмешательств, например, письмо Анны господину де Сен-Боне (Saint-Bonnet). В нем она убеждала в выгоде брака дочери Сен-Боне, носившей фамилию матери Монтелон (Monthelon), с господином де Мену (Menou), «советником и камердинером». Также Анна устраивала судьбу дочери де Мену, планируя выдать ее замуж за Луи дю Фо (Louis du Fau). Королева подробно описывала своему корреспонденту выгоды этих союзов, не оставляя ему возможности отказаться: «Эти браки кажутся мне весьма рациональными и вряд ли может найтись что-то лучшее». Письмо оканчивалось изысканным приказом: «Я прошу вас и вашу супругу согласиться на названные браки», поскольку они будут

«грандиозными и обоюдно приятными».

Никто и ничто не могло остановить бретонку в ее желаниях. И самые родовитые дворяне не могли избежать королевской милости… даже если она противоречила их собственным желаниям, даже если предложенные союзы были мезальянсом. Например, Монморанси, чья фамилия уже много веков была persona grata в королевстве, дослужившийся до звания коннетабля. И вот он, «советник и камергер Монсеньора», получил письмо от Анны, где она просила организовать брак племянницы Монморанси с неким Брюно (Brunot), дворецким королевы. Поскольку Анна все-таки сомневалась в немедленном согласии коннетабля, а также матери невесты, она подробно расписала все достоинства запланированного союза, особо подчеркнув, что жених богат и что, в случае его ранней смерти, все состояние перейдет вдове. Затем она добавила: «донесите эту мысль до матери невесты», но места для отказа опять-таки не осталось: «я беру это дело под свое наблюдение, и брак будет заключен, даже если согласие матери невесты не будет получено».

Да, ничто не могло поколебать решимость Анны устроить счастье своих подданных. Дворяне опасались потерять свое положение больше, чем запятнать чистоту своего генеалогического древа.

В таких условиях было естественно ожидать, что рано или поздно какая-либо из девушек взбунтуется, желая самостоятельно строить свою жизнь. И для этого пришлось бы вступить в противоборство с королевой.

… Наконец это произошло. Маргарита Ангулемская, королева Наварры, в своем знаменитом «Гептамероне» описывает случай, взбудораживший весь двор. Она повествует о злоключениях некоей Роландины. Под этим именем Маргарита вывела кузину герцогини-королевы Анну де Роган, старшую дочь Жана де Роган. Великое имя, сильный характер.

Роландина имела неосторожность обручиться с сыном Луи де Бурбона, епископом Льежа, известным как «Льежский бастард». Ее отец, Жан, категорически возражал против этого брака и делал все, чтобы его избежать, вплоть до заключения дочери под замок. С королевой Роландина также не советовалась, и когда Анна обо всем узнала, гневу ее не было предела. Вызвав несчастную на ковер, она всячески распекала ее.

Выдержав бурю над своей головой, Анна де Роган парировала упреком в том, что королева никогда не любила ее – из-за отца, в течение долгих лет воевавшего против Бретани. Исключительно

из-за этого в свои тридцать лет дочь Рогана вынуждена оставаться старой девой. И несмотря на это, она, Анна, долгое время была верна своей повелительнице. Но наступил конец терпению – и она решила сделать собственный выбор, несмотря на мнение королевы. И жениха выбрала исключительно сердцем. Более того, между ними никогда не было никаких плотских отношений – только любовь, возвышенная и платоническая. Впрочем, этот пункт не вызывал сомнений, т.к. выдающиеся личные качества Льежского Бастарда признавались всеми.

Конфликт двух Анн не был только вопросом принципа, это было противостояние двух бретонок. Анна-королева намекнула, что в другом месте – в тюрьме, например, – Анна де Роган не была бы столь красноречива. Анна-Роландина вежливо ответила: «Мадам, вы – моя госпожа, самая великая принцесса христианского мира. И я ни за что не хотела бы высказать неуважение к вам». Обычная фраза немного утихомирила бы герцогиню-королеву, если бы ее фрейлина не добавила: «У меня есть лишь один защитник – Отец Небесный, который, я уверена, не оставит меня». Роландина склонялась, но не уступала.

Тревожась за свою возлюбленную, Льежский Бастард попросил аудиенции у Людовика XII и рассказал о своих злоключениях монарху. Выслушав визитера, Луи поинтересовался: «Вы действительно собираетесь на ней жениться?». Последовал умоляющий ответ: «Да, Сир, я полон решимости довести это дело до конца».

Но что мог сделать Луи перед упрямством своей собственной жены? Он опустил голову, повернулся к капитану гвардии и приказал арестовать Бастарда. Тот был вынужден покинуть страну, чтобы сохранить и свою свободу, и, быть может, свою жизнь. Анна-Роландина была посажена под замок. Королева обещала выпустить ее, если упрямая фрейлина откажется от своего брачного проекта. Та воспротивилась – и в итоге оказалась на несколько лет изолированной в замке посреди леса.

А что делал Бастард все это время? В 1508 году Маргарита Австрийская попросила своего посла при дворе Франции замолвить за него словечко перед королевой. Прошло уже достаточно времени, чтобы эта дама забыла свои обиды на французский престол – ведь некогда она была обещана Карлу VIII, а тот отказался от нее ради Анны Бретонской. Французская королева весьма сухо ответила дипломату, что упомянутая дама более не является ее протеже, а потому она, Анна, не имеет желания решать ее вопрос. Кроме того, добавила бретонка, «кто-то говорил о ее смерти». Иначе говоря, она полностью утратила интерес к судьбе свой бывшей жертвы.

Но Роландина не умерла. Во время своего длительного заключения она узнала, что Бастард удалился в Германию, где женился на другой женщине. Разочарованная, она сама вышла замуж в 1515 году в возрасте 40 лет за своего кузена Пьера де Рогана, сеньора де Фонтеней (Pierre de Rohan, seigneur de Fontenay), третьего сына маршала де Жье.

Когда честь королевы была в игре… В особенности в случае с одной из дочерей семьи Роганов, этих бретонцев, которых Анна считала изменниками и предателями своей родины и своей герцогини! Анна не могла, не хотела сделать ни малейших уступок. Поскольку таков был ее характер, цельный и неизменный. Потому что ее власть должна была распространяться на всех – и в первую очередь на ее ближайшее окружение.

Анна требовала безоговорочного подчинения не только от женщин, но и от мужчин, составлявших ее двор. Приближенные королевы обязаны были служить ей и исполнять взятые на себя обязательства. Они могли, впрочем, сочетаться браком между собой. Не было никаких исключений: единственный долг – это речь и манеры, которые не противоречили ни целомудрию, ни королевскому этикету. Тогда – при соблюдении этих условий – и дамы, и сеньоры могли свободно только беседовать, прогуливаясь по замку или в садах королевы.

Приближенные королевского дома были тщательно и достойно одеты. Когда они заболевали, Анна высказывала заботу об их здоровье, об индивидуальном подходе к лечению. Когда они достигали определенного возраста, если их здоровье мешало вести активную придворную жизнь, королева назначала им пенсию. Ее первая забота по отношению к мужчинам свиты была такая же, как и для фрейлин: необходимость правильного брака, соответствующего представлениям королевы о таковом. Анна Бретонская искала для каждого выгодную партию, даже если она могла противоречить амбициям самых знатных дворян. Характерен пример с Брюно, когда совершенно безвестный персонаж вошел в семью великих Монморанси, которые так гордились своим семейным древом с XII века!

Дети и пажи дополняли королевский двор, как и обычные слуги. Все они носили ливреи цветов королевы – красные и черные. При Карле VIII это были желтые, красные и черные тона. Лакеи, конюшие и повара были одеты в аналогичные цвета.

Весь двор составлял единый ансамбль – от титулованных особ до низшего поваренка. Функции четко разделялись: одни должны были угождать и почитать королеву, другие – служить или просто быть на побегушках. Впечатляющий ансамбль своего времени.

Как же выглядела эта неутомимая королева в период 1506-1510 гг.? Ее многочисленные беременности, счастливые и несчастливые, придали с годами округлость форм. Хотя для внимательного наблюдателя в этом не было ничего удивительного. Было нормально, что женщина за тридцать больше не выглядела юной девочкой, когда она впервые вышла замуж в 15 лет. Легкие физические изменения никого не удивляли, в том числе и ее саму. А вот что действительно изменилось – так это характер королевы. Обычно замечали ее ледяной и высокомерный вид, который совсем не располагал к куртуазным удовольствиям. Именно в этом и заключалось основное изменение королевы: гордая и вспыльчивая во времена Карла VIII, она стала более сдержанной, более цепляющейся за иерархию, что естественно впечатляло окружающих. Поскольку Анна все больше и больше сознавала свою значимость, свою роль, из которых она хотела извлечь как можно больше выгоды.

Холодность была всего лишь маской, которая очень быстро исчезала при более близком общении с королевой. Как только проходили первые мгновения, она становилась приятной. Не по расчету, не из хитрости, не стремясь шокировать столь разными образами, – а лишь потому, что по характеру своему Анна была милой женщиной. Недаром Людовик XII называл жену «маленькой Бретоночкой», своей «дорогой Бретоночкой». Несомненно, когда Анна заканчивала играть роль королевы (и если ничто не противоречило ее желаниям), она была простой и нежной женщиной в повседневной жизни. Гораздо лучше многословных описаний это может проиллюстрировать небольшая миниатюра из одной из тех книг, что любила собирать Анна Бретонская. Рисунок изображает королеву в один из тех моментов, когда Людовик XII находился в Италии.

«Мы видим королеву Анну в ее спальне. Она сидит на стуле, одетая в обычное черное платье со шлейфом, ниспадающем на пол, на подоле которого устроилась маленькая собачка. Голова Анны покрыта квадратным отрезом сукна, спускающимся до глаз. Она пишет письмо королю, своему мужу, на столе, покрытом зеленой скатертью. Чернильница и перочинный ножик, украшенныезолотом, лежат тут же. Книга в коричневой обложке с золотой застежкой рядом с ней. В другой руке королева держит носовой платок, утирая слезы. С другой стороны стола сидят фрейлины, прямо на полу. <…> За спиной королевы стоит ее кровать, покрывало которой сверкает золотом. Занавески отделаны красным и золотом. На них, со стороны изголовья кровати, прикреплены изображения двух святых. Возле кровати видна клетка с зеленым попугаем».

Сцена, полная роскоши и спокойствия, иллюстрирует то, что было двумя главными козырями Анны Бретонской: очарование и величие. Ловко отмеряя нужную дозу того или другого, она запутывала и смущала тех, кто видел ее.

Не ее ли туалеты играли в этом свою роль? В официальной жизни королевы Анна носила роскошные платья, щедро украшенные мехами горностаев, соболей и куниц. Эти наряды полюбились ей еще со времен первого брака с Карлом VIII, демонстрируя роскошь и величие жены короля. И во втором супружестве Анна продолжала использовать многочисленные украшения, поражавшие своим блеском.

Но когда официальные церемонии заканчивались, наступало спокойствие будней, Анна представала в простом (хотя по-прежнему королевском) облике. Она носила свой знаменитый бретонский чепец, платье без особых изысков, сшитое из бархата традиционных цветов королевы – красного и желтого. Талию ее опоясывал пояс, отделанный золотой чеканкой, ниспадающий до земли. На шее красовалось скромное украшение в виде цепи, символа ордена, созданного Анной. Сдержанная элегантность. Простая женщина, не королева более…

Несомненно, Анна любила изящество и утонченность, поскольку это доставляло удовольствие ей и окружающим. Она часто принимала ванну. В замке не было отдельного помещения для этих целей, в покои Анны на двух треногах ставили большой чан под крышкой, нагревали на огне, после чего королева погружалась в воду. Затем она душилась розовой водой из Прованса, а саше с ароматом фиалок всегда лежали в ее белье. Эта любовь к ароматам пришла из ее детства.

Бретань всегда была рядом со своей герцогиней при французском дворе. Не только чепец, не только веревка, не только горностаи, символ чистоты, столь дорогой для всех Монфоров, сопровождали Анну все ее жизнь, но и личная гвардия из бретонцев, музыканты, родом из ее герцогства, и даже многочисленные борзые, выводимые в Верхней Бретани. Анна привнесла во Францию кусочек своей родины. И это было причиной того самого контраста, порой курьезного, когда пышность французской королевы сочеталась с неприхотливостью бретонской герцогини. Анна страстно любила бургундские вина, всегда угощала ими своих гостей, но в дополнение к ним на стол ставились устрицы, морская рыба и хлеб, который пекли в Нанте и Ренне.

А жизнь в замке оживляли и украшали прочие вещи: ржание лошадей в конюшнях, крики птиц в вольерах и клетках, звонкий смех молодых женщин, лай собак, верных спутников счастливых

дней. Не нужно забывать и о многочисленных картинах и гобеленах. Во всем этом присутствовала харизма Анны Бретонской, ее энергия, ее душа, придававшая живость суровому этикету Двора

И эта сверкающая душа должна была угаснуть в самом зените своей жизни, исчезнуть в недрах земли…

В марте 1511 года Анна тяжело заболела, настолько тяжело, что всерьез опасались за ее жизнь, а ведь ей было всего 34 года. Де Бюрго (de Burgo), внимательный посол Маргариты Австрийской, написал: «Вчера ночью, ее очень сильно лихорадило, были и другие симптомы, внушавшие большие опасения. Сегодня же ей стало легче, хотя вечером состояние вновь ухудшилось». Позже он продолжал: «Ночь была очень плохой. Больная потеряла дар речи. Однако после возвращения способности к общению, она чувствует себя лучше». Сильная тревога, к счастью, не имела продолжения, поскольку 4 апреля дипломат написал своей госпоже о выздоровлении французской королевы. Другие события заслонили этот инцидент, который решили считать случайностью.

24 сентября де Брюго объявил, что королева вновь беременна, что она уже даже начала ощущать движения своего ребенка. «Король и весь двор чувствуют живое ликование, ибо по природе этих движений врачи объявили, что ребенок этот будет мужского пола». Какая наука… или какое предсказание! 23 января 1512 года другой наблюдатель отчитался: «Позавчера, 21 числа этого месяца в три часа пополудни королева родила мальчика». Но уже следующая фраза передает все разочарование королевской пары получить дофина: он «не подавал признаков жизни, что повергло короля в печаль».

Четвертый ребенок Людовика XII и Анны. Второе разочарование: опять не было живого наследника. Первая надежда и первая неудача были в 1504 году; в январе 1512 года вторая – и жестокое разочарование опять. Мальчик, столь ожидаемый еще с 1491 года, со времен первого брака Анны с Карлом, должен был стать спасением французского трона, тем, кто унаследовал бы от своего отца престол и корону, тем, кто пресек бы все планы Франсуа де Валуа. А Анна могла бы подыскать дочери партию, более подходящую своим желаниям… Но нет, это вновь оказалось лишь химерой. Один лишь траур после девяти месяцев надежды…

И это разочарование оказалось очень сильным. Раньше она оптимистично смотрела в будущее – будучи юной, Анна могла продолжать надеяться на нового ребенка. Однако сокрушительные поражения повторялись слишком часто. По

меньшей мере двенадцать беременностей – за двадцать лет. Трудные роды, которые во времена примитивной медицины в конце концов стали угрозой для здоровья матери. Состояние постоянной усталости Анны в 1511-1512 гг., до сих пор ни разу серьезно не болевшей, сильно беспокоило ее окружение.

После своих последних несчастливых родов, Анна больше не чувствовала себя хорошо: она потеряла много крови, ее мучила лихорадка. Когда медики осмотрели королеву, пытаясь поставить диагноз этой непонятной болезни, Анна сказала, что ощущает боли в области мочевого пузыря. Это был песок в почках! Его следы нашли в моче больной… И в качестве лечения королеве могли предложить лишь постельный режим, тепло и некие микстуры. В мае 1512 года Анна слегла. Говорили, что болезнь ее пройдет, что нужно только пережить кризис… Оптимизм врачей и даже самой больной сказался на том, что она смиренно переносила болезнь, терпеливо ожидая окончания своего плохого состояния и питая самые радужные надежды на будущее. Анна не исповедовалась, не желая признавать себя побежденной: завтра ей станет лучше, вчерашние опасения окажутся лишь смутными воспоминаниями. Все начнется заново, смех вновь наполнит знаменитые покои.

Увы, безмятежность не в силах победить смерть. В конце 1513 года болезнь обострилась. После Рождества – ее последнего праздника – несмотря на молитвы Господу, Деву Марии и всем святым, состояние Анны стало безнадежным. Смирившаяся, она начала готовиться к смерти: исповедалась, попросила прощения у всех, кому могла нанести вред, написала завещание. Согласно его условиям, забота о дочерях и об их имуществе Анна поручала Луизе Савойской. Это последнее распоряжение могло удивлять, памятуя о долгой вражде двух дам. Анна понимала, что как только она умрет, ничто уже не помешает союзу Клод и Франсуа, ибо лишь одна королева была способна нарушить эту помолвку. И она уступила.

2 января Анна была поражена жестокой атакой. Замок Блуа замер в тишине в ожидании неизбежной катастрофы. И она разразилась в понедельник утром 9 января, после долгих дней мучительных страданий бретонки, облегчить которые не могли никакие средства. Королеве еще не исполнилось 37 лет.

Смерть любимой женщины жестоко поразила Людовика XII. В течение нескольких дней он не показывался из своих покоев, прося у Неба лишь смерти для себя самого. Клод Французская, которой было четырнадцать лет, заливалась горючими слезами. Что до Рене, то можно легко представить себе горе трехлетнего ребенка, потерявшего мать. И их отчаяние разделяло все

королевство: «Все сложили руки, творя молитвы, чтобы почтить память <…>, и не знали дня большей жалости. Не только принцы и принцессы, но и весь народ государства мог лишь только плакать», читаем в «Рассказе о похоронах».

Королева умерла, врачи и аптекари приготовили тело умершей, ароматизировали его, и, выполняя последнюю волю Анны, извлекли сердце, чтобы положить его в золотой короб и передать этот последний сувенир в Бретань. Символично, что сердце герцогини-королевы отправлялось на ее настоящую родину. Тело же французской королевы, согласно традиции, следовало похоронить в королевской усыпальнице Сен-Дени.

Плачущий король потребовал для своей дорогой супруги самых пышных, самых необычных похоронных церемоний. Он приказал Пьеру Шок, возглавлявшему бретонскую гвардию королевы, организовать грандиозные похороны, чтобы почтить память Анны. Исключительная роскошь, великолепная церемония…

И действительно, эта дань уважения post mortem королеве затмила все предыдущие и стала на века образцом, которому следовали в организации королевских погребений. Это свидетельство глубокого горя безутешного короля, а также могущества покойной королевы, достойно того, чтобы быть упомянуто здесь.

Все начиналось в обычной манере: в течение пяти дней только церковные служители несли службу подле останков Анны Бретонской. Но в пятницу, 13-го, около полуночи тело перенесли в большой зал замка Блуа, затянутый шелковым гобеленом, вышитым золотом, на котором было изображено падение Иерусалима. Королеву поместили на парадную кровать, покрытую золотыми простынями с горностаевой отделкой. Подле нее поставили алтарь, богато украшенный, отделанный золотой веревкой. Лицо Анны было закрыто, сама она была облачена в королевские одежды, с короной на голове и скипетром и державой в руках.

Там покойная королева оставалась с субботы до воскресного вечера. Церковники читали молитвы над ее телом, проводили мессы. Именно тогда принцы, принцессы, фрейлины, а также офицеры ее дома могли приблизиться к телу, в слезах и сетованиях. Ведь это была последняя возможность лицезреть Анну Бретонскую, дважды королеву Франции, в ее прощальном великолепии, во всей пышности ее выдающегося сана.

Спустя восемь дней после смерти Анны, в понедельник, 16 января, ее положили в гроб, дважды запечатав. Слезы и стоны

усилились, когда вуаль закрыла лицо покойной, когда ее тело окончательно исчезло из этого мира.

Во вторник зал был полностью затянут черной тканью. Гроб поместили в его центре, поставив на две треножные подставки. Простота и строгость: только скипетр и держава на крышке. Дюжина толстых белых восковых свечей горели в зале, ежедневно прелаты и певцы королевской капеллы служили по четыре торжественные мессы. И так в течение двух недель. Дни траура и молитв.

В пятницу, 3 февраля, около двух часов дня, останки королевы наконец покинули королевский замок – их переместили в церковь Святого Спасителя. Процессию сопровождал пышный кортеж, в котором присутствовали Франсуа де Валуа, отныне наследник короны, Франсуа Алансонский, Анна Французская (герцогиня де Бурбон, дочь Людовика XI), Луиза Савойская и ее дочь Маргарита (герцогиня Алансонская, будущая Маргарита Наваррская).

Только на следующий день, в субботу 4 февраля, утром была проведена торжественная служба. В конце ее Гийом Парви (Guillaume Parvy), исповедник королевы, произнес первую часть своей торжественной похоронной речи. За тему он взял слова из Священного Писания Defecit gautiumcordis nostri – «смерть – это радость нашего сердца».

К двум часам дня гроб был помещен на четырехколесную тележку, покрытую тканью из черного бархата. Ее тянули шесть лошадей, также покрытые черным. Перед кортежем следовало шесть лучников личной гвардии короля, оттесняя толпу, собравшуюся из Тура, Абмуаза, всей Турени…

И начался последний путь к Сен-Дени. Клери, Орлеан, Этамп – и вот аббатство Нотр-Дам-де-Шан (Notre-Dame-des-Champs), у ворот Парижа, куда процессия прибыла утром воскресенья 12 февраля. Парламент, церковники вышли приветствовать тело покойной. В воротах храма ожидали архиепископы Санса и Доля в компании множества других епископов. После церковной службы, длившейся всю ночь, кортеж направился к Нотр-Дам-де-Пари.

Во вторник, 14-го, столица приветствовала покойную королеву грандиозной церемонией и великой скорбью. Каждый житель города зажег возле своего дома факел, и их свет разогнал темноту ночи. Почетный караул из лучников короля сопровождали все важные парижские персоны, среди них были и сановники парламента, и глава собора. Также из Блуа прибыл весь двор, принцы и принцессы крови, чтобы сопроводить свою королеву к ее последнему пристанищу.

Нотр-Дам! Посреди хоров церкви было зажжено 1200 свечей, на алтарях горело 3800 огромных свечей, чьи лучи напоминали о сиянии души умершей.

Утром 15 февраля Филипп Лексембургский, кардинал Мана и родственник Анны, отслужил торжественную службу. Гийом Парви выступил со второй частью своей похоронной речи, начатой в Блуа. Темой стали слова из Священного Писания Concersus est in luctum chorus noster. («Соединяясь в нашей скорби»). Толпа рыдала.

Тем же вечером кортеж прибыл в Сен-Дени. На следующий день, по завершении службы, Гийом Парви произнес третью, последнюю, часть своей речи в честь королевы. Он закончил ее следующими словами: «Я клянусь, что я ее исповедал, причастил, и что она умерла без тяжести смертных грехов». После этого кардинал Мана дал отпущение грехов покойной. Затем гроб поместили под своды подземной часта главного алтаря, который Людовик XII приказал возвести для себя и своей супруги вскоре после их свадьбы. Гроб расположили на перекрещенных железных брусьях. Немного земли… Затем глава гвардии Анны выступил вперед, попросил тишины и произнес: «Глава бретонской армии выполнил вашу волю». Бретонец громко прокричал: «Королева, самая христианская герцогиня, наша госпожа и хозяйка умерла. Королева мертва. Королева мертва».

Потом, почтительно поцеловав, бретонец поместил на гроб державу, скипетр и корону – трогательный и пронзительный вид одних королевских регалий на надгробии… Лишь затем людям разрешили приблизиться. Звуки стонов и рыданий огласили храм, толпа шла беспрерывно, лишь на мгновение каждый замирал перед останками королевы. В течение всего последующего дня огромное количество парижан посетило базилику в Сен-Дени, стремясь отдать последнюю дань уважения той, кто почти 22 года была их королевой.

Людовик XII пребывал в великой скорби. Он облачился в черные одежды – подобно Анне, которая носила черное после смерти Карла VIII. Король потребовал, чтобы окружающие также надели одежды мрачных тонов. На несколько недель Людовик запретили игры, танцы, представления во всем королевстве. Национальный траур короля, ставшего безутешным вдовцом в 51 год.

Но Анна, которая знала, что память о ней при дворе Франции не будет долгой, распорядилась, чтобы сердце ее покоилось на любимой родине. Его поместили в сосуд в форме сердца, сделанный из золота, увенчанный короной и обвитый золотой веревкой. Снаружи можно прочитать этот катрен:

В этом маленьком сосуде из чистого золота

Помещено самое великое сердце, которое когда-либо имела дама,

Анна было ее имя, и была она дважды королевой,

Герцогиней бретонцев и их правительницей.

Тело Анны Бретонской оставалось в Сен-Дени, в то время как драгоценная реликвия отправилась в Нант в сопровождении достойных бретонских сеньоров. Сначала его разместили в церкви Шартрё (Chartreux), а чуть позже, 19 марта, перенесли в церковь Кармелитского монастыря, где тогда находилась могила Франциска II, отца королевы. Улицы в тот день были затянуты черным, колокола звучали похоронным звоном.

Была проведена торжественная церемония, во время которой сердце поместили в серебряную капеллу, более красивую, чем в Блуа, Париже или в Сен-Дени. После этого ценную реликвию поставили в великолепный мавзолей, который по приказу Анны Бретонской возвел Мишель Коломб со всем гением своего таланта. Единение Монфоров после смерти, поскольку Анна считала, что именно на родине ее всегда будут верно помнить, пронеся эту память через века.

Это разделение тела Анны иллюстрирует и всю ее жизнь. Все годы она оставалась бретонкой, и после смерти отдала своей родине самое ценное свидетельство привязанности. А могила в Сен-Дени стала знаком ее королевской судьбы, слишком затуманенной в настоящем времени. В этом захоронении королей Франции она соединилась с Карлом VIII, лишь на несколько месяцев опередив Людовика XII. Хотела того Анна или нет, но в этой могиле она стала одной из династии Валуа.

Прошли бури и пронеслись революционные вихри – знаменитое кладбище французской монархии существует теперь лишь в нашем воображении… Однако остались хорошо видимые и поныне свидетельства почитания этой женщины. Их можно видеть в замках Нанта, Амбуаза, Блуа. Пустынные в настоящем, они хранят в себе воспоминания давно ушедших дней, и возможно, призраки этих воспоминаний бродят по старинным покоям, когда тяжелые ворота закрываются за последними посетителями… Госпожи этих мест уже нет, великолепные жилища безлики. Королева Анна умерла.

Блуа, осиротев, угас.

Замок Блуа плачет без остановки,

И лишь время может его исцелить,

Но я уверен, что такая госпожа,

Какой ты была, уже никогда не вернется.

Но Анна живет в наших душах, и пока мы помним о ней, она бессмертна!

Эпилог. Людовик XII и Бретань после Анны

Амбуаз. Флаги королевской Франции и Бретани.

Едва Людовик XII пришел в себя от нанесенного ему судьбой удара, он осознал необходимость брака. Изгнать кошмарные воспоминания о Жанне Хромоножке, попытаться забыть боль от разлуки с любимой Анной, не быть одному, получить дофина – вот причины для нового союза.

Изучив рынок невест, Людовик остановился на Мэри Тюдор, сестре короля Англии Генриха VIII. Разумеется, в первую очередь это был политический выбор. Ведь еще вчера Франции угрожала международная лига, возглавляемая Папой. Сейчас, когда Лев X, душа этой коалиции, ушел со сцены, французский король желал обрести перемирие со всеми и найти поддержку в недавних врагах. Союз с традиционным противником позволял Луи вновь вспомнить о своих итальянских миражах – даже недавние провалы этих экспедиций не могли поколебать авантюрных стремлений французского короля.

Но прежде всего нужно было покончить с вечной «помолвкой»

Франсуа и Клод, которая тянулась с 1506 года. Жених и невеста уже достигли брачного возраста: ему исполнился 21 год, ей – 15. Анны больше не было, и ничто не препятствовало проекту старого короля.

18 мая 1514 года Франсуа де Валуа-Ангулемский и Клод Французская стали мужем и женой перед Богом и людьми. Поскольку королева скончалась совсем недавно, то свадьбу провели в узком кругу, все участники были облачены в траурные одежды. Дочь Анны Бретонской получила того супруга, которого пожелал Людовик XII.

Теперь он наконец мог подумать о себе. Начались переговоры с англичанами. 10 августа 1514 года брачный контракт Людовика и Мэри был подписан. 9 октября, ровно через девять месяцев после кончины Анны Бретонской, новый королевский брак был заключен. У Франции появилась новая королева.

И прекрасная! Счастливая избранница была молода и в самом соку. В свои 16 лет (согласно свидетельству посла Венеции) девушка имела все то, что могло воодушевить 52-летнего короля, рано состарившегося и страдавшего многочисленными болезнями. Элегантная блондинка с утонченным вкусом могла воспламенить в Людовике желание. И не только в нем. Мэри прибыла во Францию в сопровождении своего любовника, очаровательного англичанина по имени Чарльз Брендон (Charles Brendon), недавно получившим за свои интриги и смекалку титул герцога Саффолка. Так что любовные шалости Мэри и Чарльза, начатые на английской земле, продолжались и во Франции. Но теперь она стала королевой! Королевой, которая могла родить сына. А Людовик XII, польщенный и гордый, признал бы его своим наследником и дофином!

Когда об этом узнала Луиза Савойская, она запаниковала – ведь она очень рассчитывала увидеть своего сына Франсуа, своего «Цезаря», на французском престоле. Не так уж долго оставалось ждать кончины короля, преждевременно состарившегося! И Луиза предприняла все необходимые меры, чтобы изолировать Мэри от ее аманта. Она приказала своей невестке, Клод Французской, выделить круглосуточную охрану королеве, чтобы не допустить мошенничества. Это же задание получила фрейлина королевы мадам д'Омон (Mme d'Aumont) – ей было предписано не допускать никого в спальню Мэри, кроме короля, разумеется.

Едва устранив эту опасность, Луиза Савойская получила новый повод для тревоги – гораздо более весомый. Игривый Франсуа влюбился в мачеху своей супруги до такой степени, что, несмотря на суровый надзор за юной королевой, смог воспользоваться радостями брака на ложе, зарезервированном

исключительно для Людовика XII! Редкостное безрассудство! Луиза Савойская должна была объяснить предполагаемому наследнику французской короны, что, если он будет так щедро тратить свою мужскую силу на эту молодую женщину, то никогда не станет королем Франции. Юный герцог де Валуа был настолько пылок, так влюблен, что его матери пришлось несколько раз повторить увещевания, дойти вплоть до прямого запрета, пока он смирился с необходимостью пожертвовать чувствами в угоду государственным причинам.

… И Людовик XII остался единственным обладателем своей супруги, дорвавшись до радостей этого мира. Он до такой степени потерял голову, что утратил чувство реальности. Этот мужчина, чье здоровье настойчиво рекомендовало ему придерживаться самого строгого режима, полностью изменил свои привычки из-за пылкой супруги. Роскошные празднества и многочисленные приемы следовали один за другим. Раньше он завтракал в восемь утра – теперь трапеза была в полдень. Прежде он ложился спать в шесть вечера – теперь за полночь. Все ради того, чтобы быть всегда рядом со своей чувственной женой. Людовик не желал покидать супружеское ложе.

Прожив в браке с этой юной блондинкой два месяца, Людовик тяжело заболел. К Рождеству он находился в агонии и скончался в морозную ночь на 1 января 1515 года. Герцог Франсуа вступил на трон Франции под именем Франциска I, его супруга Клод Французская стала королевой. Мэри же, овдовев практически сразу после медового месяца, вернулась в Англию, чтобы связать себя и своего давнего возлюбленного герцога Саффолка узами законного брака.

Обретя силу, новый суверен изменил ход событий для Бретани. Королева Клод, юная и неопытная, отнюдь не обладала качествами своей матери. Болезненная с детства, имевшая нежный и слабый характер, она стала идеальной жертвой для властного и настойчивого Франциска I. Он желал лишь одного – заставить свою жену отдать ему бретонское наследство. Сила в этом союзе была на стороне Франциска, и победа далась ему легко.

22 апреля 1515 года – меньше, чем через четыре месяца после вступления на трон – Франциск подписал акт, по которому Клод дарила ему право на управление Бретанью «для наслаждения своей жизнью». Вот так просто, быстро и без потерь французский король получил наследие Монфоров!

Когда Клод умерла в 1524 году в возрасте двадцати пяти лет, она оставила мужу семерых детей, что обеспечивало уверенность в будущем династии. Но перед смертью королева сделала еще

один дар Франции, более интересный: она завещала свое герцогство дофину.

С радостью и удовольствием Франциск смотрел, как внизу пергамента появилась подпись его жены. Земли, которые он так желал, получал его сын и преемник. Так воплотилась в жизнь мечта французских королей, начало которой положил Людовик XI!

Однако воли и подписи дочери самой Анны Бретонской еще было недостаточно. Необходимо согласие самих бретонцев. А еще лучше – их просьба о присоединении к Франции. Как этого можно было добиться? Ответ прост: парламент должен провозгласить союз с королевством. И в августе 1532 года этот вопрос был вынесен на обсуждение в парламенте Бретани, собравшемся в Ване. Поскольку у Франциска все же имелись сомнения в том, что бретонцы примут правильное решение, в ход были пущены все меры, способные склонить чашу весов в нужную сторону: деньги, обещания, даже угрозы. Но решающим аргументом стало обещание Франциска навсегда прекратить все войны между Бретанью и Францией.

Как можно было устоять перед таким предложением? 4 августа 1532 года парламент подписал прошение к дофину Франции, приглашая его прибыть в Ренн и возложить на себя корону герцогства. Это и стало просьбой о присоединении Бретани к французскому королевству.

У ворот аббатства Сен-Мелани был возведен помост, с которого дофин Франсуа наблюдал торжественное шествие жителей столицы Бретани с ключами от города. Затем он вошел в Ренн через ворота под названием Фулон (des Foulons). На реликвиях, предоставленных епископом, Франсуа поклялся уважать свободы и привилегии герцогства. Все было кончено. 14 августа 1532 года на голову мальчика возложили герцогскую корону. Дофин Франции стал герцогом Бретонским!

Какая сочная реализация мечты нескольких поколений французских королей, еще вчера обреченной на провал… Вполном восторге от себя, Франциск I, как только получил «просьбу» бретонцев, немедленно подписал в Нанте эдикт о Союзе, навсегда связав две страны. Ликования новому королю добавляло осознание факта, что он, едва став королем, сумел так легко покончить с заковыристым бретонским вопросом, обретя успех там, где изощренный ум Людовика XI потерпел поражение. Отныне Бретань стала французской территорией.

В 1536 году умер дофин Франсуа, и его брат Анри унаследовал все права на земли своей бабушки. При вступлении на трон Франции после смерти своего отца в 1547 году под

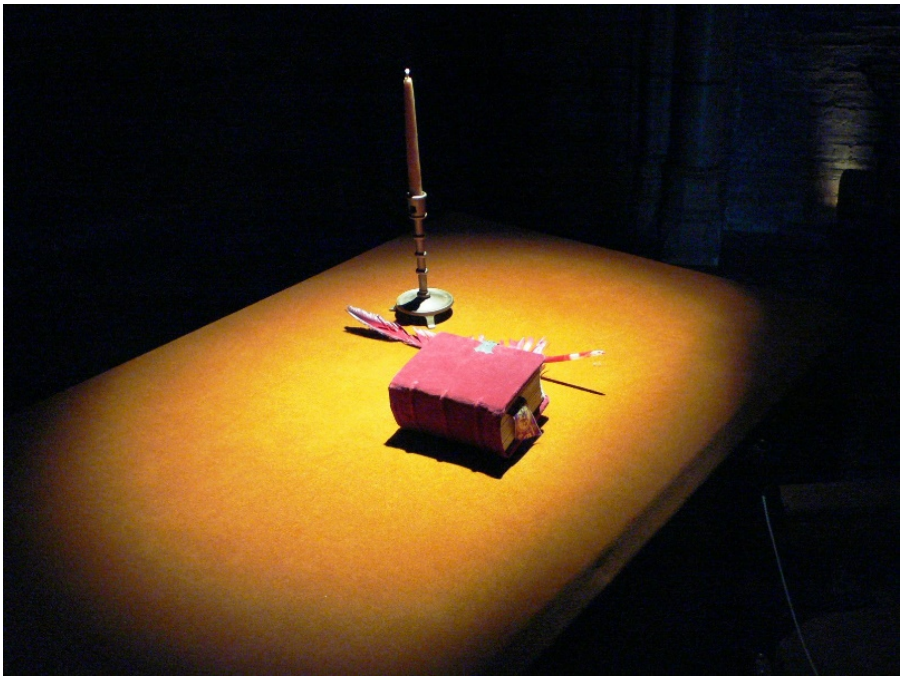
именем Генриха II новый король даже не потрудился возложить на себя корону герцога Бретонского… Земли Монфоров более не существовали автономно… По крайней мере, по бумагам, где все вопросы решало исключительно французское правительство в течение долгих веков.

И за этот союз, вернее, это поглощение Францией, Анна не может нести ответственность перед Вечностью. Она, будучи побежденной, уступила свои земли в 1491 году Карлу VIII. Но исправила это в 1499 году перед заключением брака с Людовиком XII. На какой-то момент она вновь уступила в 1506 году – когда второй супруг заставил ее признать помолвку маленькой Клод, но лишь отступила с завоеванных позиций, а не сдала их.

Увы, несмотря на два шанса, данные судьбой, упорство Анны никак не было вознаграждено: отсутствие наследника мужского пола и неожиданная преждевременная кончина в 36 лет решили вопрос не в пользу Бретани. Только смерть смогла помешать этой герцогине-королеве, обладавшей всей силой и славой.

Остальное решать богам…

ХРОНОЛОГИЯ



Ланже. Деталь экспозиции замка

1462

27 июня – Рождение Луи Орлеанского, будущего Людовика XII.

1464

23 апреля – Рождение Жанны Французской, будущей жены Людовика XII.

1470

30 июня – Рождение в Амбуазе будущего Карла VIII.

1476

8 сентября – Брак Луи Орлеанского и Жанны Французской.

1477

5 января – Смерть Шарля де Темерер.

25 января – Рождение в Нанте в замке бретонских герцогов Анны Бретонской.

1480

Май – Проект брака Анны бретонской с принцем Уэльским.

1481

5 октября – Арест канцлера Гийома Шовена.

1483

Июль – Первые секретные контакты Луи Орлеанского с Франциском II.

30 августа – Смерть Людовика XI. Вступление на престол Карла VIII под опекой четы де Боже.

1484

Январь-март – Генеральные Штаты в Туре.

19 апреля – Луи Орлеанский бежит в Бретань. Проект его брака с Анной Бретонской.

1485

Начало Безумной войны.

19 июля – Казнь Пьера Ланде, решительного противника Франции.

1486

Февраль – Максимилиан Австрийский выбран королем римлян.

9 февраля – Штаты Бретани, собранные в Ренне, признают Анну наследницей герцогства.

Март – Проект брака Анны и Максимилиана.

1487

11 января – Новое бегство Луи Орлеанского в Бретань.

Май – Французская армия проникает в Бретань под командованием де ла Тремуйя.

Июнь – Сдача Вана.

15 июня – Начало осады Нанта. Проект брака Анны с Аленом д'Альбре.

6 августа – Окончание осады Нанта.

23 сентября – Франциск II обещает руку Анны Максимилиану для получения военной поддержки.

28 декабря – Маршал де Рьё вместе с принцем Оранским назначается командующим бретонской армии.

1488

Апрель – Прибытие военной поддержки испанцев в Бретань.

1 апреля – Смерть коннетабля Жана де Бурбон. Пьер де Божё становится герцогом Бурбонским.

5 июня – Прибытие военной поддержки англичан в Ренн.

28 июля – Поражение бретонцев в битве при Сент-Обен-дю-Кормье. Окончание Безумной войны.

21 августа – Карл VIII подписывать договор в Верже, чуть позже Франциск II принимает его условия в Куероне.

9 сентября – Смерть Франциска II в возрасте 53 лет.

Декабрь – Возобновление войны в Бретани под предводительством Роанов под флагами Карла VIII.

1489

10 февраля – Коронация Анны в качестве герцогини Бретонской в соборе Ренна. Появление двух правительство в Нанте и в Ренне.

1490

Подчинение глав повстанцев Нанта.

19 декабря – Заключение брака по доверенности между Максимилианом Австрийским и Анной Бретонской.

1491

Пасха – Карл VIII вступает в Нант благодаря содействию Алена д'Альбре.

Июль-ноябрь – Осада Ренна.

15 ноября – Договор в Ренне.

17 ноября – Помолвка Карла VIII и Анны Бретонской.

25 ноября – Прощание Карла VIII с Маргаритой Австрийской в Боже.

6 декабря – Свадьба Карла VIII и Анны Бретонской в замке Ланже. Заключение договора в Ланже: супруги уступают друг другу свои права на Бретань.

1492

8 февраля – Анна коронуется в Сен-Дени в качестве королевы Франции.

10 октября – Рождение Шарля-Орланда.

12 октября – Христофор Колумб открывает Америку.

13 октября – Крещение дофина Шарля-Орланда.

1493

23 мая – Договор в Санлисе с Максимилианом Австрийским, королем римлян.

Декабрь – Вояж Карла VIII в Нант.

1494

13 февраля – Карл VIII покидает Анну, отправляясь в Лион.

6 марта – Прибытие короля в Лион.

29 августа – Прощание с королевой: король уезжает в Италию.

13 сентября-8 октября – Болезнь короля.

8-9 ноября – Первая встреча с Савонаролой.

9 ноября – Революция во Флоренции.

17 ноября – Прибытие короля во Флоренцию.

31 декабря – Прибытие короля в Рим.

1495

15 января – Мир между Карлом VIII и Александром VI Борджиа.

22 января – Бегство и отречение Альфонса II, короля Неаполя.

26 января – Его сын Фернандино провозглашен королем.

22 февраля – Вступление в Неаполь.

20 мая – Карл VIII покидает Неаполь.

21 июня – Победа Семинары.

6 июля – Яркая победа Карла VIII в Форнуе.

7 июля – Фернандино возвращается в Неаполь.

7 ноября – Возвращение Карла VIII в Лион.

16 декабря – Смерть Шарля-Орланда.

1496

Март – Карл VIII в замке Амбуаз. Покои Семи Добродетелей почти закончены.

8 сентября – Рождение дофина Шарля.

3 октября – Кончина Шарля.

1497

Рождение и смерть дофина Франсуа.

Сентябрь – «Обращение» короля.

1498

Март – Рождение и кончина Анны.

7 апреля – Смерть Карла VIII в Амбуазе.

апрель 1498-январь 1499 – Междуцарствие Анны Бретонской.

1 мая – Погребение короля в Сен-Дени.

27 мая – Помазание Людовика XII в Сен-Дени.

1 августа-17 декабря – Процесс аннуляции брака с Жанной Французской

1499

7 января – Брачный контракт в Нанте между Анной и Людовиком, который обеспечивал в будущем независимость Бретани.

8 января – Свадьба Людовика XII и Анны Бретонской в замке Нанта.

Февраль – Франсуа Ангулемский становится герцогом де Валуа.

15 октября – Рождение Клод Французской.

1500

Кабраль открывает Бразилию

11 ноября – Договор в Гренаде, по которому Людовик XII и Фердинанд Арагонский закладывают основу для разделения королевства Неаполь.

1501

30 апреля – Секретное заявление Людовика XII: он аннулирует все прочие проекты брака, которые были заключены, решив выдать Клод Французскую за герцога де Валуа.

Июнь – Вступление в королевство Неаполь.

Август – Проект брака по договору между Карлом де Ганд и Клод Французской.

1502

Июль-сентябрь – Людовик XII в Италии.

1503

21 января – Рождение и смерть дофина.

21 апреля – Поражение при Семинаре.

28 апреля – Поражение при Чериноле.

12 августа – Смерть Папы Александра VI.

Сентябрь-октябрь – Понтификат Пия III.

Ноябрь – Выборы Папы Юлия II

1504

20 февраля – Людовик XII подтверждает свое решение от 30 апреля 1501 года.

Июль – Начало судебного дела против маршала де Жье.

22 сентября – Договора в Блуа. Торжественное утверждение проекта брака Клод Французской с Карлом де Ганд.

18 ноября – Коронация Анны в Сен-Дени.

1505

Апрель – Людовик XII тяжело заболевает.

31 мая – Подписание патентов о браке Клод Французской и Франсуа де Валуа.

Июнь-октябрь – Путешествие Анны в Бретань.

Июнь-июль – Маршал де Жье предстает перед парламентом Тулузы.

1506

9 февраля – Приговор маршала де Жье.

14-19 мая – Ассамблея в Туре: Людовик XII объявлен «Отцом народа». Просьба о браке между Франсуа де Валуа и Клод Французской.

21 мая – Помолвка Франсуа и Клод.

Июнь – Восстание в Генуе.

1507

Апрель – Экспедиция в Италию и подчинение Генуи.

1509

Апрель – Начало конфликта с Венецией.

Май – Людовик XII в Италии.

14 мая – Победа при Аньяделе.

1510

Май – Смерть кардинала Жоржа д'Амбуаз.

Сентябрь – Собрание французских епископов в Туре.

25 октября – Рождение Рене Французской.

1511

1 ноября – Воссоздание «союза» в Пизе против Юлия II.

1512

21 января – Рождение и смерть дофина.

Май – Усиление Святой Лиги против Людовика XII.

Июнь – Французская армия уходит из Италии.

1513

21 февраля – Смерть Юлия II.

11 марта – Выборы Льва X.

5 июня – Поражение при Новаре. Милан потерян.

15 августа – Поражение при Жинегатте.

7 сентября – Швейцарцы угрожают Дижону.

18 декабря – Примирение Людовика XII с Папой, благодаря усилиям Анны Бретонской.

1514

9 января – Смерть Анны Бретонской.

18 мая – Свадьба Франсуа де Валуа и Клод Французской.

7 августа – Мирный договор с Англией и Генрихом VIII.

9 октября – Свадьба Людовика XII и Мэри Тюдор.

1515

1 января – Смерть Людовика XII. Вступление на трон Франциска I.

1524

Смерть Клод Французской. Бретань завещана дофину Франсуа.

1532

Август – Публикация в Нанте эдикта о Союзе, окончательно присоединяющем Бретань к Франции..

БИБЛИОГРАФИЯ

Печатные источники

André de la Vigne, “Le Voyage de Naples”, éd.critique avec introd., notes et glossaire, par Anna Slerca, Milan, 1981.

Auton J.d’, “Chronique de Louis XII”, 4 vol., Paris, 1889-1895.

Bouchot H., “Les Portraits du XVIe siècle”, Paris, 1884.

Brantôme (Pierre Bourdeille, abbé de), “Œuvres complètes”, 11 vol., Paris, 1864-1882.

Charles VIII, “Lettres”, t.I à V, éd. P.Pélicier, 1898-1905 (“Soc.de l’histoire de France”).

Commynes P. de, “Mémories”, t.II et III, éd. J.Calmette et G.Durville, Paris, 1925.

Fleuranges R. de la Marck, sire de, “Mémoires”, Paris, 1838.

Godefroy J. “Lettres du roy Louis XII et du cardinal l’Amboise”, Bruxelles, 1712.

Grandmaison L. de, “Congrès archéologique de France Angers-Saumur 1910”, “Comptes de la construction d’Amboise (1495-1496)”.

Imbard E.F., “Le Tombeau de Louis XII”, Paris, 1815.

Isambert F.A., “Recueil général des anciennes lois françaises depuis l’an 420 jusqu’à la Révolution de 1789”, Paris, 1821-1833.

La Trémoille duc de, “Correspondance de Charles VIII et de ses conseillers avec Louis II de la Trémoille pendant la guerre de Bretagne”, Paris, 1875.

Louis XI, “Lettres”, 11 vol., éd. J.Vaesen, Charavey et B. de Mandrot, Paris, 1883-1909.

Saint-Gelais J. de, “Histoire de Louis XII”, éd. Théodore Godefroy, Paris, 1622.

Sayssel C. de, “Histoire de Louis XII”, Paris, 1615.

Исходные исследования

A. По периоду:

Anselme (le Père), “Histoire généalogique et chronologique de la maison royale de France”, Paris, 1726-1733.

Ariès P. et Duby G., “Histoire de la vie privée”, t.II, Paris, 1985.

Barrère B., “Eloge de Louis XII”, Toulouse, 1782.

Beaufils C., “Etude sur la vie et poésies de Charles d’Orléans”, Paris, 1861.

Bergevin L. et Dupré A., “Histoire de Blois”, Blois, 1846-1847.

Bloch M., “Les Rois thaumaturges”, Strasbourg, 1924; nouvelle éd., Paris, 1984.

Boüard M. de, “Les Origines des guerrs d’Italie”, Paris, 1936.

Caffin de Mérouville, “Le Beau Dunois et son temps”, Paris, 1960.

Chaunu P., “Le Temps de réformes”, Paris, 1975.

Cherrier C.G. de, “Histoire de Charles VIII, roi de France”, 2 vol., Paris, 1868; 2e éd., 1871.

Cloulas I., “Charles VIII et mirage italien”, Paris, 1986; “Les Borgia”, Paris, 1988.

Contamine P., “Ammales de Bretagne”, t.LXXI, 1964; “L’artillerie royalle française à la veille des guerres d’Italie”.

Darcy M., “Louis XII”, Paris, 1935.

Delaborde H.F., “L’Expédition de Charles VIII en Italie”, Paris, 1888.

Delumeau J., “La Civilisation de la Renaissance”, Paris, 1967.

Denis A., “Charles VIII et Italiens. Histoire et mythe”, Genève, 1979.

Dorez L. et Thuasne L., “Pic de la Mirandole en France, 1485-1488”, Paris, 1897.

Doucet R., “Les Institutions de la France au XVIe siècle”, Paris, 1948.

Duby G. et Wallon A., “Histoire de la France rurale”, t.II, Paris, 1975.

Duby G. et Le Roy Ladurie E., “Histoire de la France urbaine”, t.III, Paris, 1981.

Dufournet J., “Etudes sur Philippe de Commynes”, Paris, 1975.

François M., in “Mélanges F.Grat”, “Les Rois de France et les traditions le l’abbaye de Saint-Denis à la fin du Xve siècle”, Paris, I, 1946, p.367-382.

Gallier A. de, “César Borgia, duc de Valentinois”, Paris, 1895.

Gébelin F., “Les Châteaux de la Renaissance”, Paris, 1927.

Ghirardini L.L., “La Battaglia di Fornovo. Un dilemma della storia”, Parma, éd. Renouvellée et notablement augnetée, 1981.

Guenée B., “L’Occident aux XIVe et Xve siècles”, les Etats, Paris, 1971.

Jackson A., “Vivat rex! Histoire des sacres et couronnements en France (1364-1825)”, Paris/Londres, 1984.

Jacquart J., “François Ier”, Paris, 1981.

Kendall P.-M., “Louis XI”, Paris, 1974.

Labande-Mailfert Y., “Charles VIII et son milieu (1470-1498)”; “La Jeunesse au pouvoir”, Paris, 1975.

Labande-Mailfert Y., “Charles VIII. Le vouloir et la destinée”, Paris, 1986.

Laborde L. de, “La Renaissance des artes à la cour de France”, Paris, 1850.

Lapeyre H., “Les Monarchies européennes au XVIe siècle”, Paris, 1967.

Lefranc A., “La Vie quotidienne au temps de la Renaissance”,

Paris, 1938.

Lemonnier H., “Les guerres d’Italie”, collection Histoire de France, sous la direction d’Ernest Lavisse, t.V, Paris, 1903.

Lot F., “Recherches sur les effectifs des armées françaises des guerres d’Italie aux guerres de religion, 1494-1562”, Paris, 1962.

Mandrou R., “Introduction à la France moderne”, Paris, 1961.

Marcel R., “Marsile Ficin”, Paris, 1958.

Maricourt A. de, “Les Valois (1293-1589), hérédité, pathologie, amours et grandeurs”, Paris, 1939.

Maulde La Claviere R.-A.-M., “Histoire de Louis XII”, Paris, 1889-1893.

Mauro F., “Le XVIe Siècle européen”, Paris, 1966.

Michelet J., “Histoire de France, XVIe siècle”, t.I, Lausanne, 1966.

Mollat M., “Genèse médiévale le la France moderne, XIVe-XVe siècles”, Paris, 1970.

Morineau M., “Le XVIe siècle”, Paris, 1968.

Mousnier R., “Etudes sur la France de 1492 à 1559”, Paris, 1957.

Neret J.A., “Louis XII”, Paris, 1948.

Pastor L. von, “Histoire des papes”, t.IV-VI, Paris, 1892-1900.

Petit-Dutaillis C., “Charles VII, Louis XI et les premières années de Charles VIII”, coll. Histoire de France sous la direction d’Ernest Lavisse, t.IV, 2e partie, Paris, 1902.

Plattard J., “La Renaissance des lettres en France de Louis XII à Henri IV”, Paris, 1925.

Quilliet B., “Les corps d’officiers de la prévôté et vicomté de Paris et la l’Ile-de-France, de la fin de la guerre de Cent Ans au début des guerres de religion: étude sociale”, Paris, 1982.

Quillet B., “Louis XII”, Paris, 1986.

Renaudet A., “Jean Standonck”, Paris, 1908. “Préréforme et humanisme à Paris pendant les premiéres guerres d’Italie (1494-1517)”, Paris, 1916.

Renault C., “La Syphilis au Xve siècle”, Paris, 1868.

Ridolfi R., “Savonarola”, trad.Hayward, Paris, 1957.

Rodocanachi E., “Séances de travaux de l’Académie des sciences morales et politiques”, t.I, “Une idylle royalle, Louis XII à Gênes”, 1930.

Sacerdote G., “Cesare Borgia”, Milan, 1950.

See H., Rebillon A. et Preclin E., “Le XVIe Siècle”, Paris, 1950.

Thuasne L., “Les Mal Français à l’époque de l’expédition de Charles VIII”, Paris, 1886.

Thuasne L., “Djem-Sultan… 1459-1495. Etude sur la question d’Orient à la fin du Xve siècle”, Paris, 1892.

Verdon T., “The Art of Guide Mazzoni” (thèse Yale univ.1975), New York, 1978.

Zeller G., “Les Institutions de la France au XVIe siècle”, Paris, 1948.

В. По Бретани:

1. Общие труды:

Chardronnet J., “Histoire de Bretagne. Naissance et vie d’une nation”, Paris, 1966.

Delumeau J. (sous la directions de), “Histoire de la Bretagne”, Toulouse, 1969.

La Borderie A. de, “Histoire de Bretagne”, t.IV (1364-1515), Rennes, 1906. Revu et continué par B.Pocquet du Haut Jussé.

Rebillon A., “Histoire de Bretagne”, Paris, réédition de 1957.

Saint-Sauveur E. de, “Histoire de la Bretagne des origines à nos jours”, 2 vol., Rennes, réédition de 1957.

Waquet H., “Histoire de la Bretagne”, Paris, Nouvelle édition par Régis de Saint-Jouan, 1964.

2. Труды, посвященные Анне Бретонской:

Bailly A., “Anne de Bretagne, femme de Charles VIII et de Louis XII”, Paris, 1940.

Dupuy A., “Histoire de la réunion de la Bretagne à la France”, 2 vol., Paris, 1880 (étude élargie).

Gabory E., “L’Union de la Bretagne à la France. Anne de Bretagne, duchesse et reine”, Paris, 1941.

Lincy, Le Roux de, “Vie de la reine Anne de Bretagne, femme des rois de France Charles VIII et Louis XII”, 4 vol., Paris, 1860-1861 (contien des publications de précieux documents originaux).

Toudouze G.-G., Anne de Bretagne, duchesse et reine”, Paris, 1938.

Tourault Ph. “Anne de Bretagne“, Paris, 2004

Аннотация

Единственная наследница своего отца, Франциска II, герцога Бретонского, Анна, родившаяся в 1477 году, вступила на престол Бретани в 1488 в возрасте одиннадцати лет.

Выйдя замуж по доверенности в 1490 году за эрцгерцога Максимилиана Австрийского, юная герцогиня Бретани была вынуждена отказаться от него, чтобы выйти замуж в следующем году за завоевателя ее герцогства короля Франции Карла VIII. Политический брак, против всех ожиданий, превратился в союз великой любви.

После неожиданной смерти Карла (1498), она вновь вышла замуж за преемника своего покойного мужа – Людовика XII, но не ранее, чем получила гарантии автономии Бретани, правительницей которой она вновь стала. Будучи королевой Франции, Анна, тем не менее, всегда выступала в защиту интересов своей родины, хотя и помогла своим двум супругам управлять государством во время их отсутствия в стране. Умная, настойчивая, изысканная, она придала блеск жизни королевского двора и способствовала появлению искусства Возрождения во Франции, в том числе в преобразовании замков Нанта, Амбуаза и Блуа, где умерла в 1514 году.

Автор знакомит нас с жизнью невероятной личности королевы, часто обвиняемой в том, что она оставалась более бретонкой, чем француженкой.